947
К-29

№ 10.

...О-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
УЧЕБНАГО ОТДѢЛА О-ВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧ. ЗНАНІЙ.

И. М. КАТАЕВЪ.

ДОРЕФОРМЕННАЯ БЮРОКРАТІЯ

Цѣна 1 р. 10 к.

К 7476 В

1914.

Книгоиздательство типо-литографіи „ЭНЕРГІЯ".
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

9(47)
К29д.

И. М. КАТАЕВЪ.

РАЙОННО-ЦЕН. БИБЛ. г. Тю.

ДОРЕФОРМЕННАЯ БЮРОКРАТІЯ

ПО ЗАПИСКАМЪ, МЕМУАРАМЪ И ЛИТЕРАТУРѢ.

Ин. 12668.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПО-ЛИТОГРАФІИ „ЭНЕРГІЯ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ «ЭНЕРГІЯ».
СПБ. ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17.

Оглавленіе.

Очеркъ развитія русской бюрократіи.

СТР.

I. Россія при Николаѣ I. Крѣпостное право и бюрократія. Два момента въ развитіи бюрократіи. Принципы управленія въ Удѣльной и Московской Руси. Воеводское и приказное управленіе . 5
II. Бюрократія новой формаціи въ XVIII ст. Бюрократія при Екатеринѣ II и Александрѣ I 12
III. Бюрократія въ Николаевскую эпоху 19
IV. Литература о бюрократіи 23

Эпоха Екатерины II и Павла I.

I. Наказъ Екатерины II объ управленіи въ Россіи 27
II. Апологія Екатерины II въ защиту государственнаго строя и управленія въ Россіи. Антидотъ. 27
III. Историкъ кн. М. М. Щербатовъ объ управленіи въ Россіи . . . 33
IV. Сатира на вельможу, соч. кн. М. М. Щербатова 37
V. „Сонъ“ Радищева 38
VI. Сановникъ на станціи 43
VII. Екатерининскіе губернаторы и павловскіе вельможи 44
VIII. Сенатъ и полиція при Павлѣ I по запискамъ иностранца . . . 50
IX. Судъ въ концѣ XVIII в. по комедіи Капниста „Ябеда“ 51

Эпоха Александра I.

I. М. М. Сперанскій объ отвѣтственности министровъ и областномъ управленіи 61
II. Историкъ Карамзинъ объ административныхъ реформахъ Александра I и объ отечественныхъ устояхъ 64
III. Ѳ. В. Ростопчинъ о парламентѣ, судѣ присяжныхъ и адвокатахъ. 69
IV. Нужды и горе Россіи 70
V. Сибирскіе сатрапы 73
VI. Вельможа, басня Крылова 79
VII. Письмо Ѳ. К. Рылѣева къ Ѳ. В. Булгарину о русскомъ судѣ . 80

Николаевская эпоха.

I. Письмо декабриста А. Бестужева къ Имп. Николаю I о внутреннемъ состояніи государства 82
II. „Обозрѣніе государственнаго строя“ декабриста Г. С. Батенькова 84

		стр.
III.	Сводъ Боровкова изъ показаній декабристовъ	87
IV.	Докладная записка ген.-адъютанта Кутузова Имп. Николаю I о состояніи государства	90
V.	Взгляды Николая I на службу и обязанности, судъ и адвокатуру	94
VI.	Гр. Бенкендорфъ—первый шефъ жандармовъ	99
VII.	Задачи и организація Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи	102
VIII.	Гр. Орловъ, ген. Дуббельтъ и гр. Клейнмихель	105
IX.	Апологія Л. В. Дуббельта въ защиту отечественныхъ устоевъ	107
X.	А. И. Герценъ въ Третьемъ Отдѣленіи	115
XI.	Дореформенный судъ и Третье Отдѣленіе	123
XII.	Агенты Третьяго Отдѣленія въ провинціи	126
XIII.	Дѣло Гежелинскаго, управляющаго дѣлами Комитета министровъ	135
XIV.	Картина управленія и суда въ Петербургѣ въ 1842 г.	137
XV.	Провинціальная администрація и полиція въ 40-хъ годахъ въ Саратовѣ	143
XVI.	Вятскій губернаторъ Тюфяевъ. Полиція въ Вяткѣ въ 30-хъ гг. XIX ст.	148
XVII.	Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства	158
XVIII.	Письмо опытнаго чиновника 40-хъ гг. младшему собрату	160
XIX.	Лексиконъ дореформенной полиціи	163
XX.	Колыбельная пѣсня, Некрасова	164
XXI.	Роспись глуповскимъ градоначальникамъ, Салтыкова-Щедрина.	166
XXII.	Разсказъ подьячаго, Салтыкова-Щедрина	168
XXIII.	„Дѣло“, Сухово-Кобылина	174

Очеркъ развитія русской бюрократіи.

I.

Россія при Николаѣ I. Крѣпостное право и бюрократія. Два момента въ развитіи бюрократіи. Принципы управленія въ Удѣльной и Московской Руси. Воеводское и приказное управленіе.

„При проѣздѣ моемъ по тремъ губерніямъ, по большимъ и проселочнымъ трактамъ, въ самое лучшее время года, при уборкѣ сѣна и хлѣба, не было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движенія, доказывающаго довольствіе народное. Напротивъ, печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ“...

Такую мрачную картину рисуетъ въ своей запискѣ генералъ-адъютантъ Кутузовъ, приближенное лицо къ Имп. Николаю I, на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ имъ лѣтомъ 1841 г., при объѣздѣ губерній Новгородской, Псковской и Тверской. Кутузовъ беретъ на себя задачу изложить причины наблюдаемаго имъ явленія, какъ онъ ихъ понимаетъ, ставя при этомъ слѣдующій любопытный вопросъ: „отпечатокъ этихъ чувствъ скорби,—говоритъ онъ,—такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до престола Вашего Императорскаго Величества?“ [1]).

На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить положительно. Изъ многихъ источниковъ, оффиціальныхъ и частныхъ, Императоръ Николай, со времени вступленія своего на престолъ, прекрасно былъ освѣдомленъ, въ чемъ заключаются главныя язвы, разъѣдающія организмъ Россіи. Это были два явленія, которыя такъ гармонировали одно съ другимъ, взаимно дополняя другъ друга и, въ общей совокупности, наполняя собою всѣ сферы государственной и общественной жизни. Это — крѣпостное право и всевластіе чиновничества—господство бюрократіи, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтшія въ Николаевскую эпоху.

---

[1]) Русск. Стар. 1898 г., сентябрь, 517.

То и другое—явленія не новыя въ русской жизни. Если начало крѣпостной зависимости крестьянъ относится къ XVI в., то корни бюрократическаго режима можно прослѣдить еще глубже въ исторіи Московской и Удѣльной Руси. Нужно при этомъ различать два момента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, два мотива въ развитіи бюрократическаго процесса.

Въ отдаленныя Удѣльную и затѣмъ Московскую эпохи этотъ процессъ возникаетъ изъ вотчиннаго взгляда князя на его удѣлъ. Между собственно княжескимъ и государственнымъ хозяйствомъ долгое время не полагается различія. Понятіе объ управленіи очень примитивно. Цѣлью его служатъ не столько интересы населенія, обезпеченіе его безопасности, личной и имущественной, сколько извлеченіе дохода для князя и его агентовъ—дворцовыхъ, приказныхъ и областныхъ правителей. Самое управленіе, судъ и расправа, это—одна изъ статей дохода для кормленщиковъ, намѣстниковъ и волостелей.

Насколько далеко идетъ частный характеръ управленія, это видно изъ того, что тіуны и доводчики, которымъ намѣстники поручали судъ, нерѣдко были изъ холоповъ-рабовъ намѣстниковъ.

Населеніе должно доставлять, какъ самимъ намѣстникамъ, такъ и ихъ подчиненнымъ „кормъ“ натурой или деньгами. Кормленщики стремились кормиться пожирнѣе и не удовлетворялись приношеніями, полагавшимися имъ по обычаю или по уставу. Располагая безконтрольной властью, они притѣсняли посадскихъ и уѣздныхъ людей. Въ Москву, къ великому князю, неслись челобитныя на обиды, притѣсненія и лихоимство кормленщиковъ.

„Жаловали мы,—говоритъ Грозный въ одной изъ своихъ грамотъ,—напередъ сего бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленія, а намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная“... на злоупотребленія кормленщиковъ.

Уставныя грамоты, дававшіяся нѣкоторымъ областямъ и опредѣлявшія количество поборовъ съ населенія, были палліативомъ, мало измѣнявшимъ дѣло. Палліативомъ оказалась и такая серьезная, на первый взглядъ, мѣра Ивана Грознаго, какъ замѣна намѣстниковъ и волостелей выборными земскими властями. Причиной было то обстоятельство, что на излюбленныхъ старостъ, земскихъ дьяковъ и цѣловальниковъ правительство взвалило тѣ же фискальныя обязанности подъ личной ихъ тяжелой отвѣтственностью и отвѣтственностью выбиравшаго ихъ населенія. Институтъ излюбленныхъ старостъ оказался недолговѣч-

нымъ и съ начала новой династіи Романовыхъ повсюду замѣнился воеводами.

Кормленіе было отмѣнено, однако, только на словахъ, но не на дѣлѣ. Воевода не получалъ жалованья отъ казны и долженъ былъ попрежнему кормиться на счетъ „добровольныхъ“ приношеній населенія. Воеводскія мѣста считались прибыльными и доходными. Выслужившійся дворянинъ билъ челомъ правительству, что онъ служилъ долгое время, былъ раненъ, на службѣ разорился и пр., и потому просилъ назначить его на воеводство. Въ ежегодныхъ спискахъ воеводъ, ведшихся въ записныхъ книгахъ Разряднаго приказа, назначеніе воеводы такъ и отмѣчалось: „отпущенъ за службу“, „за рану“, „за полонское терпѣніе“. Заручившись „наказомъ“ (инструкціей) изъ Разряда, воевода пріѣзжалъ на мѣсто своего служенія.

Историкъ Соловьевъ, на основаніи источниковъ, въ такихъ эпическихъ чертахъ изображаетъ пріѣздъ новаго воеводы: „радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство—и честь большая и кормъ сытый. Радуется жена, ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтные: будутъ сыты; прыгаютъ малыя ребята,—и ихъ не забудутъ... Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу“... [1])

Усиленіе государственнаго начала въ воеводскомъ управленіи сказывалось пока только въ большей централизаціи власти, въ большей подчиненности воеводъ центральнымъ органамъ, чѣмъ то было при намѣстникахъ.

Приказная или съѣзжая изба, гдѣ засѣдалъ воевода съ дьякомъ (въ большихъ городахъ) и подъячими, была сосредоточіемъ всего управленія для города и уѣзда: воевода кромѣ главныхъ заботъ о военномъ, ратномъ дѣлѣ, чинилъ судъ и расправу, собиралъ подати, осуществлялъ полицейскую власть. Ему же были подчинены и органы мѣстнаго самоуправленія, земскіе старосты, выборные головы и цѣловальники, главное назначеніе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы быть посредниками между правительствомъ и населеніемъ при раскладкѣ и сборѣ податей, при распредѣленіи казенныхъ повинностей, при доставленіи воеводѣ кормовъ и приношеній. Способы и пріемы воеводскаго управленія оставались прежними, патріархально-вотчинными, и, при отсутствіи постояннаго и правильнаго контроля, вели къ большимъ злоупотребленіямъ со стороны воеводы.

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Р. изд. Общ. Польза, кн. III, 699.

На разореніе отъ воеводъ, дьяковъ и подъячихъ жалуются представители населенія на земскихъ соборахъ (1642 г.); жители отдѣльныхъ городовъ шлютъ многочисленныя челобитныя въ Москву. Воеводы и приказные люди являются предметомъ ненависти и жестокаго мщенія во время народныхъ движеній въ XVII в.

Вотъ одинъ-два примѣра, обрисовывающіе, какъ правилъ и „кормился“ московскій дворянинъ, попавъ на давно желанное воеводство.

Въ февралѣ 1636 г. пріѣхалъ съ Москвы на воеводство въ Сольвычегодскъ новый воевода, Ѳедоръ Левашевъ. Призвалъ онъ къ себѣ на дворъ земскаго старосту, цѣловальниковъ и многихъ „мірскихъ людей“ и объявилъ имъ: „жалованъ-де я за государеву Смоленскую службу къ Соли на воеводство, и велѣно-де на васъ, мірскихъ людехъ, по государеву наказу, на пріѣздѣ доправить полтораста рублевъ, да на великъ день Христовъ велѣно по наказу-жъ доправить на однорядку 15 рублевъ, да у меня-жъ де въ наказѣ написано, что-де велѣно вамъ, мірскимъ людемъ, меня воеводу за Смоленскую службу кормить и харчи всякіе носити на дворъ по вся дни“. Наказа воевода людямъ не показалъ, да въ наказѣ и не могло быть ничего подобнаго, такъ какъ Московское правительство, допуская сборъ корма съ населенія, юридически, однако, не опредѣляло этого права. Послѣ такого вступленія, воевода началъ дѣйствовать. Если бы онъ удовлетворился этими, болѣе или менѣе обычными воеводскими сборами, то у него съ населеніемъ и не вышло бы конфликта. Но Ѳедоръ Левашевъ, въ своемъ усердіи, допустилъ далѣе дѣйствія, уже уголовно наказуемыя. Онъ бралъ „великіе поминки“ (подарки) съ разбойниковъ, которыхъ онъ выпускалъ изъ тюрьмы на грабежъ, вымучивалъ деньги съ торговыхъ людей и крестьянъ, присваивалъ деньги изъ казенныхъ доходовъ. „И съ такова ево насильства,—бьютъ челомъ на Ѳ. Левашева сольвычегодскіе жители,—многіе, государь, крестьяне изъ усольскаго уѣзда бредутъ врознь, и твоя государева отчина пустѣетъ, и четвертныхъ денежныхъ доходовъ платить нѣкому отъ воеводскаго насильства, что, государь, многіе деньги воевода съ міру на себя правитъ смертнымъ великимъ правежемъ съ утра и до вечера, а къ ноче въ тюрьму сажаетъ. И впредь, государь, намъ сиротамъ, съ нимъ воеводою Ѳ. Левашевымъ жить не можно“ [1]).

---

[1]) Е. Д. Сташевскій, Землевлад. московскаго дворянства въ перв. половин. XVII в., 33.

Въ маленькомъ городкѣ Гремячемъ [1]) въ половинѣ XVII в. воеводой былъ Дементій Раевскій. Въ 1651 году гремячевцы всякихъ чиновъ люди „всѣмъ городомъ“ били челомъ на Д. Раевскаго, что онъ, Дементій, билъ ихъ и мучилъ, и въ тюрьмѣ держалъ безъ вины, правя съ нихъ даже особый, своеобразный, видъ пошлины „тюремное влазное“; за освобожденіе ихъ изъ тюрьмы онъ вымогалъ посулы многіе деньгами и хлѣбомъ, а у иныхъ, „животы“—лошадей, овецъ и свиней грабежемъ грабилъ, дрова и сѣно бралъ, съ пріѣзжихъ людей пошлины и головщину (штрафы) на себя „ималъ“ и въ тюрьмѣ ихъ держалъ, снявъ съ нихъ кресты и платье.

Далѣе, Д. Раевскій заставлялъ гремячевцевъ работать на себя въ винокурнѣ, отвозить въ Зарайскъ его рожь на своихъ подводахъ, а съ неимущихъ бралъ за подводу по четверти ржи и т. д. Гремячевцы указываютъ еще многочисленный рядъ притѣсненій, налоговъ и обидъ со стороны Раевскаго, вплоть до насильственнаго захвата людей въ холопство, подкрѣпляя свои обвиненія фактическими примѣрами, съ указаніемъ именъ потерпѣвшихъ.

Для разбора дѣла изъ Москвы былъ посланъ въ Гремячій стольникъ Дм. Наумовъ и, по его сыску, обвиненія противъ Раевскаго подтвердились. По царскому указу велѣно Раевскаго бить батогами и доправить на немъ сполна взятыя имъ вымогательствомъ деньги и имущество. Но дѣло осложнилось однимъ характернымъ инцидентомъ, свидѣтельствующимъ, что хотя московское правительство и допускало колективныя челобитныя на воеводъ, однако же было очень не склонно поощрять какое-либо соглашеніе, подрывавшее авторитетъ власти. Дѣло въ томъ, что гремячевцы, начавъ искъ противъ воеводы, чтобы обезопасить себя отъ весьма серьезнаго риска, составили запись за руками: бить челомъ государю на Д. Раевскаго и на иныхъ воеводъ и приказныхъ людей, которые „учнутъ“ кого изъ нихъ батогами бить, въ тюрьмѣ держать и „всякую тѣсноту чинить“, и имъ, гремячевцамъ, другъ за друга всѣмъ за одинъ стоять и „ни въ чемъ никого не подать“. За такое „воровство“, по государеву указу, было постановлено „лучшихъ людей“ изъ челобитчиковъ, Томилу Старченкова съ товарищами, бить кнутомъ [2]).

Дѣла о сольвычегодскомъ и гремячевскомъ воеводахъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, до какихъ широкихъ предѣловъ могли доходить произволъ и самоуправство воеводы. Мы остановились

---

[1]) Нынѣ мѣст. въ Тульской губ.

[2]) „И вы, мужики, ту запись межъ собой учинили воровствомъ, хотите быть на Гремячемъ приказнымъ людямъ, противъ государева указа, не послушны“. Арх. Мин. Юстиціи, Приказн. стола Разряда столб. 276.

на этихъ примѣрахъ потому, что они являются типичными для множества другихъ сыскныхъ дѣлъ о воеводскихъ злоупотребленіяхъ, сохранившихся въ оффиціальныхъ документахъ. А сколько такихъ дѣлъ совсѣмъ не было возбуждено изъ боязни поплатиться за выступленіе противъ сильнаго человѣка, у котораго могла быть „рука“ въ московскихъ приказахъ, этихъ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Московской эпохи.

Нѣкоторые изъ современныхъ историковъ отмѣчаютъ высокую степень развитія (въ XVII в.) приказнаго дѣлопроизводства, значительнаго политическаго развитія и образованія наиболѣе крупныхъ руководителей приказовъ—думныхъ дьяковъ, дѣловитости, сжатости и точности подъяческаго языка и проч. Съ этимъ нельзя не согласиться, когда пересмотришь подлинники обстоятельно, по опредѣленной системѣ, составленныхъ Разрядныхъ, Записныхъ, Писцовыхъ книгъ, столбцы переписки приказовъ съ полковыми и городовыми воеводами и т. д. Но картина совершенно мѣняется, если взглянуть на дѣло съ другой стороны, съ точки зрѣнія отношенія приказныхъ властей къ управляемому объекту, къ той массѣ просителей—челобитчиковъ, которые изо дня въ день наводняли приказы. И вотъ здѣсь-то, въ тайникахъ приказныхъ канцелярій, скрывался источникъ той знаменитой Московской волокиты, отъ которой стономъ стонали московскіе люди. Служилымъ людямъ, гостямъ, тяглымъ людямъ невозможно было обойтись безъ сношеній съ приказами: назначеніе на службу, поверстаніе помѣстьями и вотчинами, болѣе крупныя гражданскія и уголовныя дѣла, спорныя земельныя дѣла, сыски о бѣглыхъ крестьянахъ, дѣла о холопахъ,—все это вѣдали приказы. Отдаленному провинціалу, при плохихъ путяхъ сообщенія, приходилось къ сроку ѣхать въ Москву, „волочиться“ и „убытчиться“ здѣсь, задаривать приказныхъ для того, чтобы они дали ходъ дѣлу, собрали всѣ нужныя справки, выправили необходимый документъ. Отъ дѣлъ кормились приказные люди разныхъ чиновъ, начиная съ боярина до самаго мелкаго приказнаго подъячаго, пристава и сторожа.

Даже отвозить деньги въ Москву нельзя было съ пустыми руками. Нужно было „дать въ почесть“ дьяку и подъячимъ, иначе привяжутся, не дадутъ „отписи“—расписки.

Передъ нами характерная въ этомъ отношеніи переписка двухъ стряпчихъ-секретарей и юрисконсультовъ по дѣламъ богатаго Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря, владѣвшаго обширными вотчинами во второй половинѣ XVII в. Одинъ изъ нихъ, старикъ Василій Θед. Бѣлинъ, правитъ дѣлами монастыря на мѣстѣ, въ Суздалѣ; другой его сынъ, Иванъ Вас. Бѣ-

линъ проживаетъ въ Москвѣ, на Рождественкѣ, на подворьѣ Покровскаго монастыря.

Иванъ Бѣлинъ „сбился съ ногъ“ въ хлопотахъ по дѣламъ монастыря въ разныхъ приказахъ. Ему нужно похлопотать и о спорныхъ земельныхъ дѣлахъ, и по поводу взысканія съ монастыря полоняничныхъ и др. денегъ, вести судебное дѣло съ сильнымъ московскимъ человѣкомъ, уставщикомъ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, предъявившимъ къ монастырю большой денежный искъ, дипломатично предупредить посылку изъ приказа Большого дворца дворянина-„стройщика“ для наблюденія за монастыремъ и его вотчинами и т. д.

Въ цѣломъ рядѣ писемъ отецъ проситъ сына о монастырскихъ дѣлахъ радѣть и „промышлять неоплошно“, побить челомъ дьяку и подъячимъ въ Помѣстномъ приказѣ, заручиться покровительствомъ сильныхъ людей для содѣйствія въ судныхъ дѣлахъ, „гдѣ доведется“,—дать въ почесть деньгами и виномъ, смотря по дѣлу. Дьякъ Василій Калининъ, которому ранѣе была „ноша не малая“, объявилъ, что онъ „берегъ-де много“ монастырь, а теперь болѣе не можетъ, долженъ-де послать государеву грамоту игуменьѣ о взысканіи съ монастыря денегъ. Изъ монастыря шлютъ Калинину новую взятку—пять рублей денегъ и телѣгу; „и тебѣ бъ ему,—пишетъ В. Бѣлинъ,—тѣ деньги и телѣгу отдать и о томъ ему побить челомъ, чтобъ пожаловалъ, дому святого поберегъ и насъ лишними словами не возбранялъ; и то ему скажи: нынѣ пора лѣтняя, а въ зиму по первому пути и запасу пришлютъ, потому что нынѣ вести запасъ къ Москвѣ не тотъ путь“ [1])...

Итакъ, вотъ на чемъ держится весь успѣхъ въ ходатайствахъ по дѣламъ въ приказѣ: своевременно поднесенная кому слѣдуетъ „почесть“ деньгами и натурой, поддержка сильныхъ людей. Этимъ путемъ можно защищать и свои права и добиться сверхзаконныхъ льготъ, снисхожденія и отсрочки. Безъ такихъ вспомогательныхъ средствъ дѣло будетъ проиграно или же затянется на безконечное время.

Исторія Московской эпохи сохранила имена наиболѣе вліятельныхъ заправилъ приказовъ, думныхъ дьяковъ, прославившихся произволомъ и злоупотребленіями. То были при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ извѣстные дьяки братья Щелкаловы, Андрей и Василій, управлявшіе Разряднымъ и Посольскимъ приказомъ. Могущественные дьяки не только сами

---

[1]) Опис. актовъ собр. гр. А. С. Уварова, И. М. Катаева и А. К. Кабанова, 389 и сл.

самовольничали, но подъ ихъ покровительствомъ и другіе „въ приказѣ, что хотѣли, то и дѣлали“, и провинціальные воеводы Щелкаловымъ и „слова молвить не смѣли“.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ громкую извѣстность получилъ думный дьякъ Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ, который только подъ давленіемъ патр. Филарета былъ отставленъ „за самовольство и упрямство“, но послѣ смерти патріарха опять былъ возстановленъ въ своихъ званіяхъ и должностяхъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ прославился думный дьякъ Чистой, который съ компаніей своихъ пріятелей (Плещеевъ, Траханіотовъ) и друг. ставленниковъ бояръ Б. И. Морозова и царскаго тестя И. Д. Милославскаго вымогательствомъ и притѣсненіями довелъ московское населеніе до мятежа въ 1648 году.

Итакъ, въ приказномъ строѣ Московской эпохи мы видимъ всѣ признаки бюрократической системы со всѣми отрицательными ея свойствами: всевластіемъ правительственныхъ органовъ и безправіемъ обывателей, произволомъ назначенныхъ властей, эксплуатирующихъ населеніе, и отсутствіемъ правильно поставленнаго контроля и отвѣтственности. Самоуправленіе существуетъ въ посадскихъ и волостныхъ общинахъ, но оно подавлено тяжестью казенныхъ службъ, являясь болѣе легкимъ и дешевымъ средствомъ въ рукахъ правительства въ цѣляхъ той же эксплуатаціи населенія въ интересахъ фиска. Не государство и правительство существуютъ для народа, а народъ — закрѣпощенная масса — для государства въ узкомъ смыслѣ этого слова. Такое положеніе вещей стоитъ въ связи со всѣмъ экономическимъ и соціально-политическимъ укладомъ жизни Московскаго государства, въ которомъ преобладаютъ вотчинныя начала. Это первый этапъ въ развитіи бюрократіи. Второй этапъ начинается со времени Петровской эпохи.

II.

Бюрократія новой формаціи въ XVIII ст. Бюрократія при Екатеринѣ II и Александрѣ I.

Восемнадцатый вѣкъ вводитъ въ оборотъ новыя государственно-правовыя идеи, которыя наносятъ ударъ патріархально-вотчиннымъ понятіямъ.

Петръ В. глубоко воспринимаетъ принципы просвѣщеннаго абсолютизма: цѣль государства—общее благо; этой цѣли должна служить верховная власть и направлять подданныхъ къ ея достиженію. Самъ Петръ до самоотверженія служитъ этой идеѣ; онъ старается внѣдрить ее въ умы, какъ своихъ приближен-

ныхъ сотрудниковъ, такъ и всѣхъ агентовъ правительственной власти.

Административное неустройство, злоупотребленія должностныхъ лицъ всегда занимали мысль Петра. Въ дѣлѣ искорененія этихъ злоупотребленій онъ не ограничился только строгими указами и внушеніемъ виновнымъ при помощи своей знаменитой дубинки, но въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ къ 1719 г. провелъ громадную и сложную административную реформу, коснувшуюся управленія всей Россіи сверху до низу, отъ центровъ до далекой окраины. Въ новыхъ административныхъ учрежденіяхъ проводятся такія начала, которыя, казалось бы, должны были парализовать вредныя стороны бюрократическаго режима: коллегіальность, обезпечивающая большее безпристрастіе и правильность въ рѣшеніи дѣлъ, отдѣленіе отъ администраціи судебныхъ и финансовыхъ функцій, которыя возлагаются на особыя учрежденія, усиленіе контроля надъ должностными лицами. Наконецъ, Петръ вводитъ весьма важную мѣру — вознагражденіе за службу; гражданская служба сама по себѣ перестала быть жалованьемъ, какъ это было испоконъ вѣковъ; управленіе должно было, наконецъ, потерять значеніе хозяйственной эксплуатаціи, должно удовлетворять государственнымъ, а не личнымъ интересамъ.

Такъ, въ дѣлѣ административной реформы Петръ пошелъ настолько далеко, насколько не пошло ни одно правительство послѣдующихъ царствованій въ теченіе всего XVIII и первой половины XIX в. И что же, какіе результаты дала эта грандіозная реформа?

„Центральное управленіе, созданное Петромъ, — говоритъ новѣйшій изслѣдователь [1]),—хотя и въ искаженномъ видѣ, все же кое-какъ устояло и просуществовало до Екатерины II, частью даже до Александра I. Но областныя учрежденія, созданныя Преобразователемъ на мѣстѣ разрушенныхъ реформою старинныхъ учрежденій Московской эпохи, задуманныя смѣло и организованныя съ большимъ трудомъ и стараніемъ, едва пережили великаго царя... Областная реформа Петра была попыткой строить на зыбучемъ пескѣ, или взлетѣть на воздухъ безъ крыльевъ. Смѣлая попытка закончилась неудачей, и почти призрачныя учрежденія 1719 года были замѣнены другими". Въ 1727 г. принципъ раздѣленія властей сводится на нѣтъ, уничтожаются отдѣльные суды и финансовыя должности, власть сосредоточивается въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, отмѣняется выдача

---

[1]) Ю. В. Готье. Истор. областн. управ. въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II, 18.

жалованья мелкимъ приказнымъ чинамъ, которые должны были, слѣдовательно, опять „кормиться отъ дѣлъ“. Такимъ образомъ стройная система областной администраціи, введенная при Петрѣ, была совершенно нарушена. Въ центрѣ, въ коллегіяхъ, „коллегіальность“ существовала номинально; въ дѣйствительности же президенты коллегій—приближенныя и довѣренныя лица монарха, рѣшали дѣла единовластно.

Въ провинціи сборъ податей и выколачиваніе недоимокъ, принявшее въ особенности жестокую форму въ царствованіе имп. Анны, въ эпоху знаменитой Бироновщины, становится вновь главной задачей администраціи. Злоупотребленія, казнокрадство, лихоимство, взяточничество, превышеніе власти, самодурство, съ чѣмъ велъ тщетно войну Петръ В., при его преемникахъ усилились невѣроятно. Единичные случаи наказаній за злоупотребленія ни къ чему не приводили. „До Бога высоко, а до царя далеко... Въ губерніи, въ провинціи, въ уѣздѣ правитель, какъ бы онъ ни назывался, самъ чувствовалъ себя царемъ и Богомъ и не стѣснялся интересъ общаго дѣла приносить въ жертву своему собственному, несмотря ни на какія бумажныя устрашенія и принужденія, приходившія изъ столицы. Полная безотвѣтственность по отношенію къ тѣмъ, которыми онъ призванъ былъ управлять, увеличивала еще болѣе чувство безнаказанности и свободы, съ которымъ большинство губернаторовъ и воеводъ смотрѣли на ввѣренныя имъ области. На этой почвѣ и возникали легендарныя безобразія и злоупотребленія, которыми такъ прославилась областная администрація XVIII вѣка даже среди современниковъ“ [1]).

Въ чемъ же дѣло, въ чемъ заключается причина неудачи, какая постигла административную реформу Петра, несмотря на широкій ея размахъ и самыя лучшія намѣренія Преобразователя? Помимо того, что новыя многочисленныя административно-судебныя учрежденія были слишкомъ дороги и сложны и оказались не по карману правительству,—финансы въ концѣ царствованія Петра и при его ближайшихъ преемникахъ были въ печальномъ состояніи,—помимо того, что мало оказалось просвѣщенныхъ и честныхъ людей для занятія должностей, необходимо имѣть въ виду, что Петръ повторилъ обычную ошибку всѣхъ, русскихъ и западно-европейскихъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, заключавшуюся въ основной его предпосылкѣ: благо народа осуществляетъ неограниченная монархія бюрократиче-

---

[1]) Ю. В. Готье, Ibid. 234. Въ этой же книгѣ см. многочисленные примѣры губернаторскихъ и воеводскихъ злоупотребленій въ періодъ съ 1727—1775 гг.

скимъ путемъ, черезъ назначенные ею органы. При этомъ въ государствѣ нѣтъ органа, предъ которымъ агенты правительства несли бы дѣйствительную отвѣтственность, нѣтъ мѣста общественной самодѣятельности, общественному мнѣнію, — главнымъ залогамъ культурнаго развитія каждой страны. Между тѣмъ всѣ мѣры Петра, направленныя къ преобразованію управленія, къ поднятію народнаго благосостоянія и просвѣщенія, вытекали изъ другого источника. Издавая регламентъ главному Магистрату и безчисленный рядъ указовъ, Петръ излагаетъ въ нихъ обширную программу полицейской дѣятельности. Въ нее входятъ заботы о благоустройствѣ городовъ и селъ, о санитарныхъ мѣрахъ, призрѣніи бѣдныхъ, о постройкѣ по извѣстнымъ правиламъ жилищъ, о покроѣ и цвѣтѣ одежды, объ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ, о лѣченіи болѣзней, о поведеніи молящихся въ церкви, порядкѣ погребенія мертвыхъ и т. д. и т. д. Словомъ, законодательство Петра пыталось до мелочей регламентировать всю общественную, домашнюю, семейную и религіозно-нравственную жизнь подданныхъ, окружая ихъ принудительной полицейской опекой. Верховная власть должна обо всемъ и обо всѣхъ подумать, расточая свое вниманіе по мелочамъ. Областная администрація въ лицѣ губернаторовъ, воеводъ, земскихъ коммиссаровъ и др. чиновъ является исполнителемъ и проводникомъ мѣропріятій на мѣстѣ. Каковы же были эти исполнители-администраторы, которымъ было ввѣрено попеченіе о населеніи, было уже указано выше. Старыя традиціи, старыя привычки временъ „кормленія“ были слишкомъ живучи и сильны.

Вотъ почему административная реформа Петра явилась началомъ новой бюрократической системы, утвердившейся въ Россіи на долгое время. Впрочемъ система эта была новой только по внѣшности. Оффиціально признанные и провозглашаемые высокіе лозунги управленія являются украшеніемъ указовъ и манифестовъ. Едва ли не въ каждое царствованіе раздаются призывы къ администраціи честно исполнять обязанности на благо и счастье подданныхъ; за злоупотребленія, взяточничество, лихоимство высшая власть угрожаетъ карами [1]). За парадной внѣшностью, за иностранными названіями учрежденій и должностей, скрываются, собственно, нравы и пріемы приказныхъ подъячихъ стараго „добраго времени“. „Старинный взглядъ на гражданскую должность, какъ на пожалованіе для личнаго обогащенія, продолжаетъ жить, несмотря на всю борьбу съ нимъ Преобразова-

[1]) Въ особенности въ этомъ отношеніи замѣчателенъ указъ Екатерины II, изданный ей въ скоромъ времени по вступленіи на престолъ. Полн. Собр. Зак. XVI, № 11616.

теля“ [1]). Такъ было и послѣ него, во вторую половину XVIII и въ XIX ст. „Вотъ вы, молодые люди,—разсказываетъ одинъ старый подъячій,—поди-ка чай думаете, что нынче лучше, народъ-дескать меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все это напрасно-съ; чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они про экономію-то, и про благо-то общее начнутъ толковать, инда злость подъ сердце подступаетъ“ [2]).

Послѣ Петра до половины XIX вѣка въ разныя царствованія предпринимаются мелкія и крупныя административныя реформы. Бюрократическая машина совершенствуется, но это усовершенствованіе не выходитъ за предѣлы замкнутаго бюрократическаго круга. Поэтому результаты реформъ неизмѣнно оказываются плачевными. Такова судьба Екатерининской губернской реформы. Петровская всесословная бюрократія замѣняется теперь дворянской по преимуществу. Екатерина любила говорить и писать о счастьѣ, о блаженствѣ своихъ подданныхъ. Въ одной изъ статей Наказа императрица говоритъ: „Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено; несчастье, до котораго я дожить не желаю“. Какъ далеки отъ дѣйствительности были эти пышныя фразы!

Современники въ публицистической и художественной литературѣ (кн. Щербатовъ, Радищевъ, Капнистъ) подвергли весьма суровой критикѣ состояніе государства, управленія и суда во вторую половину царствованія Екатерины. Александръ I, приступая съ своими сотрудниками въ неоффиціальномъ Комитетѣ къ обсужденію административныхъ реформъ, попрежнему исходилъ изъ мысли преобразовать „безобразное зданіе государственнаго управленія“.

Съ самаго начала царствованія императоръ Александръ неоднократно заявлялъ желаніе, чтобы въ Россіи водворилась законность [3]), чтобы въ практикѣ должностныхъ лицъ не было мѣста лихоимству и взяткамъ [4]). Въ 1802 г. проводится весьма важная въ исторіи управленія въ Россіи реформа, учреждаются

[1]) Богословскій. Областная реформа, 282.

[2]) Салтыковъ-Щедринъ, Губернскіе очерки, т. III, 13.

[3]) Указъ 2 апр. 1801 г. объ уничтоженіи Тайн. Канцеляріи и рескриптъ на имя гр. Завадовскаго отъ 5 іюня 1801 г. при учрежденіи Коммиссіи „о составленіи законовъ“.

[4]) Указъ Сенату 18 ноября 1802 г.

министерства; они должны были замѣнить Петровскія коллегіи, пришедшія въ крайній упадокъ къ началу XIX ст. Сосредоточеніе дѣлъ по каждой отрасли управленія въ однѣхъ рукахъ казалось Александру и его сотрудникамъ лучшимъ средствомъ для болѣе точнаго и правильнаго распредѣленія дѣлъ и для установленія отвѣтственности исполнительной власти. Но по вопросу объ отвѣтственности министровъ нагляднѣе всего обнаружилась непригодность бюрократической организаціи. Контроль за дѣятельностью министровъ былъ возложенъ на Сенатъ. Однако, когда Сенатъ въ 1803 г. попробовалъ осуществить свое право, то тотчасъ же натолкнулся на препятствіе: изданъ былъ указъ, ограничивающій сенатское право представленій. Расширенію же власти министровъ не было положено никакихъ границъ. „Всѣ, и даже произвольныя рѣшенія министровъ должны были исполняться безпрекословно всѣми подчиненными имъ мѣстами. Министры докладывали помимо Сената государю о всѣхъ дѣлахъ управленія и скоро сдѣлались всесильными въ государственномъ управленіи. Они совершенно произвольно распоряжались государственными финансами и подъ предлогомъ личной отвѣтственности предъ государемъ освободились вполнѣ отъ всякой отвѣтственности предъ Сенатомъ“ [1]). Такъ, введеніе министерствъ, безъ установленія строгой ихъ отвѣтственности, только усилило власть высшей бюрократіи.

Въ скоромъ времени, въ 1806 году, одинъ изъ участниковъ реформы, гр. Кочубей, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ году вышедшій въ отставку, во всеподданнѣйшей запискѣ, подвергаетъ учрежденіе министерствъ самой отрицательной критикѣ, говоритъ, что лучше даже перейти къ старымъ учрежденіямъ, чѣмъ оставлять министерства въ такомъ видѣ, добавляя, что „потеряны всякое уваженіе и довѣренность къ высшему правительству, и неудовольствіе распространяется болѣе или менѣе повсемѣстно“ [2]). Сперанскій въ своемъ планѣ государственнаго преобразованія указывалъ вѣрный путь къ введенію отвѣтственности министровъ и вообще улучшенію управленія центральнаго и областного. Сперанскій, какъ извѣстно, проектировалъ осуществленіе народнаго представительства и широкаго проведенія выборнаго элемента въ мѣстномъ управленіи. Но его планъ остался на бумагѣ, а были осуществлены лишь одни отрывки.

---

[1]) Щегловъ, Государственный Совѣтъ, вып. I, 187.

[2]) Сборн. Импер. Русск. Истор. общ. т. 90, ст. 206 и сл.

Въ такомъ же печальномъ состояніи находилась низшая администрація, полиція и судъ. „Подъ игомъ полиціи народъ стонетъ во всемъ государствѣ“, говоритъ другой современникъ въ томъ же 1806 г. [1]).

Волокита, взяточничество, лихоимство царили въ судахъ. Дѣла въ судахъ рѣшались не по очереди ихъ поступленія, а по выбору судей, смотря по доходности. Уже начальная стадія всякаго судебнаго дѣла, слѣдствіе, производимое полиціей, могло затянуться на неопредѣленное время, такъ какъ для слѣдствія не установлено было срока. Юрьевскій городничій Карновичъ производилъ слѣдствіе о фальшивыхъ ассигнаціяхъ съ 1807 по 1815 г.; все это время подсудимые и причастные къ дѣлу томились въ тюрьмѣ [2]). Что же касается самаго судебнаго производства, то оно, съ апеляціями изъ низшей инстанціи въ высшія, въ палату и въ Сенатъ, могло на законномъ основаніи затянуться на 5 лѣтъ. „Эта-то проволочка и составляла самую доходную статью для судей и ею пользовались въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ установлено было закономъ. Проволочка и выигрышъ времени подсудимымъ всегда были лучшимъ средствомъ къ сокрытію преступленія и потому всегда оплачивались хорошо“ [3]). Безъ взятки нельзя было двинуть дѣла. Поголовное взяточничество существовало не только въ земскихъ судахъ, но и въ высшихъ административныхъ и судебныхъ инстанціяхъ. Брали губернаторы, предсѣдатели гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, брали въ Сенатѣ. Все это узаконилось, вошло въ обычай, и проситель никогда не приходилъ въ присутственныя мѣста съ пустыми руками. Историкъ Н. М. Карамзинъ очень мрачно смотритъ на положеніе дѣла; онъ говоритъ, что если бы отвѣчать однимъ словомъ на вопросъ, что дѣлается въ Россіи, то пришлось бы сказать—крадутъ [4]).

Изслѣдователь русской жизни въ началѣ XIX в. Н. Ѳ. Дубровинъ, ставя вопросъ о причинахъ неустройства суда и крайнихъ злоупотребленій въ немъ, указывалъ, во-первыхъ, на то, что тогда не существовало свода законовъ, и его замѣняло множество указовъ и постановленій, изданныхъ на отдѣльные случаи, не приведенныхъ въ систему, часто противорѣчащихъ другъ другу и разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Обыватель былъ безпомощенъ при попыткѣ самостоятельно разо-

---

[1]) Дубровинъ, Русск. жизнь въ нач. XIX ст. Русск. Ст. 1899 г. авг., 267.
[2]) Ibid. апрѣль, 65.
[3]) Ibid. 66.
[4]) Ibid. 58

браться въ законахъ, доказать свою правоту или защитить себя отъ нападокъ ябедниковъ, чѣмъ и пользовались судейскіе секретари и повытчики. Вторая причина заключалась въ томъ, что чиновничество, въ особенности, низшее, получало ничтожное жалованье. Въ началѣ XIX в. повытчики (позднѣйшіе столоначальники) получали не болѣе 6—8 рублей въ мѣсяцъ, а какіе-нибудь копіисты, канцеляристы, подканцеляристы получали и того менѣе.

То и другое, законодательная неразбериха и скудость казеннаго жалованья, конечно, имѣли свое значеніе и усугубляли лихоимство и взяточничество. Но что это были не исчерпывающія, а только частныя причины, въ этомъ легко убѣдиться изъ того, что взятки брали не только мелкіе приказные, получавшіе, дѣйствительно, нищенское жалованье, но и крупные бюрократы, которые были лучше обставлены въ матеріальномъ положеніи. Затѣмъ, по упорядоченіи законодательства, при Николаѣ I, по изданіи Полнаго собранія и Свода законовъ, всѣ указанныя отрицательныя стороны бюрократіи не исчезли, но еще преумножились. А. С. Хомяковъ, извѣстный славянофилъ, защитникъ національныхъ устоевъ, котораго нельзя было упрекнуть въ оппозиціонномъ направленіи, въ 1854 г. написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Россія“:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна [1]).

III.

Бюрократія въ Николаевскую эпоху.

При Николаѣ I развитіе бюрократіи достигаетъ своего апогея. Нѣкоторые панегиристы-современники [2]), восхищаясь мужественнымъ видомъ, твердымъ, непреклоннымъ характеромъ „государя-рыцаря“, предрекали ему великую будущность реформатора, новаго Петра.

Императору нельзя совсѣмъ отказать въ реформаторскихъ стремленіяхъ и попыткахъ. Необходимость реформъ настоятельно

---

[1]) Собр. сочин. А. С. Хомякова, изд. 1900 г., т. IV.
[2]) Ген. Дуббельтъ, бар. Корфъ, Боровковъ.

подсказывалась кризисомъ, пережитымъ при вступленіи на престолъ. Участники возстанія понесли жестокую кару, но императоръ не могъ не признать справедливости ихъ указаній на бѣдственное состояніе Россіи и неотложность реформъ. Бывшій дѣлопроизводитель Слѣдственнаго Комитета надъ декабристами Боровковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ, по желанію государя, составилъ сводъ изъ показаній декабристовъ, который государь часто просматривалъ и почерпалъ изъ него „много дѣльнаго“ [1]).

Но каковъ былъ характеръ и размахъ реформъ, видно изъ того, что самой значительной реформой въ области управленія было учрежденіе знаменитаго Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Начальникъ этого Отдѣленія, онъ же шефъ жандармовъ, ближайшее довѣренное лицо императора, дѣйствуетъ въ столицѣ. Подчиненные шефу штабъ-офицеры посылаются по одному въ каждую губернію. Агенты III Отдѣленія должны были во все проникнуть, все предупредить. Въ рукахъ жандармовъ сосредоточивается громадная власть: имъ принадлежитъ контроль надъ дѣйствіями всѣхъ правительственныхъ органовъ въ столицѣ и провинціи, надзоръ за жизнью общества умственной, нравственной, даже домашней и семейной. Это—своего рода государство въ государствѣ, бюрократія въ бюрократіи. Главной задачей Третьяго Отдѣленія было поддержаніе престижа власти и подавленіе въ самомъ зародышѣ всякой общественной самостоятельности, недовольства или критики правительственныхъ агентовъ.

Третье Отдѣленіе присваиваетъ себѣ функціи высшей цензуры. Преслѣдуется всякая печатная мысль, не идущая въ унисонъ съ теоріей оффиціальной народности, впервые формулированной министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ и развиваемой на страницахъ появившихся при Николаѣ рептильныхъ журналовъ и газетъ во главѣ съ „Сѣверной Пчелой“ Булгарина и Греча.

Такъ, напримѣръ, въ 1834 г. закрывается журналъ Полевого „Московскій Телеграфъ“ только за то, что Полевой позволилъ написать суровую рецензію на патріотическую драму Нестора Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“, удостоившуюся въ театрѣ аплодисментовъ государя. Въ 1844 г. въ Петербургѣ появилась книжка „Продѣлки на Кавказѣ“, въ которой авторъ мѣтко, съ фактами въ рукахъ, открывалъ грѣхи мѣстной администраціи. Это стало извѣсто ген. Дуббельту, управляющему

[1]) Подробности см. ниже въ матеріалахъ.

Канцеляріей Третьяго Отдѣленія. Книга была отобрана изъ типографіи и магазиновъ, журналамъ было запрещено отзываться о ея появленія, а цензоръ, проф. Крыловъ, имѣвшій неосторожность пропустить эту книжку, вытребованъ былъ изъ Москвы подъ присмотромъ жандармскаго унтеръ-офицера въ Петербургъ, къ „шефу“, затѣмъ былъ отставленъ отъ должности цензора и арестованъ при университетѣ на 8 сутокъ [1]).

Самъ императоръ Николай, бывшій образцомъ необычайной аккуратности въ своихъ кабинетныхъ занятіяхъ по просмотру докладовъ и бумагъ [2]), вѣрилъ въ всеобъемлющее спасительное дѣйствіе созданнаго имъ органа, какъ въ сферѣ контроля надъ чиновничествомъ, такъ и въ сферѣ защиты и помощи обывателямъ. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какой отвѣтъ далъ Николай гр. Бенкендорфу, первому шефу жандармовъ, который, вступивъ въ новую должность, просилъ государя дать ему руководящую инструкцію въ предстоящей ему дѣятельности. Государь, державшій въ этотъ моментъ въ рукахъ носовой платокъ, протянулъ его генералу и сказалъ: „Вотъ тебѣ моя инструкція. Чѣмъ больше отрешь слезъ этимъ платкомъ, тѣмъ вѣрнѣе будешь служить моимъ цѣлямъ“ [3]). Баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующій характерный эпизодъ изъ жизни Николая, имѣвшій мѣсто въ 1834 г.

„Въ кабинетѣ съ государемъ одинъ Енохинъ (придворный врачъ). Государь веселъ и разговорчивъ:

— Ты, Енохинъ,—говоритъ онъ, изъ духовнаго званія и, слѣдственно, вѣрно знаешь духовное пѣніе.

— Не только знаю, государь, но въ молодости часто и самъ пѣвалъ на клиросѣ.

— Такъ спой же что-нибудь, а я буду припѣвать.

И вотъ они поютъ вдвоемъ церковныя стихиры.

— Каково, Енохинъ?

— Прекрасно, государь, вамъ бы хоть самимъ на клиросѣ пѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня голосъ недуренъ, и если бы я былъ тоже изъ духовнаго званія, то, вѣроятно, попалъ бы въ придворные пѣвчіе. Тутъ пѣлъ бы, пока не спалъ съ голоса, а потомъ... ну, потомъ выпускаютъ меня, по порядку, съ офицерскимъ чиномъ хоть бы въ почтовое вѣдомство. Я, разумѣется, ста-

---

[1]) Лемке, Николаевскіе жандармы, 155—156.

[2]) См. ниже въ матеріалахъ: „Взгляды императора Николая на службу и обязанности“.

[3]) Лемке, Николаевскіе жандармы, 17.

раюсь подбиться къ почтъ-директору, и онъ назначаетъ меня на тепленькое мѣстечко, напримѣръ, почтъ-экспедиторомъ въ Лугу. На мою бѣду у Лужскаго городничаго хорошенькая дочка. Я по уши въ нее влюбляюсь, но отецъ никакъ не можетъ ее за меня выдать. Отсюда начинаются всѣ мои несчастья. Въ страсти моей я уговариваю дѣвочку бѣжать со мною и похищаю ее. Объ этомъ доносятъ моему начальству, которое отнимаетъ у меня любовницу, мѣсто, хлѣбъ и напослѣдокъ отдаетъ меня подъ судъ. Что тутъ дѣлать безъ связей и безъ протекціи?

Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ Бенкендорфъ.

— Слава Богу, я спасенъ: нахожу путь къ Бенкендорфу, подаю ему просьбу, и онъ высвобождаетъ меня изъ бѣды!

Можно представить себѣ, какой неистощимый смѣхъ произвелъ въ слушателяхъ этотъ романъ ex abrupto, доказывающій, вмѣстѣ со многими другими анекдотами, веселую, обыкновенно, настроенность государя и игривое его воображеніе“ [1]).

Однако, дѣйствительность давала весьма мало основаній для оптимистическаго настроенія. И чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло шло хуже и хуже. Императору Николаю приходилось наталкиваться на вопіющія злоупотребленія и непорядки въ управленіи и на судѣ, и не только гдѣ-нибудь въ провинціи или въ отдаленной Сибири, но у себя въ Петербургѣ, въ столичномъ судѣ и Комитетѣ министровъ [2]).

Вотъ какую резолюцію положилъ Николай на журналѣ Государственнаго Совѣта по поводу ревизіи С.-Петербургскаго надворнаго суда въ 1842 г.:

„Неслыханный срамъ! безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ“ [3]).

Это былъ приговоръ надъ всей системой, приговоръ надъ самимъ собой. „Дѣйствительно,—говоритъ по этому поводу тотъ же бар. Корфъ, благоговѣвшій передъ личностью Николая,—посвятить всю жизнь, всѣ помыслы, всю энергію мощной души на благо державы и на искорененіе злоупотребленій; неуклонно стремиться къ тому въ продолженіе 17 лѣтъ; утѣшаться мыслію, что достигнутъ хотя какой-нибудь успѣхъ, и вдругъ,—вмѣсто плода всѣхъ этихъ попеченій, усилій, цѣлой жизни жертвъ и заботъ—

---

[1]) Изъ записокъ бар. Корфа. „Русск. Стар.“ 1899 г. іюнь, 524—525.

[2]) См. ниже въ матеріалахъ: „Дѣло Гежелинскаго“ и „Картина управленія и суда въ Петербургѣ“.

[3]) Изъ зап. бар. Корфа. „Русск. Стар.“ 1899 г. октябрь, 43.

увидѣть себя передъ такою зіяющею бездною всевозможныхъ мерзостей, бездною, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшеюся постепенно, черезъ многіе годы, невѣдомо ему, передъ самымъ его дворцомъ,—тутъ было отъ чего упасть рукамъ, лишиться всякой бодрости, всякаго рвенія, даже впасть въ человѣконенавидѣніе“ [1]).

Однако, столь рѣшительный приговоръ не только не заставилъ измѣнить систему, повернуть путь въ другую сторону, но, наоборотъ, — конецъ царствованія Николая былъ эпохой самой мрачной реакціи, усиленнаго бюрократическаго гнета.

Нужно было сильнѣйшее внѣшнее потрясеніе государства, чтобы сдвинуться съ мертвой точки. Реформы 60-хъ годовъ пробили первую брешь въ замкнутомъ бюрократическомъ кругѣ...

IV.

Литература о бюрократіи.

Громадная литература, мемуарная и художественная, которая въ живыхъ образахъ и яркихъ картинахъ можетъ иллюстрировать дореформенную бюрократію во всѣхъ ея проявленіяхъ, использована нами только въ небольшой ея части. Главное вниманіе здѣсь, несомнѣнно, привлекаетъ Николаевская эпоха, періодъ расцвѣта бюрократіи, увѣнчивающій многовѣковой процессъ ея развитія. Этой эпохѣ и посвящена болѣе значительная часть приведенныхъ ниже матеріаловъ.

Но мы не сочли возможнымъ не освѣтить до извѣстной степени и предшествующіе ей періоды — первой четверти XIX столѣтія и Екатерининскаго времени, вслѣдствіе живой и непрерывной связи въ событіяхъ, дѣйствующихъ лицахъ и учрежденіяхъ второй половины XVIII и первой половины XIX в. Наиболѣе крупныя административныя реформы въ исторіи бюрократіи, „учрежденіе о губерніяхъ“ и учрежденіе министерствъ, дожившія до конца дореформенаво періода, а частью и пережившія его, относятся къ царствованію Екатерины II и Александра I. Было бы еще послѣдовательнѣе освѣтить матеріалами, вышедшими изъ-подъ пера современниковъ-очевидцевъ, и первую половину XVIII вѣка, начиная съ первыхъ шаговъ новой Петровской бюрократіи; но отъ этого пришлось отказаться за недостаткомъ мѣста.

Вѣкъ Екатерины, благодаря, въ сильной степени, почину самой императрицы, былъ временемъ оживленія политической

---

[1]) Изъ зап. бар. Корфа. „Русск. Стар.“ 1899 г. октябрь, 43.

мысли, печатнаго слова, публицистики. Жизнь давно уже выдвигала вопросы, приковывавшіе вниманіе образованнаго общества и трактовавшіеся въ только что зародившейся журналистикѣ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ разныхъ авторовъ.

Въ числѣ вопросовъ внутренняго быта не могъ не занимать виднаго мѣста жизненный, ощутительный для всѣхъ вопросъ объ управленіи государствомъ, о разныхъ сторонахъ правительственной дѣятельности, разумѣется, постольку, поскольку можно было касаться ихъ при условіяхъ русской жизни. Нѣкоторой гарантіей свободы обсужденія въ этомъ отношеніи было обѣщаніе Екатерины, выраженное ею въ Наказѣ Коммиссіи 1767 г.: „Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе“ [1]). Но печальный опытъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ піонеровъ русской публицистики, А. Н. Радищева, наглядно показалъ, что о свободѣ слова у насъ не могло быть и рѣчи. Вотъ почему мы располагаемъ весьма ограниченнымъ количествомъ сочиненій, касающихся вопросовъ внутренней политики XVIII и первой половины XIX ст. Такіе замѣчательные труды, какъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ или „Оправданіе моихъ мыслей“ кн. Щербатова, написанные при Екатеринѣ, болѣе полустолѣтія лежатъ въ рукописяхъ и опубликовываются въ Россіи уже во второй половинѣ XIX ст. Такой путь былъ наиболѣе удобнымъ выходомъ для критической мысли, направленной на запретные вопросы. Для насъ, потомковъ, эта мысль сохранилась въ громадномъ количествѣ записокъ и мемуаровъ, извлеченныхъ на свѣтъ Божій изъ архивовъ и напечатанныхъ въ нашихъ историческихъ журналахъ и въ др. изданіяхъ.

Круто приходилось и художественной литературѣ, которая не могла не откликнуться на одинъ изъ злободневныхъ вопросовъ современности и не воспользоваться сюжетами и типами изъ бюрократическаго, приказнаго и судейскаго быта.

Авторъ „Ябеды“, Капнистъ, современникъ Екатерины II и Павла I, мѣтко попавшій въ больное мѣсто современнаго ему общества, вызвалъ въ чиновномъ мірѣ бурю негодованія. Жихаревъ въ своихъ запискахъ „Дневникъ чиновника“ [2]) разсказываетъ со словъ Г. Р. Державина, что Капнистъ, написавъ свою комедію, неоднократно читалъ ее при многихъ посѣтителяхъ, и когда въ Петербургѣ заговорили о неслыханной дерзости, съ какою выведена въ комедіи безнравственность губернскихъ чиновниковъ, испугался и просилъ совѣта, что ему дѣлать. Н. А.

---

[1]) Наказъ Екатерины II, пар. 480, Полн. Собр. Зак., т. XVIII.

[2]) Отечественныя записки 1855 г.

Львовъ (родственникъ Державина) посовѣтовалъ ему посвятить комедію самому императору. Капнистъ послѣдовалъ совѣту, и толки умолкли. Однако, пьеса, разрѣшенная имп. Павломъ къ постановкѣ, была скоро снята съ репертуара и даже при Александрѣ I не сразу получила права гражданства.

Не мало мытарствъ пришлось претерпѣть и Гоголю со своей „Тяжбой". Пьеса нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не допускалась на сцену. Наконецъ, знаменитому артисту Щепкину удалось въ 1844 г. выхлопотать въ Третьемъ Отдѣленіи разрѣшеніе на постановку пьесы. Ген. Дуббельтъ, возвращая, послѣ просмотра, книгу Щепкину со своими помѣтками, сказалъ ему: „Играйте, но смотрите, чтобы зачеркнутое не произносилось на сценѣ. Я самъ буду въ театрѣ" [1]).

Въ видахъ большей полноты и объективности, казалось желательнымъ представить не только отрицательную критику бюрократической системы, но и матеріалы писателей или мемуаристовъ-современниковъ другого лагеря, защитниковъ-апологетовъ бюрократическаго строя. Ихъ положеніе было совсѣмъ другое. Они не только свободно могли публиковать свои мысли, но находили себѣ въ правящихъ кругахъ поддержку и поощреніе весьма не платоническаго свойства. И тѣмъ не менѣе, мы не найдемъ здѣсь обильнаго и красочнаго матеріала. Что касается публицистовъ или мемуаристовъ оффиціальнаго направленія, то они рѣдко берутъ на себя неблагодарную задачу прямо защищать чиновничество или представить картину облагодѣтельствованнаго имъ населенія. Наоборотъ, даже наиболѣе реакціонные изъ нихъ, какъ, наприм., Карамзинъ, не менѣе жестоко громятъ произволъ, взяточничество, лихоимство и др. пороки бюрократіи. Лишь имп. Екатерина въ своемъ сочиненіи „Антидотъ" [2]) рѣшилась взять на себя весьма трудную задачу защиты русскаго чиновничества противъ нападокъ на него одного французскаго автора, аббата Шаппъ д'Отероша. Нельзя сказать, чтобы попытка Екатерины оказалась изъ удачныхъ. Авторы охранительнаго направленія предпочитаютъ стоять на болѣе общей теоретической почвѣ, защищать спасительность отечественныхъ устоевъ или громить парламентаризмъ, судъ присяжныхъ, адвокатуру и проч.

Печатаемые ниже матеріалы изъ записокъ, воспоминаній, отдѣльныхъ сочиненій и художественной литературы, расположенные, въ цѣляхъ большей связности и цѣльности впечатлѣ-

---

[1]) Лемке, Николаевскіе жандармы, 160.

[2]) См. ниже, въ матеріалахъ.

нія, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, раздѣляются на три части по эпохамъ: 1) Екатерины II и Павла, 2) Александра I и 3) Николая I. Въ составъ каждой изъ трехъ частей входятъ: апологія бюрократіи, критика ея, картины изъ дѣйствительной жизни, характеристика нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей бюрократіи и, наконецъ, наиболѣе характерные отрывки изъ художественныхъ произведеній. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сообщаются необходимыя біографическія и литературныя разъясненія.

Эпоха Екатерины II и Павла I.

I.

Наказъ Екатерины II объ управленіи въ Россіи [1]).

Глава II. 8. Россійскаго государства владѣнія простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовати сходно съ пространствомъ толь великаго государства.

10. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ. которая оным правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое.

11. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

13. Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра.

Глава III. 18. Власти среднія, подчиненныя и зависящія отъ верховной. составляютъ существо правленія.

19. Сказано мною: власти среднія, подчиненныя и зависящія отъ верховной; въ самой вещи государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти.

II.

Апологія Екатерины II въ защиту государственнаго строя и управленія въ Россіи *).

...Ненавистное названіе деспота, которое аббатъ смѣетъ постоянно давать Русскому Государю, вотъ черта, ясно доказывающая его зложелательство.

Очень хотѣлось-бы мнѣ знать, г. аббатъ, что означаетъ у васъ слово Государь

---

*). Изъ сочин. Екатерины II. «Антидотъ (Противоядіе)». Осмнадц. вѣкъ П. Бартенева, кн. IV.

Сочин. Антидотъ, напис. въ 1770 г., полемическаго характера, направлено противъ книги французскаго автора, аббата Шаппъ-д'Отероша «Пу-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVIII, № 12949.

(Souverain)? Король, издающій законы? Нашъ Государь дѣлаетъ то-же самое. Вы имѣете Парламенты, отказывающіеся принимать дурные законы, но которыхъ къ тому принуждаютъ послѣ нѣкоторыхъ препираній; у насъ есть Сенатъ, имѣющій тѣ-же права; но наши Государи избѣгали протестовъ, издавая законы лишь по представленію этого Сената, или воздерживаясь отъ того, что могло-бы навлечь на нихъ протестъ. Французскій король и даже его министры сажаютъ въ Бастилію и тамъ подвергаютъ судилищу, на это устроенному, или суду какой-нибудь коммиссіи, кого имъ вздумается: у насъ тайная канцелярія дѣлала то-же самое, но съ 1762 года она уничтожена, а ваша Бастилія существуетъ. Ваши государи, если они несправедливы, могутъ отнять у васъ и имущество и жизнь; такъ-же и у насъ, г. аббатъ. Ваши государи, однако-же, не могутъ нарушать установленныхъ законовъ, безъ того, чтобы не закричали о несправедливости. Точь въ точь какъ у насъ, г. аббатъ. Вы сошлетесь на ваши основные законы, а я отвѣчу вамъ, что они до сихъ поръ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ; сколько разъ ваши Парламенты утверждали, что такая-то вещь согласна или несогласна съ основными законами, и сколько разъ дворъ отвѣчалъ имъ голословнымъ отрицаніемъ или приказаніемъ молчать? Вы мнѣ скажете, что самые эти споры доказываютъ существованіе этихъ законовъ: но отрицанія и приказанія молчать не доказываютъ-ли существованіе неограниченной власти? Очень хорошо знаю. что хотятъ васъ увѣрить, будто ваша страна есть твердыня свободы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ, вы рабы тѣломъ, душою, сердцемъ и умомъ. Вся ваша нація считаетъ себя самою свободною въ мірѣ, и почему? Потому что ее учатъ увѣрять себя въ этомъ. Ораторы, священники, монахи, всѣ прихвостни правительства безпрестанно увѣряютъ васъ въ этой химерѣ; какъ противустоять столь единодушнымъ свидѣтельствамъ?...

Виноватъ, г. аббатъ, мнѣ нужно было съ вами объясниться, къ несчастію не въ послѣдній разъ. Аббатъ говоритъ: «всѣ чиновники—маленькіе тираны». Г. аббатъ, клянусь вамъ, что наши чиновники и на сотую долю не такіе тираны, какъ гг. чиновники Французскаго короля; кромѣ того, ихъ менѣе: не думаю, чтобы въ Россіи, на протяженіи шестнадцати тысячъ верстъ, было болѣе двухъ

тешествіе въ Сибирь», вышедш. въ Парижѣ въ 1768 г. Шаппъ д'Отерошъ проѣхалъ Россію отъ западной границы черезъ Петербургъ, Москву, Нижній-Новгородъ, Вятку и т. д. до Тобольска и, на основаніи дорожныхъ впечатлѣній, описалъ бытъ и нравы страны, географическое и политическое ея состояніе. Отношеніе автора къ Россіи отрицательное. Книга затронула патріотическія и національныя чувства Екатерины, и она рѣшила дать отпоръ Шаппъ д'Отерошу. Въ ея рукахъ было сильное оружіе, которымъ она побивала противника. Это—порядки старой дореволюціонной Франціи съ ея абсолютизмомъ, Бастиліей, Lettres de cachet и пр. Но въ пылу полемическаго задора императрица перешла мѣру, доказывая, что въ Россіи не можетъ быть рѣчи о рабствѣ не только дворянъ, но и крестьянъ, которые благоденствуютъ, что губернаторы и воеводы не берутъ взятокъ, такъ какъ онѣ запрещены закономъ... Приводимъ наиболѣе характерныя мѣста. относящіяся къ управленію въ Россіи.

тысячъ коронныхъ чиновниковъ, между тѣмъ какъ во Франціи, г. аббатъ, вы имѣете счастіе на гораздо меньшемъ пространствѣ имѣть ихъ восемьдесятъ тысячъ и болѣе. Разница состоитъ въ томъ, что ваши безсовѣстно обогащаются на счетъ бѣднаго народа, а наши едва имѣютъ, чѣмъ прокормиться. Нѣтъ примѣровъ, чтобы вашихъ наказывали: протекція и связи спасаютъ ихъ. Въ Россіи, какъ только они позволяютъ себѣ слишкомъ большія вольности, ихъ наказываютъ: самъ народъ спѣшитъ ихъ тащить къ суду [1])...

Аббатъ повѣтствуетъ, что съ 861 по 1596 г. [2]) Россія управлялась рядомъ государей, происшедшихъ изъ одного семейства, и что въ теченіе этихъ слишкомъ 700 лѣтъ постоянно наслѣдовали старшіе. Прибавлю, что въ теченіе этихъ слишкомъ 700 лѣтъ, т. е. до смерти Царя Ѳеодора Іоанновича Россія управлялась, имѣла приблизительно тѣ-же нравы, шла тѣмъ же путемъ и находилась почти на одномъ уровнѣ, какъ и всѣ государства Европы... Почему же вы называете ихъ (русскихъ) государей тиранами? Опытъ показываетъ, что, въ теченіе 700 лѣтъ слишкомъ, Россія была довольна ихъ правленіемъ, росла въ могуществѣ и силѣ, что во все это время подданные не жаловались на форму правленія, и, дѣйствительно, это единственная, которая могла бы существовать въ Россіи вслѣдствіе обширности этой Имперіи. Смотрите главу II-ю Наказа импер. Екатерины, даннаго Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Но что я говорю? Смотрите главу II-ю Наказа? Вы бы не посмѣли, г. аббатъ. Газеты объявили, что этотъ Наказъ былъ запрещенъ въ Парижѣ вашимъ мягкимъ и умѣреннымъ монархическимъ правительствомъ...

Знайте-же, невѣжа, что мало есть государствъ, въ которыхъ законъ уважался-бы на столько, какъ у насъ. Никакой судья, крупный или малый, не можетъ постановить рѣшенія, не сославшись на законъ, сообразно съ которымъ онъ дѣйствуетъ. Знайте далѣе, что никакое постановленіе не должно быть исполнено, если оно не согласно съ закономъ; что Римскіе законы были введены у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, ибо они входили въ составъ законовъ церковныхъ; что великій князь Ярославъ, отецъ святаго Александра Невскаго [3]), велѣлъ изложить письменно составленные имъ законы, которымъ служили образцомъ древніе законы Новгородскіе; эти же послѣдніе не отличались ничѣмъ отъ тѣхъ, которымъ тогда слѣдовалъ почти весь Сѣверъ. Царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ составить новое уложеніе; царь Алексѣй Михайловичъ другое. Земскіе судьи съ незапамятныхъ временъ назначались ежегодно, и никто не подвергался приговору безъ предварительнаго суда. Всѣ дѣла вершились приказами, для этого назначенными. Какъ и повсюду, о всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовались съ духовенствомъ. Мнѣ кажется, что вотъ правительство, устроенное какъ почти всѣ прочія въ Европѣ того времени, и даже лучше нѣкоторыхъ изъ нихъ. Страсть аббата состоитъ въ томъ, чтобы приводить весьма пространно все, что онъ можетъ отко-

---

[1]) Стр. 242—243.

[2]) Хронологическая ошибка,—вмѣсто 1598.

[3]) Екатерина безнадежно путаетъ двухъ Ярославовъ, разъединенныхъ періодомъ времени болѣе, чѣмъ въ 150 лѣтъ.

нать худшаго, или то, чему можно дать ненавистный оборотъ; но онъ остерегается упоминать о фактахъ, которые могутъ прославить нашъ народъ: на семьсотъ лѣтъ нашъ авторъ удѣлилъ лишь полъ-страницы *)...

«Съ того момента, какъ эта Государыня (Екатерина II) пріобрѣла власть распоряжаться по своей волѣ жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ, передъ нею являются не иначе, какъ падая ницъ и принося ей клятву въ безусловной вѣрности, какъ и Государямъ, ея предшественникамъ». Но остановимся немного на этомъ параграфѣ. Кромѣ неудовольствія аббата на повиновеніе Государямъ, онъ наполненъ ложью и нелѣпостями. Вы говорите: «Государыня пріобрѣла власть распоряжаться по своей волѣ жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ». Но, г. академикъ, знаете-ли вы, что съ незапамятныхъ временъ наши Государи не осуждали никого, не подвергши его суду, что съ тѣхъ поръ они говорили, писали и повторяли, что предоставляютъ себѣ утвержденіе смертныхъ приговоровъ, дабы никогда ихъ не допускать; что имѣнія болѣе не отбираются въ казну, даже за преступленія; что, хотя одной воли нашихъ Государей, какъ и во многихъ другихъ странахъ Европы, достаточно, чтобы располагать жизнію и имуществомъ ихъ подданныхъ, однако, нѣтъ страны, въ которой жизнь и имущество подданныхъ были-бы ограждены большими формальностями, чѣмъ въ Россіи. У насъ есть законъ, гласящій, что лучше оставить безъ наказанія десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго. (?) Г. д'Отерошъ, вы присовокупляете: «передъ нею (Императрицею) являются не иначе, какъ падая ницъ и принося ей клятву въ безусловной вѣрности, какъ и Государямъ, ея предшественникамъ». Не подумаешь-ли, прочитавши это, что къ нашимъ Государямъ нельзя подойти иначе, какъ ползая на четверенькахъ, или, какъ изображаютъ на гравюрахъ аудіенціи Индостанскихъ монарховъ: лежа ничкомъ вокругъ трона. Но и этимъ не довольствуется аббатъ, и еще присовокупляетъ къ словамъ: «передъ нею являются не иначе, какъ падая ницъ» еще слѣдующія: «и принося ей клятву въ безусловной вѣрности». Какова нелѣпость! Какъ? Передъ Императрицею являются не иначе, какъ на четверенькахъ, и каждый разъ, какъ ее увидятъ, клянутся ей въ безусловной вѣрности? Такъ же поступали съ ея предшественниками? Подите, г. Шаппъ; какой дуракъ вамъ повѣритъ, развѣ подобный вамъ? Развѣ вы одни бывали въ Петербургѣ? Мы въ жизнь свою не видали, чтобы кто-либо при дворѣ ползалъ на четверенькахъ, или приносилъ присягу въ вѣрности иначе, какъ въ церкви. Аббатъ, пари, что-ли, вы держали? Придавайте-же по крайности правдоподобіе тому, что вы разсказываете. Когда лежатъ ничкомъ, подымаютъ-ли голову, чтобы присягать, или такъ, ничкомъ, и присягаютъ? Такъ какъ мы никогда не видали ничего подобнаго, то и желали-бы отъ васъ разъясненій на счетъ этого пункта [1])...

*) Въ „Путешествіи" Шаппъ д'Отероша излагается краткій историческій очеркъ Россіи, вызывающій язвительныя реплики Екатерины. Стр. 289—290 и сл.

[1]) Стр. 318—319.

Аббатъ любитъ слово: рабъ. На страницѣ CXXV (195) [1]) вы найдете на протяженіи десяти или двѣнадцати строкъ это милое слово, повтореннымъ столько разъ, сколько это возможно. Но не думайте, читатель, потому, что народъ прикрѣпленъ къ землѣ, чтобы онъ по этому самому находился въ крайности. Крестьяне государственные, дворцовые и монастырскіе платятъ опредѣленную, умѣренную повинность, и когда она внесена, они вполнѣ властны надъ всѣмъ, что могутъ они пріобрѣсти. Большинство дворянскихъ имѣній находится въ тѣхъ же условіяхъ. Вообще полагаю, что можно сказать, не впадая въ ошибку, что положеніе простонародья въ Россіи не только не хуже, чѣмъ во многихъ иныхъ странахъ, но что въ большинствѣ случаевъ оно даже лучше. Народъ менѣе подвергается мелкимъ поборамъ и знаетъ навѣрное, что долженъ платить: въ повинностяхъ нѣтъ ничего произвольнаго; разъ уплативши ихъ, онъ почти совершенно воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Крестьяне богатыхъ вельможъ и дворянъ, живущихъ разсчетливо, находятся въ томъ же положеніи. Бывали случаи, что нѣкоторыя семейства, для уплаты долговъ, хотѣли продать свои земли; узнавши объ этомъ, крестьяне этихъ имѣній дѣлали складчину и уплачивали долги своихъ господъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не продавали своихъ имѣній. Дворяне на своихъ земляхъ не имѣютъ иной юрисдикціи, кромѣ внутренней полиціи. Высшій судъ принадлежитъ окружному воеводѣ, точно такъ же какъ право налагать тяжкія наказанія.

Мы оставили аббата на страницѣ CXXV (194), гдѣ онъ говоритъ, что «дворянство, такимъ образомъ закабаленное въ ужасное рабство, вымещаетъ его на всемъ народѣ: онъ его рабъ, или рабъ Государя и воеводъ, его представляющихъ». Посмотримъ теперь, столь ли тяжко ярмо воеводъ, какъ то, которое, по словамъ г. Шаппа, лежитъ на дворянствѣ, и то, которое это дворянство налагаетъ на народъ; ибо какъ послушаешь г. д'Отероша, то подумаешь, что всѣ въ Россіи стонутъ подъ ярмомъ. Но если мы сравнимъ состояніе каждаго съ тѣмъ же состояніемъ во многихъ другихъ странахъ Европы, то мы легко докажемъ, что въ Россіи граждане наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ; что всѣ повинности извѣстны, и что впрочемъ они дѣлаютъ приблизительно, что хотятъ; что правительствомъ наказывается лишь нарушеніе законовъ; что эти законы, хотя и многочисленны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже противорѣчатъ другъ другу, но далеко не въ той степени, какъ ворохи законовъ въ другихъ странахъ, по большей части писанные на языкѣ, неизвѣстномъ толпѣ, и сопоставленные, Богъ вѣсть какъ и кѣмъ, изъ двадцати различныхъ системъ права, во времена невѣжества и суевѣрія. Легко было бы доказать, что наши законы, каковы бы они ни были, еще самые простые въ Европѣ и во многомъ самые ясные и разумные. Окружные воеводы, на которыхъ такъ злится аббатъ, далеко не представители Государя; они не имѣютъ иной власти, какъ принимать въ первой инстанціи жалобы и иски, которые имъ представляютъ. Всякая деревня посылаетъ свои подати въ казну областнаго воеводы, и онъ вмѣшивается въ ихъ сборъ лишь въ случаѣ недоимокъ. Взятки строго запрещены, и воевода

[1]) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ ссылки на стран. приводятся согласно подлинному тексту „Антидота“.

не имѣетъ права дѣлать никакихъ поборовъ. Онъ даже не можетъ распорядиться ничѣмъ безъ участія своихъ засѣдателей [1])...

На стр. CLVI (249) онъ (аббатъ) говоритъ:

«Въ городѣ Тобольскѣ губернаторъ, управляющій почти всею Сибирью, и подъ его начальствомъ канцелярія изъ пятнадцати совѣтниковъ, которые вѣдаютъ гражданскія и военныя дѣла; губернаторъ распоряжается почти какъ государь, потому что удаленъ отъ двора миль на восемьсотъ, и правда рѣдко доходитъ до престола; вообще губернаторамъ легко злоупотреблять своею властью, что они почти всегда и дѣлаютъ». Сибирь нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Тобольскую и Иркутскую. Каждый губернаторъ въ Россіи имѣетъ при себѣ канцелярію или совѣтъ, безъ которой онъ ничего не можетъ сдѣлать; но ни въ одной канцеляріи нѣтъ пятнадцати совѣтниковъ, ибо у насъ должности не продаются, и намъ не нужно столько дармоѣдовъ. Губернаторъ завѣдуетъ гражданскими дѣлами, военные не по его части; они зависятъ отъ генерала, начальствующаго надъ областными войсками, а генералъ—отъ военной коллегіи; губернаторъ безъ сомнѣнія начальствуетъ надъ канцеляріею, и въ случаѣ равенства голосовъ, его голосъ имѣетъ силу рѣшенія. Аббатъ ошибается, говоря, что губернаторъ распоряжается почти какъ государь; губернаторы дѣлаютъ только такія распоряженія, кои постановлены закономъ и не противорѣчатъ ему. Вообще говоря, наши губернаторы имѣютъ много власти для того, чтобы дѣлать добро, а что касается до зла, то на сей предметъ крылья у нихъ коротко обрѣзаны. Слова аббата, будто правда рѣдко доходитъ до престола и пр. суть чистое злорѣчіе. Не всѣ губернаторы удалены на восемьсотъ миль, а только Сибирскіе, слѣд. ихъ онъ опорочилъ, а зналъ онъ только одного Тобольскаго губернатора г. Соймонова [2])...

Г. Шанпъ говоритъ: «Онъ (Петръ I), подъ страхомъ тѣхъ-же наказаній, воспретилъ судьямъ брать взятки, и всякому служащему принимать подарки». Затѣмъ онъ разсказываетъ старинную, столько разъ уже повторенную, исторію о должностныхъ лицахъ, обличенныхъ въ лихоимствѣ и за то наказанныхъ. Затѣмъ онъ говоритъ: «Строгость эта весьма ослабѣла послѣ смерти Петра I. Всѣ области, черезъ которыя я проѣзжалъ, имѣютъ судебныя мѣста, именуемыя канцеляріями; судебныя мѣста, вѣдающія дѣла гражданскія и уголовныя, подчинены Сенату и Юстицъ-коллегіи». Лишь дѣла, собственно судебныя, восходятъ по апелляціи до Юстицъ-коллегіи; другія-же дѣла восходятъ до коллегій, для нихъ назначенныхъ. Сенатъ есть высшее судебное мѣсто, въ которое подается послѣдняя апелляція. Аббатъ говоритъ: «Во всѣхъ отдаленныхъ канцеляріяхъ я видѣлъ, что правосудіемъ торгуютъ почти открыто, и что невинный бѣднякъ почти постоянно приносится въ жертву богатому преступнику». Мы слышали подобныя жалобы во многихъ странахъ, мы повсюду находили и хорошее и дурное и убѣдились также во время нашихъ путешествій въ томъ, что большинство безусловныхъ отзывовъ преувеличено [3])...

---

[1]) Стр. 328—329.
[2]) Стр. 350—351.
[3]) Стр. 457.

III.

Историкъ кн. М. М. Щербатовъ объ управленіи въ Россіи *).

Я охуляю самой составъ нашего правительства, называя его совершенно... самовластнымъ и такимъ, гдѣ, хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вольможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, не отъ собственнаго его поведенія (зависитъ). но отъ мановенія... злостнаго вельможи. Тысячи сему можно представить примѣровъ, колико людей несчастіи претерпѣло; самые манифесты, правительствомъ издаваемые, сіе доказуютъ. Артемью Петровичу Волынскому вмѣнено было въ оскорбленіе величества, что вмѣстилъ въ родословную свою картину то, что всѣми нашими лѣтописцами и самыми соборными синодиками засвидѣтельствовано; и что онъ, изъясняя самое поврежденіе нашего сердца, говорилъ, что не можемъ мы въ Господней молитвѣ «Отче нашъ» говорить: «и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», не призывая самымъ тѣмъ мщенія Божія на себя, но должно намъ говорить: «хотя мы и не оставляемъ должникомъ нашимъ», что въ самомъ дѣлѣ сходственно съ нашими поступками. И сіе ему было вмѣнено въ вину для погубленія его, хотя въ самомъ дѣлѣ то было единственно злость на него Герцога Курляндскаго Бирона, любимца Императрицы. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ за то былъ сосланъ, что онъ съ знающимъ человѣкомъ въ дѣлахъ совѣтовалъ о дѣлѣ своемъ; а какъ Дворъ, учиня того несчастнымъ, зачалъ привязываться къ нему, говорилъ, что онъ, совѣтуя о своемъ дѣлѣ, не имѣлъ въ виду характера человѣка, но свѣдѣніе его въ дѣлахъ сего рода: то хотя бы и чортъ ему добрые совѣты подалъ, не отрекся бы онъ имъ послѣдовать,—а былъ за сіе сосланъ. Тако деспотичество, не взирая ни на законы, ни на благоразуміе, ни на самую благопристойность, играетъ жизнію и честію подданныхъ. Самое наслѣдство престола не утверждено, и бѣдная Россія,

*) Изъ ст. кн. Щербатова „Оправданіе моихъ мыслей“, напис. въ 1789 г. Напечат. во II т. Собранія сочиненій кн. Щербатова, стр. 247—268.

Статья эта, какъ объясняетъ въ началѣ ея самъ авторъ, является отвѣтомъ на осужденіе его ближними его пріятелями за чрезмѣрную смѣлость сужденій и „изысканія“ (критику) пороковъ правительства. Дѣйствительно, какъ „Оправданіе“, такъ и др. статьи историка, въ особенности „О поврежденіи правовъ въ Россіи“ (въ томъ же II т. Собр. соч.) представляютъ грозную филиппику противъ самовластія, противъ пороковъ высшаго общества и бюрократіи отъ Петра I до Екатерины II включительно. Произволъ и злоупотребленія правительства Щербатовъ ставитъ въ связь съ самовластіемъ монарховъ („О поврежд. правовъ“, стр. 236). Гражданскій долгъ, польза общества и любовь къ отечеству—причина страстнаго его отношенія къ вопросу. При всемъ томъ, Щербатовъ стоитъ на сословно-дворянской точкѣ зрѣнія, высказываясь за то, чтобы дворянство не „уподлялось“ смѣшеніемъ его съ другими сословіями, высказываясь противъ самоуправленія горожанъ, противъ участія въ судахъ „несмышленныхъ и упрямыхъ“ крестьянъ и т. п.

яко вотчина, или какого приватнаго человѣка имѣніе—не по крови и не по праву рожденія—можетъ по самовластнымъ прихотямъ царствующаго Государя въ наслѣдство переходить. И опытъ доказалъ, что со временъ царя Θеодора Алексѣевича до нынѣ никогда порядочнымъ образомъ престолу не наслѣдовали. То такой недостатокъ въ самомъ основательномъ правѣ не подвергаетъ-ли государство къ смятеніямъ, не возбуждаетъ-ли честолюбія въ сильныхъ и вражды въ царскомъ домѣ, всегда грозящія междоусобною бранію и разореніемъ государства? Воззримъ на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ: не всѣ-ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣнія о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ? Упражнены въ дворскихъ прискахъ—имъ некогда, и не хотятъ истины, ни состоянія народнаго познать; мысли заняты единымъ своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ—не оставляютъ ни времени, ни мѣста на глубокое размышленіе, и увеличены быстротою дѣлъ—лишь токмо дѣйствуютъ тогда, какъ размышлять надлежало: равно любочестны, какъ лѣнивы на дѣла, толико несвѣдущи, коль горды. А подъ сими то правителями россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ, довольною силою снабженныхъ; онъ долженъ ежедневно страшиться... и вельмолъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля среди сурово волнующагося моря. Несть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе! Подумайте по самымъ предложеннымъ мною вамъ примѣрамъ и по тысячѣ другимъ, извѣстнымъ всѣмъ вамъ, о любезные мои охулители, и скажите, хорошо-ли состояніе ваше?

Охуляю я наши законы; поелику они не токмо съ согласія народнаго, но ниже съ согласія главнаго правительства сочиняются; охуляю тѣмъ, что оные ясно показуютъ, что при составленіи ихъ ни о состояніи, ни о пользахъ, ни о нуждахъ народныхъ ни свѣдѣнія, ни попеченія не прилагается. Охуляю я, что въ дѣлахъ, касающихся до жизни и до чести гражданина, не учинено никакія преграды ко утѣсненію сужденнаго, и бѣдный гражданинъ ввергается часто въ руки почти пристрастныхъ людей, безъ знанія, утороплепный, не имѣя ни совѣтника, ни защитника. Охуляю я 81 статью учрежденія (о губерніяхъ?), дающую власть намѣстникамъ укрощать всякое распутство и мотовство, безъ подробнаго изъясненія сихъ вещей. Охуляю я законовъ нашихъ явныя противурѣчія и еже (еще?) страшныя недописки. А какъ все сіе клонится къ отнятію безопасности, спокойствія и благосостоянія гражданъ, то охуленіи мои есть справедливы, и не собственно мою пользу имѣютъ предметомъ; ибо искренно желаю не одинъ я безопасенъ и спокоенъ быть, но обще со всѣми моими соотчичами плодами благаго правленія наслаждаться.

Надлежало бы мнѣ таперя говорить о правительствахъ; но какъ у насъ по самому примѣрному деспотичеству не законы дѣйствуютъ въ правительствахъ, но преклоненіе двора и воля вельможъ, то прежде и должно о сихъ говорить [1])...

[1]) Стр. 249—252.

Охуляю данную великую власть генералъ-прокурору и приведеніе сената почти въ ничтожное состояніе, и наполненіе онаго такими людьми, которые общимъ образомъ ни повѣренности, ни почтенія отъ Государя не имѣютъ; а сіе отнимаетъ общимъ образомъ у народа повѣренность къ правительству; оно само стало повреждено, правители сіи и законы пришли въ ослабленіе, а не меньше повредя, всѣ въ разсужденіи суда начальствуютъ надъ народомъ. Охуляю я безъ разбору чинимый выборъ въ намѣстники, а паче изъ военныхъ, не знающихъ законовъ, ни судебныхъ обрядовъ, и терпѣніе ихъ пороковъ при такой великой данной имъ власти, чрезъ что они почти деспоты въ своихъ намѣстничествахъ учинились и удручили разумы народные, истребляютъ благородныя мысли и въ родъ рабства благородныхъ приводятъ. Охуляю я толь велікое число судей опредѣленныхъ и выбираемыхъ, чрезъ что самое не могутъ они быть хороши; охуляю я и трехлѣтнее перемѣненіе всѣхъ судей по выборамъ въ нѣкоихъ присутственныхъ мѣстахъ, чрезъ что каждые три года новые незнающіе засѣдаютъ и, не успѣвъ познать законовъ, ни обрядовъ, паки выходятъ. Охуляю я чинимыя наказанія по уголовнымъ преступленіямъ, производящія мучительную смерть, яко несоразмѣрныя съ преступленіями, въ противность закона чинимыя, губящія душу и тѣло и показующія не столь злости на преступленіе, какъ на преступника. Охуляю я писаніе законовъ самою Монархинею, писанныхъ во мракѣ ея кабинета, коими она хощетъ исполнить то, что невозможно. уврачевать то, чего не знаетъ; охуляю я безпрестанныя противурѣчія и недописки въ ея законахъ, яко между прочимъ въ законѣ правъ дворянскихъ—о дареніи благопріобрѣтенныхъ имѣній; охуляю я ея, можно сказать, упрямство, написавъ, что несовмѣстное съ обстоятельствами и съ естествомъ вещей, оное поправить. Не охуляю я, что имѣетъ всегда при себѣ любимцевъ, ибо до внутреннихъ дѣяній Государя касаться не смѣю; но охуляю я, что сокровищами коронными ихъ до крайности богатитъ и даетъ имъ такія преимущества, которыя ни долговременная служба, ни полезные подвиги пріобрѣсти не могутъ, и такую власть, что всѣ предъ ними должны трепетать, чрезъ что и усердіе уменьшается, и робость и подлость духу часъ отъ часу вселяется [1])...

Охуляю я правительствы, стѣсненный сенатъ властію генералъ-прокурора, умноженныя по губерніямъ присутственныя мѣста, утороплепныя намѣстниками. Охуляю я всѣ сіи именованныя правительствы за наполненіе ихъ незнающими и мало совѣсти имѣющими людьми; охуляю я ихъ за малое трудолюбіе, такъ что можно сказать о всѣхъ присутствующихъ въ нихъ судьяхъ, что болѣе для поговорки, нежель для дѣла въ присутственныя мѣста ѣздятъ, да и то пріѣзжаютъ поздно, а выѣзжаютъ рано. Охуляю я, что нигдѣ, окромѣ канцеляріи генералъ-прокурора, нѣтъ порядочно собраныхъ законовъ. и нѣкоимъ образомъ ихъ въ тайнѣ содержатъ. Охуляю я, что нѣтъ нигдѣ знающихъ секретарей и протчихъ служителей. Охуляю я, что повсюдова духъ твердости, угрызеніе совѣсти и рвеніе къ справедливости пропали; но всѣ единственно стараются токмо примѣчать въ

[1]) Стр. 258—259.

рѣшеніи дѣлъ—какъ угодно то двору, или какому вельможѣ, нимало не обращая взора ни на справедливость, ни на законы. Всѣ имѣющіе дѣла чувствуютъ всѣ сіи злы надъ собою, и воплями на продолженіе дѣлъ и на неправосудіе всѣ мѣста наполнены; но никто смѣло охулить сіе не смѣетъ, а робость сія паипаче умножаетъ сіи злы. Слѣдственно охуленіи мои суть справедливы, и я въ семъ случаѣ ничего другаго не чиню, какъ являю чувствительность патріотическаго сердца.

Наконецъ охуляю я и вельможъ и правителей: охуляю ихъ лѣность, теряющую время—должное бы употребить для пользы отечества; охуляю ихъ безпечность, видя, что и доходящія до нихъ чиненныя несправедливости никогда въ движеніе кровь ихъ не приводятъ. Охуляю ихъ нечувствительность о благѣ государства, войнами, рекрутскими наборами и податями, недостаткомъ монеты и дороговизною хлѣба въ крайнее изнуреніе приведеннаго, чему отъ нихъ никакого споможенія нѣтъ, но благополучными и нужными тягостныя и безполезныя войны проповѣдуютъ; не облегчаютъ ничѣмъ рекрутскіе наборы и, чтобы самимъ, яко содѣлователямъ прибыли, награжденіи получать, налогами народъ отягощаютъ; доведши государство до рѣдкости серебряной и мѣдной монеты, возможное сіе исправить зло не поправляютъ и при недородахъ хлѣба ни помощи не даютъ, ни о земледѣліи государственномъ не рачатъ. Охуляю я ихъ роскоши и сластолюбіе, которыя не взирая на великія имъ чинимыя даянія отъ короны, не взирая на ихъ взятки и на продажу правосудія, удовольствоваться не могутъ; а къ тому примѣромъ своимъ развращаютъ нравы народа. Охуляю я ихъ безстыдство ввергаться во всякія преступленіи; содержаніе явнымъ образомъ метрессъ, воспитываніе в. . .ъ своихъ и защищеніе плутовъ у нихъ уже за пороки не считаются. И тако охуляю я даваемое дворянство и чины незаконнымъ дѣтямъ, яко служащее пѣкінмъ воздаяніемъ за преступленіе и побужденіемъ къ нему, и мѣшающее незаконно-происшедшихъ съ знатными благородными, чрезъ что уподляется самое благородство; охуляю я почти явную чинимую продажу чиновъ, даваемыхъ купцамъ и другимъ разночинцамъ безъ всякія заслуги, чѣмъ они и до дворянства достигаютъ, отъ чего сословіе дворянское развращается, уподляется, нравы и служба пропадаетъ. Охуляю я ихъ трусость у двора, не дерзающую никогда противурѣчить Монарху, и лестію своею ведущую его на путь безславія, а государство къ гибели. Охуляю я ихъ неблагодарность къ отечеству и Государю, что, получая толь великія награжденія, не имѣютъ привязанности ни къ отечеству, которое разоряютъ, ни къ Государю, коего лестію своею къ безславію ведутъ. Наконецъ охуляю я ихъ глупость и непредвидѣніе, что, дѣлая толикіе вреды государству, не представляютъ себѣ, что если они, милостію монаршею подперты, въ общенародныхъ тягостяхъ сами не чувствуютъ, но дѣти ихъ и потомство со временемъ будутъ то же, что и другіе, ощущать [1]).

---

[1]) Стр. 263—266.

IV.

Сатира на вельможу, соч. кн. М. М. Щербатова [1]).

О мужъ почтенный ты, украшенный звѣздами,
Подобно какъ корабль, обвѣшанъ лоскутами,
Скажи мнѣ: для чего толико испещренъ?
Созвѣздьемъ на тебѣ какой знакъ положенъ?
Всѣ знаки видимы вещь должны означати.
— Какъ знаковъ честныхъ сихъ не можешь ты поняти?
Вельможа съ гордостью спѣшитъ мнѣ отвѣчать.
Услуги чтобъ мои предъ всѣми оказать,
Трезвѣздія сего мнѣ дали украшенье:
Сія въ верху значитъ о вѣрѣ попеченье,
Сія—какъ съ храбростью враговъ я поражалъ,
А низняя звѣзда—какъ правость защищалъ.
— Какъ вѣришь въ сердцѣ ты, того я, ей, не знаю;
Изъ словъ твоихъ однихъ противно понимаю.
Когда кто говоритъ, что вѣра есть лишь бредъ,
Лишь мыслитъ о себѣ и брату творитъ вредъ,
Кто въ лѣнь и въ роскоши толь любитъ погружаться,
Поборникъ вѣры тотъ возможенъ-ли назваться?
Я подлинно слыхалъ—начальникъ ты войскъ былъ,
Слыхалъ я и про то, враговъ ты побѣдилъ;
Но купно же слыхалъ, что войски претерпѣли,
Что кровію солдатъ поля тѣ воскипѣли,
Въ походахъ тяжкихъ тѣхъ ихъ зельной гладъ терзалъ;
О дѣйствіяхъ твоихъ и повѣсть я читалъ:
Не могъ примѣтить тутъ я мудра учрежденья,
Искуснаго нигдѣ не зрилъ я ополченья;
Случаевъ никогда впередъ ты не позналъ,
Тюрену въ маршахъ ты отнюдь не подражалъ;
Ни мудрости его устроить ополченья,
Кондеева въ тебѣ нѣтъ храбраго стремленья.
На рокъ единъ лишь ты, на счастье уповалъ,
И отчичевъ твоихъ ты къ смерти подвергалъ.
Ихъ храбрость превзошла, попрала всѣ преграды:
Они забвенны всѣ, тебѣ лише награды.
О правѣ говоришь, и стыдъ тя не терзаетъ?
Да кто больше тебя всю правость разрушаетъ?
Отъ края до конца пространныхъ нашихъ странъ
Все жертвуешь себѣ: права, и честь, и санъ;

---

[1]) Собр. сочин. т. II, 291—294.

Въ желаніяхъ своихъ препоновъ ты не знаешь,
И судъ, и истину безстыдно попираешь;
Довольствуя свою единую кичливость,
Возводишь все плутовъ и гонишь всю стыдливость.
Народъ въ молчаніи на небо вопіетъ,
И воинъ, и мужикъ кровавы слезы льетъ.
Правосудья знакъ къ тебѣ хоть прикрѣпленъ,
А ты отъ правости бываешь озлобленъ...

V.

Сонъ Радищева *).

Мнѣ представилось, что я царь, шахъ, ханъ, король, бей, набабъ, султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на престолѣ. Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться немогло со блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцомъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки, власть мою изъявляющіе. Здѣсь мечъ лежалъ на столпѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображался морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и протчее сего рода; вездѣ видно было въ верьху имя мое посимое геніемъ славы. надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ видѣнъ былъ скипетръ мой, возлежащей на снопахъ обильными класами отягоченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвѣшенныя зрѣлися вѣсы. Въ единой изъ чашъ лежала книга съ надписью Законъ Милосердія, въ другой книга же—съ надписью Законъ Совѣсти. Держава изщ единаго камня изсѣченная, поддерживаема была грудою младенцевъ, изъ бѣлаго мрамора изсѣченныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлѣжалъ на раменахъ сильнаго исполина, возкраіе же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змія. изъ свѣтлыя стали изкованная, облежала

*) А. Н. Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, гл. Спасская полѣсть, стр. 73—82. Полное собраніе сочин. А. Н. Радищева, т. I, изд. 1907 г. подъ редакц. проф. Бороздина, Лапшина и Щеголева.

Наравнѣ съ крѣпостнымъ правомъ, книга бичуетъ раболѣпство и произволъ вельможъ, злоупотребленія суда и администраціи, въ особенности въ главахъ Чудово, Спасская полѣсть, Зайцево, Завидово. Книга вышла въ 1790 г. Радищевъ былъ обвиненъ въ томъ, что издалъ книгу, наполненную „вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противъ начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской". Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ссылкой съ лишеніемъ правъ въ Сибирь на 10 лѣтъ. Возвращенъ былъ изъ ссылки при Павлѣ I въ 1796 г.

вокругъ всего сѣдалища при его подножіи, и, конецъ хвоста въ зевѣ держаща, изображала вѣчность.

Но не единыя бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ, и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего, толпилося безчисленное множество парода, коего разныя одежды. черты лица, осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелестнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли довольствіе на меня смотрѣть, и желанія ихъ стремились на предъупрежденіе моихъ, если бы онѣ возродились...

Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листвія деревъ, и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, тако во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, разширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, разширилъ внутренную и внѣшную торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины съ нѣжностію вѣщали: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ, избавя ихъ до сосца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ руки на Небо простирая, рѣкло: онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавалися въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ пріемля, душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнія кругомъ; въ существѣ своемъ расширялась и, вся объемля, касалася степеней Божественной премудрости. Но ничто несравнилося съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я идти съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ Небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной. Государь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени твоего побѣдитъ народы, оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращуся приносяй дань Царю сильныхъ.—Учредителю плаванія я рекъ: да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на Сѣверѣ, Востокѣ. Югѣ и Западѣ. Исполню, Государь.—И полетѣлъ на исполненіе, яко вѣтръ, опредѣленный надувать вѣтрила корабельные.—Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники,

и да возвратятся въ домы свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути. Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедраго существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ.—Да воздвигнутся, рекъ я, первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища муссъ, да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ онѣ ненарушимы. яко небесныя жительницы, для нихъ же онѣ уготовляются.—О премудрый, отвѣчалъ онъ мнѣ, егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да излiются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику.—О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отень своихъ чадъ, обогатитель нищаго да будетъ твоя воля.—При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно, и плесканіе рукъ нетокмо сопровождало мое слово, но даже предъупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облегшаяся твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнья и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другія обнаженными стояли главами. Кто сія? вопрошалъ я близь стоящаго меня. Сія есть странница намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзоровой и глазнымъ врачемъ. Но есть Волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренная. всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя твоея главы.—Почтожъ злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день, есть день милости и веселія. Пріидите сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія, пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда, возставъ отъ мѣста моего, возлагалъ я различныя знаки почестей на предстоящихъ; отсутствующіе забыты не были, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ. словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: пойдемъ столпы моея державы. опоры моея власти, пойдемъ усладимся по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусить веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству. рекъ я къ учредителю веселій. Мы тебѣ послѣдуемъ.—Постой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, постой, и подойди ко мнѣ. Я врачъ, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое.—Какія бѣльма!—сказала она съ восклицаніемъ.—Нѣкая невидимая сила нудила меня ити предъ нее; хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали, дѣлая даже мнѣ насиліе.

На обоихъ глазахъ бѣльма,—сказала странница,—а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ! Потомъ коснулася обоихъ глазъ, и сняла съ нихъ толстую плену, подобно роговому раствору. Ты видишь, сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно. Я есмь Истина. Всевышній, подвигнутый на жа-

лость стенаніемъ тебѣ подвластно народа, низпослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту, проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представятся днесь въ естественномъ ихъ видѣ взорамъ твоимъ. Ты проникнешь во внутренность сердецъ. Не утаится болѣе отъ тебя змія, крыющаяся въ излучинахъ душевныхъ...

Не убойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешь...

Изрекшія странницы лице казалося веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Воззрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже не чувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надутлости высокомѣрія. Я ощущалъ въ ней тишину: волненіе любочестія и обуреванія властолюбія ея не касалися. Одежды мои, столь блестящія, казалися замарапы кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлися мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлися того скаредпѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здравіи, ни прокормленіи; жизнь ихъ ни вочто вмѣнялася: лишались они установленной платы, которая употреблялась въ ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна, опредѣленная на содержанія всеополченія, была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единаго знаменитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества не было ему даже случая; ибо онъ издали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постели свои члены, упо-

ялся нѣгою и любовью въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія...

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ, едва виденъ былъ въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаннаго дѣйствія превратнымъ онаго толкованіемъ и медлительнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосерднымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ...

Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослѣпленіи моемъ, что ненужная казна общественная на государственныя надобности не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможеніе нищаго, на одѣяніе нагаго, на прокормленіе алчущаго, или на поддержаніе погибающаго противнымъ случаемъ, или на мзду нерадящему о стяжаніи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливалися на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену, кичащуюся своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты застенчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія безразсудной моей щедроты...—Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися въ удѣлъ недостойнымъ...

Видя во всемъ толикую превратность отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ произтекшую; видя что нѣжность моя обращалася на жену, ищущую въ любви моей удовлетворенія своего только тщеславія, и внѣшность только свою на услажденіе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе; возревѣлъ я яростію гнѣва. «Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Возтрепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Пріиди, вѣщалъ я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, кроющагося подъ заросшею мохомъ хижиною, пріиди облегчить мое бремя; пріиди и возврати покой томящемуся сердцу и возстревоженному уму.—Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ откуду проистекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился.—Еще не опомнившись, схватилъ я себя за палецъ, но перноваго кольца на немъ не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается.

VI.

Сановникъ на станціи [1]).

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великій шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гренадерской шапкѣ, гордо расхаживающаго, и держа поднятую плеть кричащаго: «Лошадей скорѣя; гдѣ староста? его Превосходительство будетъ здѣсь чрезъ минуту; подай мнѣ старосту»... Снявъ шляпу за сто шаговъ, староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланный ему позывъ.—«Лошадей скорѣя!»—«Тотъ часъ батюшка, пожалуйте подорожную».—«На. Да скорѣя же, а то я тебя!»... говорилъ онъ, поднявъ плеть надъ головою дрожащаго старосты. Недокончennая сія рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія въ Енеидѣ рѣчь Еола къ вѣтрамъ: «Я васъ»..: И, сокращенной видомъ плети властновелительнаго гренадера, староста столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры ощущали надъ собою власть сильной Еоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ: «его Превосходительству съ честною его фамиліей потребно пятьдесятъ лошадей, а у насъ только тридцать на лицо, другія въ разгонѣ».—«Роди, старой чортъ! А не будетъ лошадей, то тебя изъуродою!»—«Да гдѣ же ихъ взять, коли взять негдѣ».—«Разговорился еще... А вотъ лошади у меня будутъ»... и схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью нещадно.—«Полно ли съ тебя? Да вотъ три свѣжія»,—говорилъ строгій судья ямскаго стана, указывая на впряженныхъ въ мою повозку. «Выпряги ихъ для насъ!»—«Коли баринъ та ихъ отдастъ?»—«Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему то же достанется, Да кто онъ таковъ?»—«Невѣсть какой-то»... какъ онъ меня величалъ, того не знаю.

Между тѣмъ я вышелъ на улицу, воспретилъ храброму предтечѣ его Предительства: Еще издали слышенъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ подымающеюся пылью только сгустили воздухъ, что колесница его Превосходительства закрыта была непроницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его, аки громовой тучи, ямщиковъ. Донъ Кишотъ конечно нѣчто чудесное бы тутъ увидѣлъ; ибо несущееся пыльное облако подъ знатною его Превосходительства особою, вдругъ остановясь, разверзлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли серовиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ пріѣзда моего на почтовый станъ до того времени, какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошло по крайней мѣрѣ цѣлой часъ. Но по-

---

[1]) А. Н. Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Гл. Завидово, стр. 209—211.

возки его Превосходительства запряжены были неболѣе, какъ вчетверть часа... и поскакали они на крылѣхъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казалися тѣхъ, кои удостоили вести Превосходительную особу, но, не боясь гренадерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи! Блаженны украшенные чинами и лентами! Вся природа имъ повинуется. Даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ, и дабы имъ въ путешествіи, зѣвая, не наскучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ногъ ни легкаго, и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторяю я, имѣющіе внѣшность къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной граматикѣ называется; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убивство не больше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника. и рабъ едва, едва при дворѣ нечто значущаго. Но властелинъ и презираютъ невѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность, безъ истиннаго достоинства, подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, что посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за его Превосходительствомъ? Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролетѣ его исчезла, и я, пріѣхавъ въ Клинъ, нашелъ даже память его, погибшую съ шумомъ.

VII.

Екатерининскіе губернаторы и павловскіе вельможи *).

Екатерина, даровавъ дворянамъ права представительнаго правленія [1]), преимущества, равныя (самой высшей) власти... твердила окружавшимъ ее паредворцамъ, говоря:

---

*) Изъ записокъ А. М. Тургенева. (Русск. Стар. 1889 г. февраль, стр. 210—217, 230).

А. М. Тургеневъ род. въ 1772 г. Гвардейскимъ унтеръ-офицеромъ былъ очевидцемъ послѣднихъ дней царствованія Екатерины II и вступленія на престолъ имп. Павла. Затѣмъ прошелъ длинную военную и гражданскую службу, занималъ должность Тобольскаго губернатора и директора медицинскаго департамента. Умеръ въ отставкѣ въ 1863 г. Продолжительная служба, знакомство и связи съ такими лицами, какъ Жуковскій, Блудовъ, гр. Канкринъ и др. давали ему возможность хорошо узнать придворный и административный бытъ конца XVIII и первой половины XIX в.

[1]) Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду права сословнаго самоуправленія.

— «Я въ душѣ республиканка, деспотизма ненавижу. Но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима. Вы видѣли на опытѣ, что сдѣлалъ народъ во время бунта Пугачева».

Окружавшіе Екатерину на это разсужденіе отвѣчали ей: «И премудро, и милостиво, всемилостивѣйшая матушка государыня!».

Разговоръ этотъ Екатерины, въ кругу царедворцевъ ея слышанный, нѣсколько сотъ разъ ею повторенный, пересказанъ мнѣ бывшимъ камердинеромъ ея. Ф. Е. Секретаревымъ.

Екатерина никогда не наказывала начальниковъ или поставленныхъ управителей своихъ за притѣсненія и ограбленія народа, т. е. крестьянъ, котораго именовали въ ея время черный народъ—чернь.

Губернаторъ Тобольскій Денисъ Чичеринъ ужаснѣйшія дѣлалъ варварства въ Сибири; послѣ него генералъ-губернаторъ Якобій грабилъ Сибирь, какъ Батый. Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ ярославскій, Воронцовъ-владимірскій и костромской, грабившіе безъ всякой пощады, не были наказаны. Сумасшедшій Каменскій—въ Рязани, глуповатый Ступишинъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ и Пензѣ, Кречетниковъ—въ Тулѣ и Калугѣ, пьяница воинъ Василій Пащокинъ—въ Симбирскѣ самовольничали, какъ хотѣли, и также безнаказанно. Дочь генералъ-губернатора князя Василія Мещерскаго, чтобы скрыть короткость свою съ лакеемъ своимъ, заперла его въ кабакѣ пировавшаго съ товарищами и похвалявшагося тѣмъ, что онъ фаворитъ госпожи своей и властелинъ всей Казани,—слабый и престарѣлый князь Мещерскій дѣлалъ все, что только хотѣла дочь его,—зажгла кабакъ; по несчастію Казани, злодѣяніе это было учинено во время сильной бури,—весь городъ и большое число жителей сдѣлались жертвою пламени,—князь и княжна остались ненаказанными. Разсказъ о Мещерскомъ вошелъ въ пословицу. Татаринъ казанскій подалъ Мещерскому прошеніе; князь, не понимая, о чемъ татаринъ просилъ его,—прошеніе было писано по-русски, сказалъ татарину:

— «Я не понимаю, о чемъ ты просишь».

Татаринъ жаловался, что его въ судахъ совершенно ограбили; оскорбленный отвѣтомъ Мещерскаго, татаринъ сказалъ князю на изломанномъ русскомъ языкѣ:

— «Э-э, брата князя Василь! стара стала, глупа стала, умъ кончала!»

Еще забылъ упомянуть о грабителяхъ: въ Астрахани—Бекетовѣ, на Кавказѣ и Кубани—Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ.

Потемкинъ былъ генералъ-губернаторъ кавказскій. Въ его время низведенный шахъ персидскій просилъ Екатерину дозволить ему пріѣхать въ Россію, дожить остатокъ дней жизни его подъ милосердою державою ея величества.

Государыня благосклонно на прошеніе шаха соизволила: генералъ-губернатору Потемкину Павлу Сергѣевичу высочайше повелѣно принять шаха на посланный для привоза его корабль и привезть въ Астрахань, гдѣ государыня назначила ему мѣстопребываніе. Шахъ нагрузилъ корабль великимъ количествомъ богатствъ, ему принадлежащихъ, въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, жемчугахъ и прочей утвари состоявшихъ. Когда все было къ отплытію готово, шахъ пріѣхалъ

на баркасѣ къ кораблю со всѣмъ семействомъ своимъ и при всходѣ на корабль, по распоряженію Павла Сергѣевича Потемкина, отрубили шаху руки и бросили его въ море, семейство его было также потоплено. Богатства шаха, въ кораблѣ нагруженныя, П. С. Потемкинъ присвоилъ себѣ.

Не скоро истина сего событія дошла до слуха всемилостивѣйшей Екатерины. Наказанія явнаго, по законамъ, Павлу Потемкину не было. Государыня прислала ему съ кабинетъ-курьеромъ рескриптъ.

Какъ разсказывали тогда,—въ рескриптѣ было написано только одно слово «умри»! Справедливо-ли это или выдумано — сказать утвердительно невозможно. Однако же. П. С. Потемкинъ чрезъ шесть или восемь часовъ послѣ полученія высочайшаго рескрипта дѣйствительно и предѣйствительно изволилъ скончаться и погребенъ въ какомъ-то монастырѣ въ Москвѣ. Проповѣдникъ въ надгробномъ словѣ превознесъ усопшаго боярина похвалами паче всѣхъ земнородныхъ сыновъ человѣческихъ! Но хвалилъ недаромъ: пятью стами рублями благодарили благовѣстителя. Рой поэтовъ исписалъ также цѣлую стопу бумаги стихами всѣхъ размѣровъ, хваля Павла Потемкина. Но слово падгробное, всѣ хвалы поэтовъ, самъ Потемкинъ—погибли съ шумомъ! Думаю, и проповѣдникъ и поэты стерты рукою времени съ лица земли.

Павелъ, воцарившись, не слѣдовалъ системѣ Екатерининой. Онъ единственно самъ хотѣлъ и былъ ужаснѣйшимъ властителемъ. Всѣ разряды въ народѣ его безъ малѣйшаго различія были въ понятіи его смѣшаны, всѣ равно были рабы передъ нимъ. Знаменитаго фельдмаршала графа Бориса Шереметьева, сподвижника, вѣрнаго слуги царя Петра Алексѣевича—внукъ—графъ Николай Петровичъ Шереметьевъ, послѣ кончины императрицы, выпросившій у двора должность гофмаршала, былъ сурово поученъ Павломъ за сатиру въ стихахъ, найденную однажды Павломъ Петровичемъ у себя подъ салфеткою.

При восшествіи на тронъ, Павелъ повелѣлъ весь народъ, то-есть безъ различія казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, привесть къ присягѣ ему, воцарившемуся. Народъ, 34 года ожидавшій восшествія его, чаявшій увидѣть въ немъ избавителя своего, видѣвшій безпрестанно фельдъегерей, привозившихъ тѣхъ, на которыхъ онъ до того взгляпуть боялся, въ Сибирь скованными,—услышавшій въ первый разъ присягу, полудикій, невѣжествующій народъ принялъ присягу знакомъ освобожденія отъ ига, отъ рабства крѣпостнаго, пересталъ повиноваться господамъ своимъ, исполнять приказанія управителей; во многихъ мѣстахъ истязатели крестьянъ приняли заслуженное ими, но безсудное возмездіе—многіе были убиты, многіе повѣшены. Бунтъ, повсемѣстное возстаніе рабовъ могло и было готово разлиться, какъ изверженная лава.

Вельможа, любимецъ его, довѣренное лицо, генералъ-прокуроръ,—око государево, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ вдругъ палъ въ опалу царскую, также и братъ его, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Обоимъ братьямъ повелѣно было ѣхать на житье въ помѣстья свои. Князь Алексѣй поѣхалъ въ орловскую вотчину свою село Куракино, гдѣ и жилъ все остальное время царствованія государя Павла. Князь Александръ Куракинъ отправился въ саратовское

помѣстье свое село Надеждино, пробылъ тамъ недолго, вызванъ Павломъ ко двору и, когда по возвращеніи былъ введенъ въ кабинетъ императора, хотя и былъ принятъ отлично, милостиво,—государь высочайше изволилъ шутить съ Куракинымъ, распрашивалъ о (романическихъ) подвигахъ его, а у князя Александра Борисовича по этой части было о чемъ спросить, и онъ могъ также разсказать кое-что: его сіятельство изволилъ оставить послѣ себя беззаконно прижитыхъ имъ съ разными фаворитками 70 душъ обоего пола дѣтей, а князь А. Б. Куракинъ не шахъ персидскій...

Князь Александръ Куракинъ сидѣлъ въ кабинетѣ у Павла Петровича и, не смотря на всѣ ласки царя, милостиво ему расположеннаго, утиралъ безпрестанно лицо платкомъ,—потъ градомъ лилъ съ Куракина.

Павелъ, замѣтивъ сильное волненіе крови въ Куракинѣ, спросилъ его:

— «Князь Александръ Борисовичъ! неужели тебѣ жарко? У меня никогда болѣе 12 градусовъ тепла въ комнатѣ не бываетъ».

Куракинъ, кланяясь въ поясъ Павлу Петровичу, отвѣчалъ: «Всемилостивѣйшій государь! необыкновенная теплота растворилась въ тѣлѣ моемъ отъ неисказаннаго счастія находиться предъ вами, всепресвѣтлѣйшій государь, и отъ неизъяснимаго желанія угодить вамъ, всемилостивѣйшій государь, и доложить вашему величеству угодное!»

Павелъ засмѣялся и изволилъ Куракину отвѣчать:

— «Сказать мнѣ пріятное можно и не потѣя».

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ впалъ въ опалу, какъ о томъ узнали впослѣдствіи, по наговору (бывшаго) цырюльника Кутайсова, котораго Куракинъ, къ удивленію всѣхъ царедворцевъ, не болѣе почиталъ, какъ брадобрѣемъ.

Услышали при дворѣ, что князь Алексѣй бездѣльникъ, плутуетъ вмѣстѣ съ откупщиками и подрядчиками. Всѣ не постигали, какимъ образомъ могла вѣсть эта дойти до государя. Вѣрный и нелицепріятный слуга царскій—ящикъ сосновый давно былъ уже въ опалѣ, давнымъ давно былъ истребленъ [1]), когда князь Алексѣй пришелъ въ немилость. Цырюльникъ Кутайсовъ доложилъ, не усердіемъ будучи подвигнутъ, истину, но по уваженію того, что его, Кутайсова, чарочкой обносили, ему ничего въ лапу не попадало.

Обстоятельства благопріятствовали. Поднялось значеніе Анны Петровны, дочери Петра Васильевича Лопухина, искали случая возводить Лопухина на высшія степени, жаловать ему титла, ордена, имѣнія, наконецъ, не зная чѣмъ пожаловать его, придумали и повелѣли, чтобы лакеи, повара, кучера, истопники князя Лопухина носили придворную ливрею.

Лопухинъ заступилъ мѣсто кн. Алексѣя Куракина, возведенъ въ достоинство

---

[1]) Въ началѣ своего царствованія, имп. Павелъ распорядился поставить въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца ящикъ для прошеній, ключъ отъ котораго хранился лично у императора. Но заинтересованные люди нашли способъ устранить непріятное для нихъ нововведеніе. Среди прошеній на имя государя стали попадаться каррикатуры и пасквили на императора. Ящикъ скоро былъ убранъ. (Прим. наше. *И. К.*).

княжеское съ титуломъ свѣтлости; другую дочь свою выдалъ въ замужество за сына Кутайсова. Кутайсовъ пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры, возведенъ въ графское достоинство, отнялъ у сына жену...

Два маклера въ шашняхъ князя Лопухина, князь Василій Алексѣевичъ Хованскій да бывшій нѣкогда въ случаѣ дуракъ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, не знаю за что, поссорились съ гр. Кутайсовымъ. Они не смѣли ссориться съ Кутайсовымъ. да цырюльнику показалось, что Хованскій и Корсаковъ недовольно вѣжливы передъ нимъ, не хотятъ отдать достодолжнаго уваженія высокимъ его достоинствомъ, вслѣдствіе этого заключенія г-на цырюльника состоялось повелѣніе: Хованскому ѣхать на житье въ Симбирскъ. Корсакову—въ Нижній-Новгородъ.

Мѣсто князя Лопухина занялъ умный и дѣловой человѣкъ Александръ Андреевичъ Беклешевъ. Онъ не могъ остаться, и на мѣсто его скоро поступилъ безграмотный, съ ослинымъ умомъ, Петръ Хрисанфіевичъ Обольяниновъ.

Вотъ два доказательства великаго ума Обольянинова. Гнусный Туманскій. опредѣленный цензоромъ въ Ригѣ, чтобы не было ввозимо запрещенныхъ книгъ, присвоилъ себѣ право осматривать въ Лифляндіи всѣ частныя библіотеки, которыхъ было, благодареніе Богу! въ Лифляндіи довольное число; каждый кирхшпиль имѣлъ свою библіотеку, которою завѣдывалъ пасторъ; желающіе пользоваться чтеніемъ платили небольшое число за то денегъ, сборъ этотъ былъ обращаемъ на покупку книгъ для библіотеки. Въ одной изъ библіотекъ кирхшпиля Туманскій нашелъ какую-то запрещенную книгу, еще до царствованія Павла, которую можно было сыскать во всѣхъ домахъ у тѣхъ, которые читаютъ.

Туманскій. желая выслужиться, представилъ книгу генералъ-прокурору,—по системѣ тогдашняго правленія всѣмъ завѣдывалъ генералъ-прокуроръ. Обольяниновъ устроилъ такъ, что пасторъ (Зейдеръ) былъ наказанъ кнутомъ и потомъ (?) сужденъ въ уголовной палатѣ.

Донскіе казаки. издревле занимавшіеся грабежемъ, воровствами, крали у несчастныхъ, вокругъ ихъ земель кочующихъ, калмыковъ дѣтей и присваивали украденныхъ себѣ въ крѣпостные рабы. Болѣе 30 тысячъ накраденныхъ калмыковъ находилось у донцевъ, которые ихъ содержали хуже скотовъ, случалось и то, что убивали по произволу, по прихоти. Калмыки подали всеподданнѣйшее прошеніе и молили повелѣть причислить ихъ въ войско донское и дать имъ для пропитанія земли.

Долго не знали въ С.-Петербургѣ съ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ, что повелѣть; наконецъ, состоялось повелѣніе причислить калмыковъ въ число войска донскаго и дать имъ земли. Повелѣно генералъ-прокурору немедленно написать о семъ указъ Правительствующему сенату. Обольяниновъ пріѣхалъ домой, потребовалъ экспедитора Сперанскаго въ кабинетъ, приказалъ ему взять бумагу и перо, сѣсть и писать, что онъ будетъ диктовать. М. М. Сперанскій исполнилъ, какъ было приказано: сидитъ, бумага передъ нимъ, перо въ рукѣ, напитанное чернилами, и ожидаетъ. Обольяниновъ ходитъ большими шагами по комнатѣ, останавливается, прикладываетъ руку ко лбу и спрашиваетъ Сперанскаго: «что же ты не пишешь?»

«Ожидаю, что ваше высокопревосходительство изволитъ приказать», отвѣчалъ Сперанскій.

— Пиши: Указъ нашему сенату.

«Написалъ».

— Точку.

«Есть».

— По случаю калмыковъ...

«Есть», говорилъ Сперанскій.

Обольяниновъ подошелъ, схватилъ листъ, на которомъ Сперанскій написалъ: «Указъ нашему сенату», «точку» и «по случаю калмыковъ», изорвалъ, бросилъ, укоряя Сперанскаго, что не то написалъ, велѣлъ взять другой листъ и началось тѣми же словами: «Указъ нашему сенату, точку, по случаю калмыковъ».

Семь разъ начиналъ Обольяниновъ диктовать: «Указъ нашему сенату, точку, по случаю калмыковъ», далѣе никакъ не вылезала премудрость его высокопревосходительства. По счастію Сперанскаго, доложили генералъ-прокурору, что графъ Ф. В. Ростопчинъ пріѣхалъ. Обольяниновъ подосадовалъ, что не во время, мѣшаетъ ему надиктовать указъ нашему сенату, однако-же приказалъ просить графа. Сперанскій вышелъ изъ кабинета, встрѣтился съ Ростопчинымъ, дозволилъ себѣ спросить у графа—не знаетъ ли онъ, что угодно государю повелѣть о калмыкахъ? Ростопчинъ разсказалъ Сперанскому, что должно дѣлать.

Чрезъ полчаса времени или еще и менѣе Сперанскій принесъ Обольянинову написанный указъ нашему сенату. Обольяниновъ приказалъ прочесть написанное въ присутствіи графа Ростопчина и, выслушавши, началъ укорять Сперанскаго, для чего онъ не писалъ такъ, какъ теперь написано, когда онъ диктовалъ ему.

* * *

Когда мы привезли штандарты во дворецъ [1]), было уже довольно свѣтло, Аракчеевъ ожидалъ насъ на площади передъ дворцомъ. Спѣшились вахмистры съ штандартами, и начались намъ, т. е. штандартоносцамъ, отъ Аракчеева, съ помощью Ратькова, поученія и наставленія: какъ держать штандартъ, какъ захолить, какъ подать штандартъ государю. Каждое слово поученія, указанія желчный Аракчеевъ добавлялъ оскорбительными для насъ и никогда неслыханными нами выраженіями; адъютанта полкового вертѣлъ и толкалъ, какъ лакея. Мы взглянули другъ на друга и, безъ сомнѣнія, у всѣхъ пробѣжало въ мысли: «ну, попались мы!» Аракчеевъ скомандовалъ: маршъ! и какъ намъ новыхъ командныхъ словъ не было еще объявлено, мы съ мѣста не шевелились, не понимая, намъ ли онъ командовалъ; притомъ же Аракчеевъ скомандовалъ: «штандартъ-юнкеры впередъ, маршъ!» Такого званія, то есть штандартъ-юнкера, въ полку не существовало, но велемудрый сподвижникъ въ преобразованіи войскъ Павла I, злобный Аракчеевъ, за такое наше непонятіе и неисполненіе его приказанія, благоволилъ пропзвести насъ въ новое званіе, въ новый чинъ, закричавъ во все горло съ клубящеюся цѣною у рта:

[1]) 6 ноября 1796 г., въ первый день царствованія Павла Петровича.

— Что-жъ вы, ракалiи, не маршируете! впередъ—маршъ!

Мы двинулись со словомъ: маршъ! понявъ, что оно замѣнило команду: ступай!

Маршируя за Аракчеевымъ, принесли мы штандарты въ кабинетъ императора. Его величество изволилъ стоять на серединѣ комнаты, шляпа на головѣ, перчатки на рукахъ, подпоясанный шарфомъ, и отъ каждаго изъ насъ изволилъ принимать штандартъ и приставлять его къ стѣнѣ: мѣста для штандартовъ не было еще приготовлено.

VIII.

Сенатъ и полицiя при Павлѣ I по запискамъ иностранца *).

Въ вѣдѣнiи Сената находится все, что касается управленiя Имперiей, законовъ, податей, торговли, ремеслъ и мануфактуръ и т. д. и т. д. Никакое вообще постановленiе не имѣетъ силы закона, пока оно не обнародовано Сенатомъ; но простаго слова императора достаточно для установленiя этой формальности: никогда не было столь безличнаго законодательнаго учрежденiя, какъ нынѣшнiй Сенатъ.

Онъ раздѣляется на два собранiя: одно находится въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ. Послѣднее окончательно разсматриваетъ то, что постановлено въ первомъ.

Идея Сената была бы прекрасна сама по себѣ, если бы его функцiи были тѣмъ, чѣмъ онѣ могли бы быть, если бы онъ не былъ лишь пичтожнымъ орудiемъ въ рукахъ государя. Въ настоящее время назначаютъ въ Сенатъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ извѣстный чинъ и съ кѣмъ не знаютъ, что дѣлать. Это скорѣе чинъ, чѣмъ должность, и между полнымъ отдыхомъ и занятiями сенатора въ большинствѣ случаевъ только маленькая разница.

Управленiе полицiей въ столицѣ ввѣрено петербургскому губернатору Палену; надзоръ же за сношенiями заграничными ввѣренъ Ростопчину. Ни въ одной странѣ, не исключая Францiи, полицейскiя мѣры не мелочны и не тягостны до такой степени, какъ здѣсь. Во всякой благоустроенной странѣ онѣ должны быть таковы, чтобы честный человѣкъ ихъ совершенно не чувствовалъ, и чтобы мошенникъ и злодѣй встрѣчалъ бы ихъ повсюду. Это вполнѣ понятно: первый идетъ прямо своею дорогой и никогда не можетъ переступить границы законовъ; другiе, напротивъ, стремятся всегда расширить ихъ границы.

Въ Петербургѣ улицы кишатъ членами полицiи. Общественныя мѣста ими переполнены; вашъ костюмъ, ваша прическа, ваши разговоры, ваши общественныя сношенiя—все представляетъ интересъ для нея.

---

*) Изъ „Записки баварца о Россiи временъ императора Павла“. (Русск. Стар. 1899 г. сентябрь, стр. 552—553).

Составленiе записки относится къ 1800 г. Авторъ, членъ Баварскаго посольства, кавалеръ де-Брей, сообщаетъ въ своей запискѣ много любопытныхъ свѣдѣнiй о Россiи и русскомъ обществѣ конца XVIII в. Тонъ разсказа—безпристрастный.

Пропорціонально безконечному увеличенію приказовъ и воспрещеній, увеличивается число случаевъ ихъ нарушенія. Малѣйшее нарушеніе закона, малѣйшее недовольство, выраженное относительно кого-либо императоромъ, влечетъ за собой тюремное заключеніе и ссылку. Гауптвахты переполнены людьми арестованными или за то, что они недостаточно рано поклонились императору или императорской фамиліи, или по другимъ такимъ же пустымъ причинамъ. Ихъ иногда ссылаютъ въ Сибирь, и въ то время, какъ я былъ въ Петербургѣ, одинъ несчастный купецъ, секундой позже сошедшій съ саней, чуть по ошибкѣ не былъ закинутъ въ азіатскія степи, такъ какъ былъ заключенъ въ той же гауптвахтѣ, какъ и игроки, подвергающіеся этому наказанію. Одна разбитая параличемъ женщина, не смогшая вслѣдствіе этого выйти изъ кареты при встрѣчѣ съ императоромъ, была посажена въ тюрьму на 24 часа на хлѣбъ и на воду. Два англичанина, Уэлль и Боднингтонъ, бывшіе въ Петербургѣ, когда я тамъ находился, оговоренные негодяемъ слугой, желавшимъ получить обѣщанную доносчикамъ награду, несмотря на то, что доносъ былъ признанъ ложнымъ и въ схваченныхъ у нихъ бумагахъ не найдено было ни малѣйшаго повода къ обвиненію,—были принуждены оставить Петербургъ въ теченіе двухъ недѣль. Они были еще обязаны этой отсрочкой кавалеру Витворту, у котораго они находились все время.

Принужденіе дошло до отмѣны нѣкоторыхъ самыхъ обыкновенныхъ наименованій, напримѣръ слова: клубъ. Существовалъ одинъ клубъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ: Музыкальный клубъ; указомъ заставили его назвать Музыкально-танцовальнымъ собраніемъ. Въ танцовальныхъ собраніяхъ вальсъ воспрещенъ въ то время, какъ онъ разрѣшенъ при дворѣ. Тѣмъ не менѣе, склонность публики къ удовольствіямъ сдѣлала то, что эти балы все еще были блестящими въ началѣ зимы. Тогда императоръ запретилъ всѣмъ военнымъ тамъ танцовать. Равнымъ образомъ всѣмъ военнымъ запрещено играть въ любительскихъ спектакляхъ. Также не существовало въ Петербургѣ дома, куда осмѣлились бы внести двѣ скрипки или разыграть сцену изъ Моцарта или Корнеля. Императоръ спрашивалъ отъ времени до времени, забавляются ли въ Петербургѣ. Ему отвѣчали, что все очень спокойно.

IX.

Судъ въ концѣ XVIII в. по комедіи Капниста „Ябеда“ *).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прямиковъ и Добровъ.

Прям. Я радъ, мой другъ, что мы съ тобою здѣсь столкнулись.

Добр. Да вы, сударь, зачѣмъ въ домъ этотъ завернулись?

---

*) В. В. Капнистъ род. въ 1757 г., ум. въ 1824 г.

Сочиненіе „Ябеды“, прославившей Капниста, относится къ 1796 г. Послѣ „Недоросля“ Фонвизина „Ябеда“ по праву считалась второй

Неужли за грѣхи какая васъ напасть
Иль тяжба, Богъ храни! втащила въ эту пасть?

Прям. Такъ именно: процессъ на шею навязался;
Я отъ него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступалъ, но потерялъ весь трудъ.
И такъ уѣздный ужъ и верхній земскій судъ
Прошедъ, гдѣ моему не льстили супостату,
Вступило дѣло къ вамъ въ гражданскую палату.

Добр. Боюсь я, чтобъ оно не оступилось здѣсь.
Да съ кѣмъ же вы, сударь, имѣете процессъ?

Прям. Сосѣдъ мой Праволовъ не вѣдь съ чего вцѣпился...

Добр. Кто? Праволовъ?

Прям. Да, онъ! Чему-жъ ты удивился?

Добр. Дивлюся, право, я, какъ съ умной головой
Могли связаться вы съ такой, сударь, чумой?

Прям. Сутяга хитрый онъ, однакожъ, не опасенъ.

Добр. Кто? онъ?

Прям. Ужъ въ двухъ судахъ былъ трудъ его напрасенъ.

Добр. Не знасте, сударь, сего вы молодца,
Другого въ свѣтѣ нѣтъ такого удальца.
Напрасенъ въ двухъ судахъ! Да тамъ лишь разбираютъ,

„общественной“ комедіей вплоть до появленія „Горе отъ ума“ и „Ревизора“. Изъ комедіи мы приводимъ здѣсь явленіе I-е изъ I-го дѣйствія, представляющее мѣткую характеристику судебныхъ персонажей, начиная съ предсѣдателя палаты Кривосудова и кончая секретаремъ; явленіе VIII изъ I-го же дѣйствія—сцена приношенія взятокъ; изъ III-го дѣйствія явл. VI—пѣсня прокурора Хватайко, и изъ дѣйствія V явл. II—картина самаго суда. Содержаніе комедіи сводится къ тому, что Праволовъ—ябедникъ дастъ взятки натурой и деньгами всѣмъ судейскимъ, секр. Кохтинъ составляетъ каверзный докладъ по дѣлу Прямикова и Праволова въ пользу послѣдняго. Происходитъ сцена суда, закрытаго, безъ истца и отвѣтчика, безъ свидѣтелей. Палата дружно принимаетъ заранѣе составленное рѣшеніе и присуждаетъ имѣніе Праволову. Но тутъ съ почтамта приносятъ два пакета съ сенатскими указами: по одному указывается Праволова за ябеды, грабежи, разбои, сковавъ, взять подъ стражу, а по другому—всю Гражданскую палату предать суду Уголовной палаты. На помощь Кривосудовымъ приходитъ Прямиковъ, который любитъ дочь ихъ Софью и сватается къ ней. Пьеса заканчивается репликой повытчика Доброва:

„Вирямь: мостъ, говорятъ, вѣдь, руку-де рука,
А съ Уголовною Гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живутъ за панибрата;
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ“.

(„Ябеда“ Капниста напечатана въ серіи „Дешевой библіотеки“ Суворина).

А вѣдь въ гражданскомъ вдругъ рѣшатъ и исполняютъ.
Что за бѣда ему, что въ тѣхъ его винятъ:
Лишь только для него въ палатѣ былъ бы ладъ,
То онъ получитъ вдругъ и право и имѣнье.
Вамъ съ Праволовымъ въ судъ? какое дерзновенье!
Прям. Да чѣмъ же страшенъ такъ онъ мнѣ? прошу сказать.
Я, въ арміи служа, не могъ сосѣдей знать.
По замиреніи я въ отпускъ отпросился;
Лишь въ домъ, онъ на меня съ процессомъ и взвалился:
И тутъ-то я узналъ ужъ не отъ одного,
Что онъ злой ябедникъ; да только и всего.
Добр. Да только и всего! такъ этого и мало?
Вы добрый человѣкъ; мнѣ жаль, сударь, васъ стало.
Покойный вашъ отецъ мнѣ благодѣтель былъ;
Я милости его отнюдь не позабылъ:
Я помню, что его хлѣбъ-соль ѣдалъ довольно.
Въ сѣтяхъ сихъ видѣть васъ мнѣ, право, очень больно.
Коль нуженъ въ чемъ, готовъ для вашихъ я услугъ...
Прям. И подлинно, его мнѣ должно опасаться.
Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ!..
Добр. Какъ солнце ясно будь, то будетъ, аки мракъ.
Прям. Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяинъ здѣшній?..
Добр. *(осматриваясь кругомъ).* Ахъ! боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышитъ насъ никто.
Извольте-жъ про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ
(Показывая, будто считаетъ деньги).
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако, хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо,—предъ нею нѣтъ чужаго;
И только что твердитъ: даянье всяко благо.
Прям. Вотъ на! возможно-ль быть? А члены?
Добр. Все одно;
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.
Одинъ членъ вѣчно пьянъ и протрезвленья нѣту;
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ

Охотникъ страстный: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ
И спѣдшую съ небесъ доѣхать правду можно.

Прям. А засѣдатели?

Добр. Когда сказать не ложно,
Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать;
Такъ что жъ? лихъ та бѣда, что не гораздъ читать.
Писать и поготовь, а на словахъ заика;
Итакъ, хотя-бъ и радъ, помѣха лихъ велика;
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ,
Что душу бы свою на карту посадилъ.
Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

Прям. А прокуроръ? ужли и онъ...

Добр. О! прокуроръ,
Чтобъ въ ригому мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ [1]) онъ далеко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный онъ беретъ;
Щетитъ [2]) за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Прям. А о секретарѣ?..

Добр. Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинить безъ точекъ, запятыхъ,
Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,
Иль стибрить документъ,—его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльце, знать, къ себѣ онъ прибралъ по секрету;
По крайности его въ моемъ повытьѣ нѣту.

Прям. Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!
Какая сволочь!

Добр. Я вамъ истину сказалъ;
Но Бога ради!..

Прям. Будь пожалуй, будь спокоенъ.
Но чѣмъ же мнѣ начать? я, право, такъ разстроенъ...

---

[1]) Зетить– высматривать, видѣть.
[2]) Щетить—тормошить, щипать.

Добр. Изъ словъ, сударь, моихъ, могли вы то понять,
Что нечѣмъ тутъ начать, какъ тѣмъ, что дать, да дать...
Прям. Но я все правдою привыкъ, мой другъ, строчить.
Имѣній могутъ всѣхъ они меня лишить,
Но не принудятъ ввѣкъ на подлость и пронырства.
Добр. Что-жъ вамъ отъ этого прибудетъ богатырства?
Прям. Честь.
Добр. Честь, сударь, не въ честь, какъ нечего съ ней ѣсть!
Но надобно же вамъ подумать, какъ ни есть...
Прям. Я думаю, я правъ.
Добр. И неужель стоите
Упрямо въ томъ?..
Прям. Стою.
Добр. И имъ вы не дадите?
Прям. Ни шеляга [1]) не дамъ.
Добр. Однако, истецъ вашъ,
Я думаю, прислалъ тяжелый свой багажъ,
И подъ фортецію суда подкопъ ужъ роетъ.
Прям. Пусть.
Добр. Ну, а какъ онъ залпъ изъ кошелька откроетъ,
То праву вашему (свищетъ) на воздухѣ гулять!
Прям. Ну, что-жъ? хоть здѣсь они изволятъ сплутовать,
То я намѣстнику на нихъ подамъ прошенье.
Добр. *(закрывая рукою ротъ).* О, Боже! положи устамъ моимъ храненье!
Но хоть подумайте,—и это, ей, не вздоръ,—
Что исполняется палатскій приговоръ,
И что ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;
А съ апелляціей, ужъ голый *(свищетъ)* дуй въ столицу.
Прям. Нѣтъ; права моего ничто не помрачитъ.
Я не боюсь: законъ подпора мнѣ и щитъ.
Добр. Ахъ! добрый господинъ! ей, ей! законы святы,
Но исполнители—лихіе супостаты.
Законъ желаетъ намъ прямого всѣмъ добра,
Но мы хотя и всѣ изъ одного ребра,
Но не равно мы всѣ къ добру расположены.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кривосудовъ, Θекла [2]), Наумычъ и Архипъ съ подарками въ корзинахъ.

Θек. Вотъ, милый муженекъ,
Къ намъ Праволовъ прислалъ Наумыча.

---

[1]) Шелягъ—неходячая монетка, бляшка для мониста, для счета въ играхъ и т. п.

[2]) Жена предсѣдателя палаты Кривосудова.

Крив. *(надѣвая перстни, шпагу и проч.).* Дружокъ,
Здорово. Господинъ каковъ твой?
Наум. Васъ поздравить
Велѣлъ съ днемъ ангела, и симъ... (Показывая подарки).
Θек. *(Архипу).* Изволь поставить.
Наум. Поклонъ вамъ отдаетъ.
Крив. Благодари его;
Но много такъ на что?
Наум. И, сударь, ничего!
Крив. Но, право, совѣстно.
Наум. Домашне все вѣдь это.
Θек. А намъ бы все платить наличною монетой.
Наум. Неужъ, сударыня!
Крив. Но будетъ ли онъ къ намъ
На дружескій обѣдъ?
Наум. Когда угодно вамъ.
Крив. Пожалуй, попроси.
Θек. Мы будемъ дорогова
Ждать гостя.
Наум. Я скажу *(Кривосудову).* О дѣлѣ я два слова
Хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ...
Крив. Онъ былъ ужъ у меня...
Наум. *(Θеклѣ, разсматривающей и раскладывающей подарки).* Въ бутылкахъ эрмитажъ.
Крив. Но я его оттеръ. О дѣлѣ небылицы
Занесъ было, но я замялъ рѣчь.
Наум. *(Θеклѣ).* Фунтъ горчицы.
Крив. И съ рукъ сжилъ.
Наум. Сколько-жъ вамъ мой господинъ, сударь,
Обязанъ! *(Θеклѣ).* На робронъ атласъ.
Θек. Какой хабаръ!
Крив. Но какъ онъ намекнулъ, то дѣло плоховато!
Наум. Все ложно. *(Θеклѣ).* На кафтанъ тутъ! бархатецъ косматый. *(Крив.).*
И вы словамъ, сударь, не вѣрьте.
Крив. Ну, добро!
Посмотримъ!
Наум. *(Θеклѣ).* Флеръ цвѣтной невѣстѣ на фуро.
(Кривосудову, указывая на подарки).
На дѣлѣ мы, сударь, доказываемъ ясно.
Крив. Добро, добро.
Наум. *(Θеклѣ).* За насъ словцо.—Шампанско красно.
Крив. Ужо посмотримъ.
Θек. Да, мой милый, посмотри:

Одной провизіи не съѣсть недѣли въ три.

Крив. *(смотря на подарки).* Ба, ба! Что вижу, впрямь! Да это дворъ гостиный!

Наум. Изволите шутить.

Θек. *(Наумычу).* Обернуто холстиной?

Наум. *(Θеклѣ).* Швейцарскій сыръ, *(Кривосудову).* Такъ мы надѣемся на васъ?

Крив. Ну, кланяйся! добро!

Θек. Обѣдъ нашъ ровно въ часъ.

Наум. Навѣрно будетъ.

Θек. Ну, спасибо!

Крив. Ну, спасибо!

Θек. *(провожая Наумыча).* Спасибо!

Наум. *(возвратясь, Θеклѣ).* Тамъ въ сѣняхъ въ кулькѣ провѣсна рыба.

(Уходитъ съ Архипомъ; слуга вноситъ подарки).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ VI [1]).

Крив. *(Хватайкѣ)!* Любезный прокуроръ!—Ты хорошо поешь:
Запой намъ.

Хват. Радъ душой, да голоса-то нѣту.

Крив. Ну, какъ-нибудь.

Бульб. Мы всѣ пристанемъ для комплекту.

Хват. *(поетъ). Бери, большой тутъ нѣтъ науки;*
Бери, что можно только взять.
На что-жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Всѣ. *Брать, брать, брать! (Софія, заткнувъ уши, уходитъ).*

Крив. Ей, браво, хорошо!

Хват. Вѣдь самъ сложилъ словца.

Бульб. Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца?

Хват. *(поетъ). Бери, большой тутъ нѣтъ науки;*
Бери, что только можно взять.
На что-жъ привѣшены намъ руки (размахивая руками).
Какъ не на то, чтобъ брать?

Всѣ. *Брать, брать, брать!*

Наум. И драть!

Хват. *Вѣдь безъ указа намъ не стать*
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,

Всѣ. *То свято!*

---

[1]) Пѣсня прокурора Хватайко на именинной пирушкѣ у Кривосудова.

Крив. (*поетъ*). *Но надо, чтобъ уйти прижимки*
И чтобъ не оплошать,
Перчатки—невидимки
На мигъ не скидывать!
Хват. (*поетъ и всѣ аккомпанируютъ*).
Бери, большой тутъ нѣтъ науки (*и проч.*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ II[1]).

Кривосудовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Паролькинъ, Радбынъ, Кохтинъ и Добровъ.

Крив. Прошу пожаловать.
Ат. Нѣтъ, вамъ впередъ довлѣетъ:
Вы намъ глава.
Бульб. Ну, впрямь глава сія умѣетъ
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путемъ кого захочетъ угостить;
Какъ я ни скромничалъ и какъ ни укрѣплялся,
Но ей, не помню, какъ съ вчерашнимъ днемъ разстался.
Крив. Изволите шутить.
Пар. Подите съ шуткой прочь.
Я изъ кареты вонъ не вылѣзъ цѣлу ночь;
Такъ ноги спуталъ мнѣ вашъ этотъ пуншъ проклятый.
Крив. Нѣтъ, нѣтъ! я угощалъ васъ, право, плоховато;
И ужинъ позабылъ.
Бульб. Да можно-ль было ѣсть?
При винахъ этакихъ ужъ ужина не вчесть.
Рад. Воль-но же вамъ не по-по-по-ви-но-новаться;
Я вамъ го-говорилъ, пора-ра убираться.
Крив. Но, милые мои, не часъ ли засѣдать? (*Садятся*).
Бульб. Извольте, я готовъ теперь дѣла ломать.
Пар. Не поломаешь всѣхъ: скопилось ихъ довольно.
Крив. Повытчикъ! ну, возьми, читай реестръ настольный!
Добр. (*читаетъ*). «Корпета Скудова искъ за наслѣдный домъ,
«Отнятый у него секретаремъ Драчомъ».—
(*Говоритъ*). Ужъ третій годъ лежитъ въ повытьѣ это дѣло.
Крив. О, мимо! пусть лежитъ еще три года смѣло.
Авось-либо тогда рѣшимъ его судьбу.
Онъ домомъ смѣлъ назвать пребѣдную избу!
Добр. (*читаетъ*). «Искъ вексельный Луки Ссудихина майора
«На Володимира Хватайко прокурора».

---

[1]) Картина суда.

Крив. Ахъ, мимо; поскорѣй, скорѣй брось этотъ вздоръ:
Помилуй, намъ всего нужнѣе прокуроръ!
Добр. *(читаетъ).* «Черезъ опекуна прошенье Бѣдняковыхъ,
О выкупѣ двухъ селъ наслѣдственныхъ отцовыхъ,
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину»...
Крив. *(Доброву).* Съ дѣломъ симъ я послѣ призову.
(Членамъ). Реченная, друзья, скажу межъ насъ, вдовица
Намѣстнику она вѣдь внучатна сестрица:
Онъ жалуетъ ее,—такъ знаете—впередъ!..
Бульб. Ну, береженаго и Богъ вѣдь бережетъ.
Крив. *(Доброву).* Ну!
Кох. *(вырываетъ реестръ у Доброва и читаетъ, перевертывъ нѣсколько листовъ).* «Искъ асессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова».
Крив. Вотъ это кстати бы сегодня разобрать.
Бульб. Добро.
Рад. Хо-хорошо.
Шар. И впрямь!
Ат. *(Кохтину).* Вели подать!
Кох. *(Доброву).* Тамъ это на столѣ лежитъ оно особно.
Крив. *(Доброву).* Поближе; внятнѣе читай [1]).
Крив. Экъ вздоры!
Шар. Дребедень!
Ат. Сумбуръ!
Бульб. А стиль надутъ!
Рад. Ни мы-мы-мысли нѣтъ; ни смы-мы-мысла тутъ.
Кох. Ни ссылки на указъ.
Крив. Какіе тѣ указы?
Ты видишь, тутъ одни пустые лишь разсказы,
Запутанная рѣчь и бранныя слова.
Ей, у меня отъ нихъ вскружилась голова.
Пусть лучше бы онъ вралъ по-чудски иль богемски.
Кох. Однакъ, уѣздный судъ и также верхній земскій
Рѣшеніе на сихъ резонахъ утвердя,
И спорное ему имѣнье присудя,
Соперника его согласно обвинили.
Бульб. Знать, пышныя слова имъ головы вскружили.
Крив. Но вы какъ мыслите о семъ, мои друзья?
Бульб. Коль правду вамъ сказать, такъ вотъ что мыслю я:
Что плутъ Богданъ.

[1]) Далѣе Добровъ, а затѣмъ секретарь Кохтинъ, вычитываютъ дѣло, въ то время какъ члены суда занимаются посторонними разговорами.

Ат. Ей, такъ.

Крив. И я такого жъ мнѣнья.

Рад. То-точно такъ.

Пар. Въ томъ нѣтъ и малаго сомнѣнья.

Крив. Такъ Праволова вы согласны оправдать?

Бульб. и *Пар.* Согласны.

Ат. И весьма.

Рад. Ужъ та-ки-ки-ки быть.

Крив. Люблю я этаку согласну мыслей встрѣчу.
Такъ резолюцію въ сей силѣ я отмѣчу?

Бульб. Когда угодно вамъ.

Крив. (написавъ, отдаетъ бумагу Кохтину).
Возьми же, да поди,
Все это поскорѣй какъ надо расплоди
И принеси журналъ, чтобъ подписать успѣли.
(Кохтинъ, а за нимъ Добровъ уходятъ).

Бульб. Ну, надъ проклятымъ симъ мы дѣломъ попотѣли!

Крив. Такъ можно отдохнуть. *(Всѣ встаютъ).*

Пар. *(смотря на часы).* Двѣнадцатый ужъ часъ.

Эпоха Александра I.

I.

М. М. Сперанскій объ отвѣтственности министровъ и областномъ управленіи *).

Министерство.

Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіемъ министерствъ въ 1802 году положено весьма важное начало устройства государственнаго управленія [1]).

Слѣдовательно, должно не только сохранить его, но по возможности усовершить и усилить, а для сего нужно разсмотрѣть настоящіе его недостатки.

Три есть источника сихъ несовершенствъ:

1) Недостатокъ отвѣтственности.

2) Нѣкоторая неточность и несоразмѣрность въ раздѣленіи дѣлъ.

3) Недостатокъ точныхъ правилъ или учрежденія, на коемъ должно дѣйствовать министерство.

Нужно кратко обозрѣть каждое изъ сихъ уваженій, чтобы изъ существа ихъ извлечь самые простые и удобные способы исправленія.

Недостатокъ отвѣтственности.

Выше было примѣчено, что отвѣтственность государственная, которую всегда должно отличать отъ отвѣтственности личной, состоитъ въ томъ, что правительство, пріемля на себя уставы и учрежденія, обязуется предъ закономъ не допускать въ нихъ ничего ему противнаго.

---

*) Изъ „Плана государственнаго преобразованія“ 1809 г., изд. Русск. Мысли 1905 г., стр. 87—91, 41, 107—112.

Приводимъ выдержки, касающіяся отвѣтственности министерствъ и устройства областного управленія, какъ образчикъ радикальнаго разрѣшенія административной реформы, выводящей изъ замкнутаго бюрократическаго круга. Въ центрѣ вводится отвѣтственность министровъ, а въ областяхъ—участіе населенія въ управленіи. То и другое Сперанскій связываетъ съ организаціей избирательныхъ думъ четырехъ степеней: волостной, окружной, губернской и государственной.

---

[1]) Нѣтъ сравненія между симъ порядкомъ и тѣмъ, который ему предшествовалъ. Если бы крупныя обстоятельства политическія постигли управленіе въ томъ неустройствѣ, когда все гражданское управленіе состояло въ хаосѣ дѣлъ, ввѣренныхъ почти одному генералъ-прокурору, замѣшательство и затрудненіе дошло бы до самой высшей степени, и не только движеніе частей не было бы соразмѣрно быстротѣ происшествій, но и совсѣмъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно остановилось. *(Прим. М. М. Сперанскаго).*

Обязанность сія не должна состоять только въ словахъ; она должна быть существенною; а чтобы быть таковою, она должна предполагать особенный порядокъ составленія закона и его охраненія, слѣдовательно, установить государственную отвѣтственность надлежало, установивъ и государственное сословіе, предъ коимъ она должна быть изъявляема.

Предполагаемо было, что сенатъ можетъ занять мѣсто сего сословія. На сей конецъ весьма основательно признано было нужнымъ дать или возвратить ему нѣкоторыя права и нѣкоторый видъ бытія политическаго.

Но бытіе политическое образуется не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего составъ его слагается. Никогда мѣсто, по существу своему исполнительное и во всѣхъ отношеніяхъ отъ произволенія державной власти зависящее, не можетъ на себя принять характера политическаго, не можетъ замѣнить сословіе государственное, составленное посредствомъ народнаго представленія.

Такимъ образомъ отвѣтственность министерская не могла доселе у насъ существовать, и если бы сами министры утвердить ее пожелали, они не могли бы въ семъ успѣть, ибо гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать передъ нимъ нельзя [1]).

Такимъ образомъ въ настоящемъ устройствѣ министерства недостаетъ одного изъ главныхъ началъ, установленію сему свойственныхъ.

А отъ сего недостатка происходитъ, что всѣ дѣйствія его воспріяли видъ произвола, и вмѣсто правильнаго суда подверглись симъ страннымъ, такъ сказать, пересудамъ, гдѣ мнѣніе общественное, не находя свойственной ему точки соединенія, теряется въ пустыхъ догадкахъ и нареканіяхъ и, вмѣсто того, чтобы служить оплотомъ достоинству правительства, само падаетъ въ злословіе.

И понеже съ самыми лучшими намѣреніями нѣтъ способа укрыться отъ сей, такъ сказать, заразы общественнаго мнѣнія, то министрамъ въ настоящемъ вещей порядкѣ не остается другой защиты, какъ или отрекаться отъ мѣръ, ими принятыхъ, слагая ихъ одному на другого, или съ горестью и въ молчаніи переносить тяжесть своего положенія.

Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо зарождается и усиливается въ правительствѣ духъ робости и уклоненіе отъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои предполагаютъ силу и твердость, и, напротивъ, установляется привязанность и излишнее уваженіе къ тому роду текущихъ дѣлъ, который вошелъ, такъ сказать, въ навыкъ, ибо онъ одинъ служитъ мѣрою дѣйствія и огражденія отъ общаго злословія [2]).

Внѣшнія формы сей отвѣтственности должны быть самыя простѣйшія, и онѣ будутъ, безъ сомнѣнія, таковыми, когда постановится правиломъ, чтобы члены за-

---

[1]) Всего яснѣе доказываетъ сіе опытъ. Извѣстно, что отвѣтственность министровъ сначала обратила на себя нѣкоторое вниманіе; потомъ не бывъ утверждена на свойственномъ ей основаніи, она начала слабѣть и, наконецъ, нынѣ почти о ней забыли. (*Прим. М. М. Сперанскаго*).

[2]) Съ сего времени искусство министерскаго поведенія состоитъ въ большей угодливости и въ нѣкоторомъ родѣ тактики, чтобы ничего на себя не принимать и казаться однакоже дѣйствующимъ. (*Примѣч. М. М. Сперанскаго. Стр. 87—91*).

конодательнаго сословія имѣли право предъявлять обвиненіе ихъ противъ министровъ, и когда предъявленіе ихъ большинствомъ голосовъ за благо будетъ признано, тогда приступали бы къ предметамъ самаго обвиненія. Когда обвиненіе большинствомъ голосовъ признано будетъ основательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено будетъ державною властію, тогда наряжается судъ или слѣдствіе.

Въ сихъ предѣлахъ отвѣтственности власть державная, дѣйствуя въ исполненіи закона, всегда будетъ освѣщаема мнѣніемъ народнымъ и слѣдовательно будетъ дѣйствовать съ достовѣрностію и безъ всякаго вниманія къ слухамъ постороннимъ [1]).

Губернское управленіе.

Составъ губернскаго управленія долженъ быть основанъ на томъ же правилѣ единства и постепенности, которое всему порядку исполнительному свойственно.

Въ губерніи находятся въ меньшемъ размѣрѣ тѣ же самые предметы внутренняго управленія, какіе въ министерствѣ.

Въ настоящемъ порядкѣ одна только полиція состоитъ прямо въ управленіи губернатора, на прочія части онъ имѣетъ косвенное только вліяніе. Отсюда происходитъ недостатокъ связи и непрерывныя почти прироженія одной части къ другой.

Слѣдующія начала можно положить основаніемъ губернскаго управленія.

I. Губернское управленіе вездѣ соединить съ казенною палатою подъ именемъ губернскаго правительства.

II. Губернское правительство раздѣляется на слѣдующія экспедиціи:

1) Полицейская. Сюда принадлежать будутъ всѣ дѣйствія полиціи учредительной и исполнительной, губернская и окружная стражи, рекрутскій наборъ и проч.

2) Экспедиція народной промышленности. Межеваніе земель, фабрики, торговля, учебныя заведенія, и проч.

3) Экспедиція казенная. Сюда принадлежатъ всѣ казенные сборы, соль, вино, управленіе казенными крестьянами, лѣсоводство, часть строительная.

III. Каждая экспедиція имѣетъ столько отдѣленій, сколько есть обширныхъ частей, въ нее входящихъ...

IV. Каждая экспедиція имѣетъ одного управляющаго.

V. Каждая экспедиція управляется по своимъ уставамъ и учрежденіямъ.

VI. Въ дѣлахъ важныхъ, конхъ родъ особенно опредѣляется, всѣ управляющіе составляютъ общее собраніе, коего предсѣдатель есть губернаторъ.

VII. Губернаторъ имѣетъ надзоръ надъ движеніемъ всѣхъ частей, и всѣ предписанія министерства къ нему обращаются.

VIII. Онъ отвѣтствуетъ министерству, а управляющіе отвѣтствуютъ ему.

IX. Въ каждой экспедиціи есть родъ дѣлъ, кои не могутъ быть рѣшены безъ его утвержденія.

X. При каждомъ правительствѣ находится совѣтъ, составленный изъ депутатовъ всѣхъ состояній, собственность въ губерніи имѣющихъ.

XI. Совѣтъ собирается одинъ разъ въ году, въ установленное время.

---

[1]) Стр. 41.

XII. Губернаторъ даетъ отчетъ совѣту въ сборѣ и употребленіи денегъ на земскія повинности и предлагаетъ смѣту оныхъ на будущій годъ.

XIII. Совѣтъ, разсмотрѣвъ сей отчетъ, дѣлаетъ на оный примѣчанія; одинъ экземпляръ сихъ примѣчаній, за подписаніемъ всѣхъ, доставляется къ министру финансовъ, другой остается у губернатора для настоящихъ объясненій.

XIV. Разсмотрѣвъ отчетъ прошлаго года, совѣтъ чинитъ раскладку на будущій и доставляетъ таковые же экземпляры.

XV. Вмѣстѣ съ симъ и таковымъ же порядкомъ совѣтъ чинитъ представленія о нуждахъ губерніи.

На сихъ основаніяхъ составленное губернское управленіе будетъ имѣть цѣлость и единство во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Законная власть его съ одной стороны не будетъ развлекаема, какъ нынѣ, на разныя части, не будетъ теряться въ пустыхъ состязаніяхъ, а съ другой—будетъ умѣряема дѣйствіемъ совѣта.

Управленіе окружное.

Управленіе окружное должно быть составлено въ меньшемъ видѣ на тѣхъ же самыхъ правилахъ.

Вице-губернаторъ долженъ занимать въ немъ мѣсто губернатора.

Управленіе волостное сохранитъ тотъ же образецъ въ своемъ составѣ, но будетъ имѣть еще меньшій размѣръ.

Начальникъ волостного управленія будетъ отвѣчать одинъ начальнику окружному, сей—губернатору, а онъ министерству.

Такимъ образомъ всѣ части управленія придутъ въ надлежащее единообразіе и отъ министра до послѣдняго волостного начальника дѣла пойдутъ, такъ сказать, прямою линіей, не кружась, какъ нынѣ, во множествѣ изворотовъ, гдѣ не можно найти ни конца, ни слѣдовъ разнымъ злоупотребленіямъ [1]).

II.

Историкъ Карамзинъ объ административныхъ реформахъ Александра I и объ отечественныхъ устояхъ [2]).

Два мнѣнія тогда [3]) были господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобъ Александръ, въ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ,—другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь щастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно; надобно только поставить

---

[1]) Стр. 107—112.

[2]) „Записка о древней и новой Россіи“, Русск. Арх. 1870 г., стр. 2271—2273, 2284—2286, 2334—2341, 2343—2348. „Записка“ составлена Карамзинымъ въ 1811 г.

[3]) Въ началѣ царствованія имп. Александра I.

законъ еще выше государя». Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ, или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе Русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Еслибы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: «Государь, ты преступаешь границы своей власти; наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее»!.. Но вообразимъ, что Александръ предписалъ бы монаршей власти какой-нибудь уставъ, основанный на правилахъ общей пользы, и скрѣпилъ бы оный святостію клятвы. Сія клятва безъ иныхъ способовъ, которые всѣ или невозможны или опасны для Россіи, будетъ ли уздою для преемниковъ Александровыхъ? Нѣтъ, оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіи власти: да царствуетъ благодѣтельно, да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти: чѣмъ? — страхомъ возбудить всеобщую ненависть, въ случаѣ противной системы царствованія. Тиранъ можетъ иногда безопасно господствовать послѣ тирана: но послѣ государя мудраго—никогда! «Сладкое отвращаетъ насъ отъ горькаго», сказали послы Владиміровы, извѣдавъ вѣры Европейскія [1])...

Движимый любовію къ общему благу, Александръ хотѣлъ лучшаго, совѣтывался и учредилъ министерства, согласно съ мыслями фельдмаршала Миниха и съ системою правительствъ иностранныхъ. Прежде всего замѣтимъ излишнюю поспѣшность въ семъ учрежденіи. Министерства установлены и приведены въ дѣйствіе, а не было еще наказа министрамъ, т. е. вѣрнаго онымъ руководства въ исполненіи важныхъ ихъ обязанностей. Теперь спросимъ о пользѣ. Министерскія бюро заняли мѣсто коллегій. Гдѣ трудились знаменитые чиновники, президентъ и нѣсколько засѣдателей, имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность пра-

[1]) Стр. 2271—2273.

вительствующаго мѣста, тамъ увидали мы маловажныхъ чиновниковъ: директоровъ, экспедиторовъ, столоначальниковъ, которые подъ щитомъ министра дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ, что министръ все дѣлаетъ и за все отвѣчаетъ, но одно честолюбіе бываетъ неограниченно, силы и потребности смертнаго заключены въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. Напримѣръ: министръ внутреннихъ дѣлъ, захвативъ почти всю Россію, могъ ли основательно вникать въ смыслъ безчисленныхъ входящихъ къ нему и выходящихъ отъ него бумагъ? Могъ ли даже разумѣть предметы столь различные? Начали являться одни за другими комитеты. Они служили сатирою на учрежденіе министерствъ, доказывая ихъ недостатокъ для благоуспѣшнаго правленія. Наконецъ, замѣтили излишнюю многосложность внутренняго министерства. Что же сдѣлали? Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для Русскихъ въ его составѣ! Какъ, опеки принадлежатъ министру полиціи? Ему же и медицина? и проч. и проч. Или сіе министерство есть только часть внутренняго, или названо не своимъ именемъ? И благопріятствуетъ ли славѣ мудраго правительства сіе второе преобразованіе? Учредили и послѣ говорятъ: извините, мы ошиблись: сіе относится не къ тому, а къ другому министерству. Надлежало бы обдумать прежде, иначе что будетъ порукою и за твердость инаго устава? Далѣе, основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій... министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: я имѣлъ счастіе докладывать государю—заграждали уста сенаторовъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, то есть, каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашиваемъ: кто болѣе заслуживаетъ довѣренность, одинъ ли министръ или собраніе знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которое мы обыкли считать высшимъ правительствомъ, главнымъ орудіемъ монаршей власти? Правда, министры составляли между собою комитетъ, ему надлежало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось монархомъ; но сей комитетъ не походитъ ли на совѣтъ 6 или 7 разноземцевъ, изъ коихъ всякій говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ? Министръ морскихъ силъ обязанъ ли разумѣть тонкости судебной науки или правила государственнаго хозяйства, торговли и проч. Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для своихъ особенныхъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивымъ... [1]).

Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности; отъ того изобрѣтеніе разныхъ министерствъ и учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другого назначенія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть министерство и Совѣтъ существуютъ,—они будутъ полезны, если въ министерствѣ и Совѣтѣ увидимъ только мужей знаменитыхъ разумомъ и честью. Итакъ, первое наше доброе желаніе есть, да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей!..

[1]) Стр. 2284—2286.

Но люди не только для Министерства или Совѣта, но и въ особенности для мѣстъ губернаторскихъ. Россія состоитъ не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ 50 или болѣе частей, называемыхъ губерніями; если тамъ пойдутъ дѣла какъ должно, то министры и Совѣтъ могутъ отдыхать на лаврахъ; а дѣла пойдутъ какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 мужей умныхъ, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти ввѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона Россіянъ, обуздаютъ хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Если губернаторы не умѣютъ или не хотятъ дѣлать того, виною худое избраніе лицъ; если не имѣютъ способа. виною худое образованіе губернскихъ властей.

1) Каковы нынѣ большею частію губернаторы? Люди безъ способностей и даютъ всякою неправдою наживаться секретарямъ своимъ, или безъ совѣсти и сами наживаются. Не выѣзжая изъ Москвы, мы знаемъ, что въ такой-то губерніи начальникъ глупецъ и весьма давно; въ такой-то грабитель и весьма давно. Слухомъ земля полнится, а министры не знаютъ того, или знать не хотятъ. Къ чему же служатъ ваши новыя министерскія образованія? Къ чему писать законы, развѣ для потомства? Не бумаги, а люди правятъ. 2) Прежде начальникъ губерніи зналъ надъ собою одинъ Сенатъ; теперь, кромѣ Сената, долженъ относиться къ разнымъ министрамъ: сколько хлопотъ и письма! А всего хуже то, что многія части въ составѣ губерніи не принадлежатъ къ его вѣдомству: школы, удѣльныя имѣнія, казенные лѣса, дороги, воды, почта, сколько пестроты и многочисленностей! Выходитъ, что губернія имѣетъ не начальника, а начальниковъ, изъ коихъ одинъ въ Петербургѣ, другіе въ Москвѣ: система правленія весьма не согласная съ нашею старинною, истинно монархическою, которая соединяла власти въ намѣстникѣ, для единства и силы въ ихъ дѣйствіяхъ. Всякая губернія есть Россія въ маломъ видѣ; мы хотимъ, чтобы государство управлялось единою, а каждая изъ частей онаго,—разными властями. Страшимся злоупотребленій въ общей власти, но частная развѣ не имѣетъ ихъ? Какъ въ большомъ домѣ не можетъ быть исправности безъ домоправителя, дающаго во всемъ отчетъ господину, такъ не будетъ совершеннаго порядка и въ губерніяхъ, пока столь многіе чиновники дѣйствуютъ независимо отъ губернаторовъ, отвѣтствующихъ государю за спокойствіе государства, и гораздо болѣе всѣхъ живущихъ въ Петербургѣ министровъ, членовъ совѣта, сенаторовъ. Одна сія мысль не убѣждаетъ ли въ необходимости возвысить санъ губернаторскій всеобщимъ уваженіемъ? Да будетъ губернаторъ, что были намѣстники при Екатеринѣ. Дайте имъ достоинство сенаторовъ, согласите оное съ отношеніями ихъ къ министрамъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, долженствуютъ быть единственно секретарями государя по разнымъ частямъ,—и тогда умѣйте только избирать людей. Вотъ главное правило. Второе, не менѣе существенное, есть: умѣйте обходиться съ людьми. Мало ангеловъ на свѣтѣ, не такъ много и злодѣевъ; гораздо болѣе смѣси, то есть добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ. Мудрое правленіе находитъ способъ усиливать въ чиновникахъ побужденіе добра или обуздывать стремленіе ко злу. Для перваго есть награды, отличія; для втораго,—боязнь наказаній...

Одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ золъ нашего времени есть безстрашіе. Вездѣ грабятъ, и кто наказанъ? Ждутъ доносовъ, улики, посылаютъ сенаторовъ для изслѣдованія, и ничего не выходитъ. Доносятъ плуты, честные терпятъ и молчатъ, ибо любятъ покой. Не такъ легко уличить искуснаго вора—судью, особенно съ нашимъ закономъ, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указываютъ пальцемъ на грабителей и даютъ имъ чины, ленты, въ ожиданіи, чтобы кто нибудь на нихъ подалъ жалобу; а сіи недостойные чиновники, въ надеждѣ на своихъ, подобныхъ имъ защитниковъ въ Петербургѣ, беззаконствуютъ, смѣло презирая стыдъ и доброе имя, коего они условно лишились; въ два или три года наживаютъ по нѣскольку сотъ тысячъ и, не имѣвъ прежде ничего, покупаютъ деревни...

Въ Россіи государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не боятся государя—не боятся и закона. Въ монархѣ Россійскомъ соединяются всѣ власти. Наше правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти. Чего Александръ не свѣдаетъ, если захочетъ вѣдать? И да накажетъ преступника, да накажетъ и тѣхъ, которые возводятъ его на степень знаменитую! Да отвѣтствуетъ министръ по крайней мѣрѣ за избраніе главныхъ чиновниковъ! Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ. Начинайте всегда съ головы: если худы капитанъ-исправники, виноваты губернаторы, виноваты министры!.. [1]).

Самодержавіе есть палладіумъ Россіи: цѣлость его необходима для ея счастія; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія. Оно было всегда не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ или царскихъ. Худо, ежели слуги овладѣютъ слабымъ господиномъ: но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честію...

И такъ, желаю, чтобы Александръ имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ царскаго сіянія, — возвышать не только государственными хартіями, но и такъ сказать невещными, легкими знаками вниманія, столь дѣйствительными въ самодержавіи. Наприм., для чего императору не являться иногда въ торжественныхъ собраніяхъ дворянства въ видѣ его главы и не въ мундирѣ офицера гвардейскаго, а въ дворянскомъ? Сіе произвело бы гораздо болѣе дѣйствія, нежели письмо краснорѣчивое и словесныя увѣренія въ монаршемъ вниманіи къ обществу благородныхъ. Но ничѣмъ Александръ не возвысилъ бы онаго столь ощутительно, какъ закономъ принимать всякаго дворянина въ военную службу офицеромъ, требуя единственно, чтобы онъ зналъ начала математики и Русскій языкъ съ правильностію; давайте жалованіе только комплектнымъ: всѣ благородные, согласно съ пользою монархіи, основанной на завоеваніяхъ, возьмутъ тогда шпагу въ руки, вмѣсто пера, коимъ нынѣ (безъ сомнѣнія ко вреду государственному) и богатые и небогатые дворяне вооружаютъ дѣтей своихъ въ

[1]) Стр. 2334—2341.

канцеляріяхъ, въ архивахъ, въ судахъ, имѣя отвращеніе отъ солдатскихъ казармъ, гдѣ сіи юноши, дѣля съ рядовыми воинами и низкіе труды и низкія забавы, могли бы потерпѣть и въ здоровьи и въ нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, чего нужнаго для службы нельзя узнать офицеромъ? Учиться же для дворянина гораздо пріятнѣе въ семъ чинѣ, нежели въ унтеръ-офицерскомъ. Арміи наши обогатились бы молодыми хорошо воспитанными дворянами, тоскующими нынѣ въ побытьяхъ. Гвардія осталась бы исключеніемъ: единственно въ ней начали бы мы служить съ унтеръ-офицеровъ; но и въ гвардіи надлежало бы отличать сержанта благороднаго отъ сына солдатскаго...

Какъ дворянство, такъ и духовенство бываетъ полезно государству по мѣрѣ общаго къ нимъ народнаго уваженія. Не предлагаю возстановить патріаршество, но желаю, чтобы Синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и дѣйствіяхъ; чтобы въ немъ засѣдали напр. одни архіепископы; чтобы онъ, въ случаѣ новыхъ, коренныхъ государственныхъ постановленій, сходился вмѣстѣ съ Сенатомъ для выслушанія, для принятія оныхъ въ свое хранилище законовъ и для обнародованія, разумѣется безъ всякаго противорѣчія. Нынѣ стараются о размноженіи духовныхъ училищъ, но будетъ еще похвальнѣе закопъ, чтобы 18-ти лѣтнихъ учениковъ не ставить въ священники, и никого безъ строгаго испытанія; законъ, чтобъ іерен болѣе пеклись о нравственности прихожанъ, употребляя на то данныя имъ отъ Синода благоразумныя дѣйствительныя средства, о коихъ мыслилъ и государь Петръ Великій. По характеру сихъ важныхъ духовныхъ сановниковъ, можете всегда судить о нравственномъ состояніи народа. Не довольно дать Россіи хорошихъ губернаторовъ, надобно дать и хорошихъ священниковъ; безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ.

Дворянство и духовенство, Сенатъ и Синодъ, какъ хранилища законовъ, надъ всѣми государь, единственный источникъ властей,—вотъ основаніе Россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ... [1]).

III.

Ѳ. В. Ростопчинъ о парламентѣ, судѣ присяжныхъ и адвокатахъ *).

При введеніи во Франціи представительнаго правленія, главная ошибка состояла въ томъ, что Палатѣ депутатовъ дозволено было имѣть публичныя засѣданія и помѣщать въ газетахъ изложеніе преній, происходящихъ въ ея засѣданіяхъ. Не менѣе важною ошибкою было и то, что перамъ и депутатамъ дозволено было читать свои рѣчи, что доставило многимъ недоброжелательнымъ лицамъ возмож-

*) Изъ сочин. Ростопчина „Картина Франціи". (Русск. Арх. 1872 г., 979—980, 974—975).

Ѳ. В. Ростопчинъ, наравнѣ съ Карамзинымъ, съ которымъ онъ былъ соединенъ узами родства, дружбы и солидарности въ политическихъ и общественныхъ взглядахъ, былъ однимъ изъ крупныхъ и талантливыхъ защитниковъ охранительныхъ началъ и государственнаго

1) Стр. 2343—2348.

ность сочинять разныя рѣчи и черезъ посредство депутатовъ распространять свои ядовитыя теоріи съ одного конца Франціи до другого. Пренія совершенно невозможны въ собраніи 600 французовъ, которые всѣ хотятъ говорить, но не слушать. Введеніе суда присяжныхъ не согласуется со здравымъ смысломъ въ связи съ увлеченіемъ, необдуманностью и подлостью французовъ. Они слишкомъ легко относятся къ уголовнымъ проступкамъ и, оправдывая обвиняемыхъ, они опираются на отвращеніе къ наказаніямъ и на уваженіе къ различнымъ мнѣніямъ...

Прокуроры и королевскіе адвокаты подвергаются часто, во время уголовныхъ засѣданій, противодѣйствію со стороны присяжныхъ, которые, руководствуясь въ своихъ приговорахъ одною лишь совѣстью, часто приносятъ ее въ жертву различнымъ соображеніямъ, ложному чувству филантропіи и въ особенности боязни прослыть поборниками деспотизма и пострадать за это при первомъ удобномъ случаѣ. Адвокаты, большею частью люди молодые, образуютъ столь же ненавистный, сколько и многочисленный кружокъ, и соперничаютъ, по ихъ вреднымъ наклонностямъ, со студентами медицинскаго факультета. Эти адвокаты въ защитительныхъ своихъ рѣчахъ не упускаютъ ни малѣйшаго случая, чтобы возставать противъ произвола, осыпать правительство насмѣшками и распространять нелѣпости, небылицы и клеветы противъ его представителей. Главная цѣль ихъ обратить на себя вниманіе либеральной партіи. Похвальный отзывъ какой нибудь газеты, приглашенія къ обѣду и плохенькій, литографированный портретъ служитъ имъ лучшею наградою и внушаетъ стремленіе принимать за образецъ негодяя Мануеля [1]).

IV.

Нужды и горе Россіи *).

Вашѣ Высокоблагородіе Батюшка Сила Андрѣевичъ.

Далеко ты живѣшь отъ нашей Палестины, но я полюбилъ тебя всѣмъ сердцемъ за то, что ты любишь баять правду. Земской нашъ Меркулъ привѣзъ съ Москвы грамотку на двухъ листахъ, намнясь въ Воскресенья, послѣ обѣдни позвалъ меня старика къ старонкѣ и на погосте селъ на дедушкину могилу, вынулъ

строя, неразрывно связаннаго съ господствомъ бюрократіи. О политическихъ и соціальныхъ взглядахъ Ростопчина см. ст. А. А. Кизеветтера въ Русск. Мысли 1913 г. январь—февраль. Къ сожалѣнію, идеи, проводившіяся Ростопчинымъ въ жизни и литературѣ, не сконцентрированы, а раскиданы въ отрывочномъ видѣ во множествѣ произведеній,—перепискѣ, запискахъ, мемуарахъ и пр., почему нѣтъ возможности представить ихъ въ подлинномъ видѣ. Ограничиваемся нѣсколькими отрывками изъ „Картины Франціи“ (посланіе къ имп. Александру I въ 1823 г.), въ которыхъ Ростопчинъ излагаетъ свои политическіе взгляды въ видѣ критики Франціи, ея политическихъ и общественныхъ порядковъ.

*) Письмо анонимнаго автора въ отвѣтъ на сочиненіе Ростопчина „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ россійскаго дворянина Силы Андреевича Богатырева“, появивш. въ 1807 г. Письмо напечатано въ Русск. Стар. 1881 г. т. 32, 906—909, съ сохран. орографіи подлинника.

---

[1]) Либеральный депутатъ Французскаго парламента отъ Вандеи.

ту грамотку изъ за пазухи, и по дружбѣ и по хлѣбу соли, прочиталъ мнѣ. Куда хорошо батюшка, ажно я ротъ разинулъ, и слезы та какъ градъ посыпались. Дай Богъ тебѣ здоровья, что ты помнишь Господа Бога и часъ смертный, учишъ людей доброму, просто въ ротъ кладіошъ, а всякой поймѣтъ. О! какъ бы у насъ то были вѣздѣ такія умныя головы, у насъ было бы житье то царство небѣсное, тебѣ бы кормилецъ не грѣхъ и генераломъ быть, по уму твоему, по твоей выслугѣ, по твоему старанію о святой Руси и всехъ насъ грѣшныхъ.

Прогнѣвали Господа Бога, не даромъ насъ Владыка наказываетъ! не стало правды, кормилецъ, а безъ правды и въ малой деревушки, гдѣ начальники плуты, то наша братья охаютъ, да несмѣй жалится, спину вышишутъ; а ето не лехкая ли махина! баютъ Царство то наше широко и далѣко, что и конца нѣтъ, хороша вотчина! на добрую управу глаза да и глаза, гроза да и гроза!..

И въ большихъ городахъ и въ малыхъ вездѣ вселился печистый духъ кривды. А отъ чего? отъ того что большія головы сами или близорукія нежонки, такъ что и въ очкахъ зги не видятъ, не учасъ, въ попы стали, или бездушныя мздоимщики, готовы все священное продать; давай лишь деньги, они проклятыя, по примѣру Іуды, все продадутъ! не дрогнетъ рука, мы и въ захолусье живѣмъ, а слышимъ что худо, а при такомъ урядѣ, гдѣ искать правды?

Я лѣтъ пять держалъ мельницу и знаю, что коль скоро воловые колесы испортятся, шестерня и жорнова разладются, и все пойдетъ плохо; такъ то и тутъ на большихъ глядя, и всѣ хоть брось, а батюшкѣ Государю гдѣ за всѣмъ приглядѣть, ему худова та не покажутъ, все мыто (шито?) да крыто, прогнѣвали Господа Бога. По широкимъ та крыльцамъ, гдѣ большія та суды, баютъ сапоговъ трое да послѣ изъ саноговъ та лаптей десятка два изъшаркаешь, а только коль машна пуста, не скоро добьешься. Сосѣди наши экономическіе мужики збородами та пытали тягатся, дѣло хоть право, и нашъ братъ мужикъ въ часъ разобралъ бы, а подъячіе накопаютъ такую кучу, что и на добромъ мѣренѣ не увезѣшь, да и послѣ выбираютъ, что складнѣй и дѣлаютъ правду хуже кривды; а коли ужъ тутъ пельзя сплутовать, такъ отказъ какъ шесть за то, что срокъ пропустили на нихъ жалится; да послѣ съ нихъ же здираютъ на ярбовую бумагу, да на пошлину, чтобъ и другія нешумаркали. Господи твоя воля! что дѣлать, пришло терпѣть Ужъ когда кормилѣцъ въ большихъ судахъ; такъ чегожъ спрашивать по губерніямъ и уѣзднымъ городамъ, всѣ за одно рука руку моетъ, а обѣ бѣлы бываютъ; хоть тѣ обѣрутъ до нага, хоть обругаютъ хуже собаки, хоть прибьютъ до полу смерти коли сила чья, вздумай просить, коли есть какія крохи, такъ послѣднія растеряешь на ярбовую бумагу, да по бездоннымъ подъяческимъ карманамъ; они будутъ кормить завтраками, а коли видятъ, что взять съ тебя нечего, такъ скажутъ, о пустомъ просишь, лучче помирится; а коли сталъ въ правдѣ спорить, такъ и въ вернутъ щетинку, такъ и пошолъ нисчѣмъ, плачся Богу, а слезы вода.

Я, родимой мой, послѣдняя спица въ колесницѣ, благодарю Господа Бога, не бывалъ въ большихъ судахъ и въ губѣрнскихъ то, какъ былъ старостою, отъдавалъ некрутъ, что баить, грѣха много! Самъ ты вѣдаешь умная голова, пересказывать тебѣ нечего. Еще таки у боярскихъ то защита лучшѣ, а казенныхъ то

со всѣхъ сторонъ щиплютъ, много высосутъ, пока дадутъ финанѣцъ (квитанцію?), а теперь, какъ батюшка нашъ Царь велѣлъ собрать милицію—то, то кабы онъ отецъ нашъ посмотрелъ на наши сиротскія слезы, наплакался бы и самъ вдоволь, а отъ чего? кабы правда то была въ наборѣ, кабы бѣдныхъ то не давили исправники да заседатѣли, ни кто бы слезинки не уронилъ, охотно бы всѣ готовы за батюшку Царя, за домъ пресвятыя Богородицы и за святую Русь, давно бы управились бы съ французскою саранчею, и духу бы ихъ не стало; а то кормилецъ эти грабитѣли вмѣсто того чтобы помочь намъ втакой суматохѣ, они въ мутной то водѣ рыбу ловятъ да наживаются и больше худа дѣлаютъ, чѣмъ басурманѣ...

Я уже, старъ, глухъ и слѣпъ, и вижу, что мало добра. Послушай, батюшка, какой это порядокъ: идутъ полки, заседатели выгоняютъ подводы, и наша братья на станціяхъ дожидаются дней по 10 и по 15 и зипуны то прозакладывали на постоялыхъ дворахъ, чтобъ лошадѣй не поморить съ голоду; да опослѣ прогоны оставляютъ въ своихъ карманахъ; нетъ вихъ ни страху Божьяго, ни чести, ни совѣсти; охъ тошнехонько приходитъ. А кто же виноватъ родимый, какъ не сами баря, я тѣ всю правду скажу, непокривлю души: вишъ ты богатымъ то служить не хочется, опору зайцовъ да волковъ гонять, да вкарты играть, да заводы заводить, чтобъ послѣ намъ по миру ходить, чтожъ они дѣлаютъ? на мѣсто себя выбираютъ бѣзпомѣстныхъ бѣздушниковъ, записываютъ за нихъ душъ по 5, да земли сколько нибудь, что будто тутошнія дворянѣ; а они какъ сядутъ за красное сукно, только что ломаются, ни дѣла, ни законовъ не знаютъ, и съ нуждою только подписываютъ то, что секретарь имъ подложитъ. Какъ ихъ милость въ уѣздъ поѣдутъ, то не помня присяги и учрежденья Царскаго, всѣ харчи берутъ даромъ, и съ того селенья, гдѣ побываютъ, здѣрутъ овчинку добрую... небось отъ боярскихъ то носъ воротятъ, потому что нечего сорвать; тамъ есть заступа, а насъ бѣдныхъ совсѣмъ разоряютъ, согрѣшили предъ Богомъ, некому за насъ вступится, какъ ихъ милость разгуляются; но бываетъ по часту то, не стыдясь нашей братьи баютъ: «вить мы не ваши, дворяне нанятые, какъ потуже карманы набьемъ, такъ и прощайте»... Глупятъ ли, правду ли баятъ, только видно, что не шутятъ. Посуди родимой мой, жалованье не большое, своихъ нѣтъ доходовъ, а въ городахъ лошадѣй по пяти дѣржатъ, одѣты, обуты, какъ столбовыя бояре, кареты, дрошки, коляски, дуракъ только не догадается, что у нихъ все хапоное! тотъ и хорошъ изъ нихъ, кто помогаетъ ворамъ, что умѣютъ запутать правду; да и не глѣделъ бы, кормилецъ, знаютъ! только дѣлешку съ своими начальниками, что бъ смѣста не спихнули да и полно.

Кабы я, батюшка Сила Андрѣевичъ, былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы предъ надеждою Государемъ все вывѣлъ на свѣжую воду; написалъ бы ему такую грамотку, чтобъ онъ погодилъ на время управлятся съ некрещенными басурманами, а поуправился бы съ крещенными: онѣ внутри больше дѣлаютъ зла, чемъ французы, отъ техъ хоть оборонится можно, а на этихъ и разинутъ рта не смѣй; вить и мы люди, терпя терпя и камѣнь треснѣть. Мы больше всѣхъ трудимся, всѣхъ поимъ и кормимъ, насъ же щитаютъ хуже собакъ. Умилосердись кормилѣцъ, заставь за сѣбя Богу молить, вступись за насъ грѣшныхъ, ужъ намъ отъ худыхъ судѣй приходитъ не вмоготу, отъ худой управы хоть домишки побросать. Доложи

обнасъ Батюшкѣ Государю, что коль мы раззорены будѣмъ вконѣцъ, то и матушкѣ Русси не видать добра. И дѣти наши и внучата и правнучеты всѣ будутъ за тѣбя Господа Бога молить.

Села Терпигорѣва, дѣревни Слабосиловки, Крестьянинъ Патрикій Филатовъ Сынъ Чистоправдинъ, земно кланѣюсь.

V.

Сибирскіе сатрапы *).

Многоуважаемый мною, почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ.

Вы желали знать отъ меня, кто за кѣмъ, съ открытія Иркутской губерніи, начальствовалъ въ ней. Мнѣ показалось, что я плохо бы удовлетворилъ вашему любопытству, если бы представилъ вамъ голый списокъ именъ и прозваній этихъ господъ, а потому не могъ воздержаться, чтобъ не сказать вамъ, хотя кратко, что знаю о каждомъ изъ нихъ. Не обманитесь; не подумайте найти интересный, завлекательный разсказъ: я взялся бы не за свое дѣло. Нѣтъ, я скажу вамъ просто и, можетъ быть, безъ связи, только то, что въ обрывкахъ сохранилось въ ослабѣвающей моей памяти. Прежде я зналъ многое: чутъ не родился въ Сибири; жилъ долго, жилъ не безъ толчковъ и потому не безъ оглядки; сверхъ того, по нѣкоторому случаю имѣлъ многія бумаги Иркутскаго архива въ своихъ рукахъ... Но, вотъ, я начинаю разсказывать.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Иркутская губернія воспріяла свое отдѣльное отъ «Сибирской» губерніи существованіе съ 1765 года и что съ того времени Управляли ею губернаторы по Наказу Петра Великаго, имѣя при себѣ одно присутственное мѣсто—губернаторскую канцелярію...

Въ 1783 году послѣдовало въ Иркутскѣ открытіе намѣстничества. Первымъ намѣстникомъ Иркутскимъ и Колыванскимъ былъ Якобій, генералъ-поручикъ; губернаторомъ при немъ Ламбъ, генералъ-маіоръ. По странной, конечно, игрѣ случая, тотъ и другой—«Иванъ Варѳоломеевичъ». Можетъ быть, не найдете лишнимъ,—если я припомню, что губернія въ это время была раздѣлена на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую, и въ каждую назначенъ комендантъ области генералъ-маіоръ... Все это чинопачаліе просто деспотствовало. Объѣздъ Охотскаго коменданта Козлова-Угрейнина по своей области долго вспоминался въ Камчаткѣ подъ именемъ «собачьей осны». Самъ Якобій былъ сатрапъ-сибаритъ.

---

*) Изъ письма декабриста бар. В. П. Штейнгеля къ А. П. Ермолову (генер., извѣстному герою Кавказа).

Бар. Штейнгель долго жилъ и служилъ въ Сибири до событій 1825 г., а затѣмъ долженъ былъ отбывать тамъ двадцатилѣтнюю каторгу; благодаря этимъ обстоятельствамъ имѣлъ возможность узнать многое о сибирской администраціи. Его письмо написано въ 1834 г., но излагаетъ факты и событія, относящіеся къ 1765—1819 гг. Письмо Штейнгеля, комментированное П. Каратыгинымъ, напечатано въ Истор. Вѣсти. 1884 г., августъ, 369—371, 374—379, 381—385. Біографію и записки Штейнгеля см. въ кн. „Обществ. движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.“ т. I. Семевскаго, Богучарскаго и Щеголева.

Одно осталось по немъ въ памяти иркутянъ: пышно, весело жилъ. Конецъ его вы знаете: чуть не десятилѣтнее томленіе подъ судомъ. Дѣло кончилось ничѣмъ; но зачернило сибиряковъ въ мнѣніи правительства и чуть не въ мнѣніи всѣхъ россіянъ. Слова высочайшаго указа слишкомъ были громки, разетильны. Онъ такъ начинался: «Читано передъ Нами нѣсколько тысячъ листовъ, подъ названіемъ Сибирскаго, Якобіевскаго дѣла, изъ коего Мы ничего иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетень и кляузъ, а потому...» и проч. Словами этими положено клеймо на сибиряковъ, за которое они впослѣдствіи дорого поплатились; кто знаетъ, можетъ быть и теперь поплачиваются. Горе отдаленной провинціи, ежели правительство между ею и собою поставитъ оплотъ предубѣжденія! Какая истина, какая невинность можетъ быть увѣрена, что гласъ ея за симъ оплотомъ не покажется ухищреннымъ воплемъ ябеды? Но—не наше дѣло; притомъ же это дѣло вѣдь давно-прошедшее [1]).

Селифонтову велѣно было представить: какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы, раздѣливъ Сибирь на три губерніи, соединить ее подъ управленіемъ одного генералъ-губернатора, облеченнаго особенною высочайшею довѣренностію. Теперь насталъ вопросъ: кого-же облечь этою довѣренностію? Отвѣтъ самъ собою представился: кого-же лучше, какъ не того, кто плачетъ о Сибири!.. И такъ Селифонтовъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, и повелѣно открыть Томскую губернію. Это происходило въ 1803 году. Губернаторъ для Иркутска данъ ему былъ на выборъ: онъ привезъ съ собою Картьелина. Въ инструкціи, высочайше данной Селифонтову, одинъ пунктъ особенно замѣчателенъ: въ немъ сказано, что, «по духу ябеды, издавна» (вспомните Якобія) «замѣченнаго между сибирскими жителями», ему дается полная власть всѣхъ тѣхъ, которые, имѣя безпокойный характеръ, вліяніемъ своимъ на общество могутъ препятствовать благонамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства,—ссылать въ отдаленнѣйшія мѣста, гдѣ безпокойство ихъ не можетъ быть вредно. Разумѣется, что копія съ этой инструкціи прежде была получена всѣми мѣстными начальниками и присутственными мѣстами во всей Сибири (прежде), нежели узнали о выѣздѣ Селифонтова изъ Петербурга.

Явился, какъ вице-рой; все пало ницъ и безмолвствовало! Чувствую, что любопытство ваше подстрекается скорѣе узнать: какъ начали поправлять бѣдствующую Иркутскую губернію! Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно интересно, и вы сейчасъ узнаете. Но позвольте напередъ сказать нѣсколько словъ о пріѣздѣ Селифонтова въ Иркутскъ и о жизни его тутъ, которая была истиннымъ соблазномъ. Сначала онъ пріѣхалъ одинъ, съ сыномъ своимъ Павломъ Ивановичемъ, но вскорѣ, въ самое то время, когда его жена съ прочимъ семействомъ прибыла въ Тобольскъ и по его распоряженію осталась тамъ жить, наперсница его, мадамъ Бойе съ дочерью, пріѣхала черезъ Ишимъ въ Иркутскъ и остановилась въ гене-

[1]) Преемниками Якобія въ Иркутскѣ были ген. Пиль, Штрандманъ, Лецано. Послѣдній былъ отставленъ по докладу сенатора Селифонтова, посланнаго въ Сибирь для ревизіи.

ралъ-губернаторскомъ домѣ. Отношенія сей матери и дочери къ отцу и сыну не долго оставались двусмысленными. Тотчасъ догадались, черезъ кого надобно обдѣлывать дѣла—и обдѣлывали, что хотѣли, и какъ хотѣли. Мало этого, я добавлю: Селифонтовъ привезъ съ собою правителемъ канцеляріи коллежскаго совѣтника Бакулина, сибирскаго и, если не ошибаюсь, ишимскаго уроженца, человѣка весьма «дѣлового». Бакулинъ захотѣлъ хозяйничать въ губерніи и съумѣлъ это сдѣлать. Всю Сибирь они раздѣлили на частныя комиссарства; опредѣленіе комиссаровъ предоставили себѣ и поставили ихъ въ прямое соотношеніе съ генералъ-губернаторомъ, подъ предлогомъ отдаленности мѣстъ, требующей скорѣйшихъ распоряженій. Обезпечивъ, такимъ образомъ, зависимость комиссаровъ, они, безъ околичностей, назначали, сколько слѣдовало заплатить за опредѣленіе въ такое или другое комиссарство и не забывали смѣнять тѣхъ, кои думали отдѣлываться «однимъ кушемъ». Въ это-же время случилось, что одинъ изъ секретарей Селифонтова, Бѣлявскій—человѣкъ «смышленный» и большой проказникъ, котораго послѣ я лично зналъ, когда онъ былъ въ Новгородѣ губернскимъ прокуроромъ, написалъ къ одному изъ комиссаровъ:

«Государь мой, покорно васъ прошу на прилагаемыя при семъ *яко-бы* деньги, купить для меня и прислать, какъ можно скорѣе, хорошую куницу или рысью шубу и проч.».

Шутливое было время!.. Однако же, оно не понравилось Картьелину. Селифонтовъ въ немъ ошибся: онъ не поладилъ съ его Бакулинымъ и проспалъ увольненія на первыхъ, такъ сказать, порахъ. На губернаторство пріѣхалъ честный морякъ Корниловъ, лично извѣстный (по Галерной гавани, въ коей онъ былъ начальникомъ) государю. Вы вѣрно догадаетесь, что и этотъ не сошелся съ Бакулинымъ и, слѣдовательно, съ Селифонтовымъ. У нихъ доходило до публичной разбранки и, конечно, Корнилову было бы дурно, еслибы не подоспѣло посольство графа Головкина.

Вамъ, конечно, извѣстно, что графу Головкину поручено было, въ проѣздъ до границъ Китая, обращать вниманіе на состояніе губерній, по тракту лежащихъ, и доносить правительству, что замѣтитъ дурнаго. Какъ Леццано, по надменности своей, не захотѣлъ кланяться Селифонтову, такъ точно этотъ, въ качествѣ полномочнаго вице-роя, не оказалъ пріѣзжему гостю особеннаго уваженія. Съ первой встрѣчи замѣтили между ними сухость. Напротивъ, Корниловъ старался привлечь на свою сторону не только посла, но и его свиту. Жена Корнилова, Александра Ефремовна, урожденная фанъ-дер-Флитъ, была весьма любезная, ловкая, гостепріимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезнымъ и кавалеры, какъ говорили въ Иркутскѣ, — «живмя жили» въ губернаторскомъ домѣ. Послѣ, когда Корниловъ выѣхалъ изъ Иркутска съ долгами, повторяли, что онъ «прожился на посольство». Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Александра Ефремовна успѣла передать свитѣ графа, какъ говорится, «всю подноготную» о Селифонтовѣ, и графъ всякое утро получалъ вѣрный отчетъ обо всемъ, что тамъ слышали. Послѣдствіе оказалось вскорѣ.

Едва графъ Головкинъ отправился въ Китай, Селифонтовъ отправился для свиданія съ семействомъ въ Тобольскъ, давъ обѣщаніе иркутянамъ вскорѣ во-

ротиться. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, онъ и дѣйствительно думалъ уже о возвратномъ пути, какъ вдругъ послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи его отъ службы и о запрещеніи ему въѣзда въ столицу.

Вы, вѣроятно, знаете, что Селифонтовъ не вдолгѣ окончилъ жизнь въ своихъ ярославскихъ деревняхъ, вслѣдствіе паралича. Не буду дѣлать сужденій, но вы, конечно, при семъ случаѣ, обратились мыслію къ поступку его съ Лепцано. Послѣдовало назначеніе новаго генералъ-губернатора, И. Б. Пестеля [1]), съ тою же инструкціею, но еще съ большею существенною довѣренностію. Это случилось въ началѣ 1806 года.

Пестель, какъ онъ самъ разсказывалъ, не соглашался принять это порученіе иначе, какъ съ условіемъ (условіемъ), чтобы Трескина [2]) дали ему губернаторомъ въ Иркутскъ. По московскому почтамту онъ имѣлъ его своимъ помощникомъ и зналъ его, какъ думалъ, совершенно. Корниловъ представлялъ въ этомъ затрудненіе; но доложили, что онъ самъ просится въ Тобольскъ, а потому государь согласился и на переводъ Корнилова, и на опредѣленіе Трескина. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, при первой встрѣчѣ съ чиновниками, Иванъ Борисовичъ (Пестель) разсказалъ имъ, вмѣсто привѣтствія, слѣдующее:

— Когда государю императору угодно было назначить меня въ Сибирь генералъ-губернаторомъ, то первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи: тамъ, тоже бѣлые воротники—и все ябедники. «Хе, хе, хе»! Онъ имѣлъ привычку язвительно смѣяться нѣсколько въ носъ. Слышавшіе смекнули дѣломъ и почесали только въ затылкахъ. Вы знаете здѣшнее: «чего станемъ дѣлать?» Это было для нихъ прелюдіею будущей драмы, которую готовились разыграть на сибирской сценѣ.

Пестель побывалъ въ Кяхтѣ и, обозрѣвъ Нерчинскій край, отправился въ 1807 году въ Тобольскъ и зимою на 1809 годъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, оттуда уже не возвращался. Въ Иркутскѣ онъ оставилъ дѣйствовать Трескина, на основаніи инструкціи своей, съ полною свободою и властію. Разставшись въ Тобольскѣ съ губернаторомъ Корниловымъ и съ вице-губернаторомъ Штейнгелемъ, моимъ дядею, какъ нельзя лучше, но пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, на обоихъ онъ (Пестель) сдѣлалъ представленіе, вслѣдствіе котораго они преданы суду сената. Мѣсто Корнилова получилъ зять Пестеля, фонъ-Бринъ. Поступокъ, вообще, не весьма чистый. Корниловъ и Штейнгель впослѣдствіи оправдались, но огорченія свели послѣдняго преждевременно въ гробъ,..

Въ Иркутскѣ отдали подъ судъ бывшаго предсѣдателя уголовной палаты — Гарновскаго, человѣка умнаго, философа по образу жизни, имѣвшаго многихъ почитателей въ городѣ. Это называлось «партіей» - и всѣ принадлежавшіе къ пар-

---

[1]) Отецъ извѣстнаго декабриста П. И. Пестель.

[2]) По отзывамъ Э. Стогова (Р. С. 1878 г. стр. 503) Трескинъ былъ деспотъ и самодуръ, но умный дѣлецъ, неутомимо заботившійся о благосостояніи жителей Иркутска и его благоустройствѣ. Корыстолюбивъ былъ страшно и набралъ взятками десятки милліоновъ (!!?), но „бралъ и умѣлъ дать средства наживать другимъ“. *(Прим. коммент. къ письму Штейнгеля, И. Каратыгина).*

тіи терпѣли равное гоненіе. Борьба съ Гарновскимъ кончилась его смертію. Его не могли сломить... Для планированія улицъ, началась ломка обывательскихъ домовъ. Граждане заговорили. Тогда въ обществѣ купеческомъ въ Иркутскѣ первыми считались дома Сибирякова и Мыльникова. Первый былъ головою и крѣпко стоялъ за общество, за бѣдныхъ. Осмѣлился жаловаться министру на притѣсненія. Жалоба отослана къ Пестелю, а отъ него къ Трескину. Кончилось тѣмъ, что на основаніи того же пункта инструкціи, о коемъ я вамъ упомянулъ, Сибиряковыхъ— одного брата сослали въ Нерчинскъ, другого—въ Жиганье, а Мыльникова—въ Баргузинъ. Двое изъ нихъ были первостатейными купцами: это не помѣшало. Всѣ они вскорѣ въ ссылкѣ этой умерли. Преслѣдовали также купца Киселева, человѣка умнаго и пылкаго, довели до сумашествія, т. е. посадили въ сумашедшій домъ, изъ котораго онъ безъ вѣсти пропалъ. Это осталось загадкою, которую. впрочемъ, не нашлось Эдипа разгадать. Управившись съ главами иркутскаго непоконнаго общества, заставили выбрать головою—Саватѣева, который былъ уже совершенно «покорнѣйшимъ слугою».

Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ при неограниченной довѣренности высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля, или все равно Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали, если не въ формальную, по крайней мѣрѣ, въ политическую зависимость отъ губернатора. Не исключается изъ сего даже военная часть. Начальникъ гарнизона. начальникъ артиллеріи, инженерные офицеры—всѣ сдѣлались покорные слуги, преданные начальству. Вы можетъ быть скажете: по крайней мѣрѣ духовная часть осталась независимою? Нѣтъ, и ее держали въ рукахъ. Вотъ какъ это случилось:

По поводу весьма соблазнительной исторіи. какую иркутскіе семинаристы сдѣлали съ своимъ ректоромъ, Іакинфомъ, извѣстнымъ нынѣшнимъ оріенталистомъ, онъ перессорился съ архіереемъ Веніаминомъ и написалъ на него допосъ, обвиняя его въ симоніи. Это случилось еще при Селифонтовѣ. Святѣйшій синодъ архимандрита Іакинфа перевелъ въ Тобольскъ и наложилъ на него «запрещеніе», а поступокъ архіерея представилъ изслѣдовать духовно-гражданской комиссіи, иначе сказать: отдалъ пастыря на судъ овцамъ. Исполненіе этого подоспѣло ко времени Трескина. Какъ человѣкъ умный, онъ не упустилъ случая дать архіерею замѣтить, что отъ него зависитъ смять его или удержать его на ногахъ. Трескинъ назначилъ въ комиссію съ гражданской стороны «дѣловыхъ» людей и точныхъ исполнителей своей воли. При открытіи комиссіи, они потребовали и настояли, чтобы архіерей явился въ присутствіе, какъ отвѣтчикъ. Смѣшно было видѣть, какъ тогда сами же чиновники, что священники, которые при входѣ архіерея сидѣли, какъ на иголкахъ, показывали ему, что рады бы встать, но угрозы гражданскихъ чиновъ комиссіи удерживаютъ ихъ. Для архіерея это было крайнее униженіе. Онъ смирился, и Трескинъ надъ нимъ сжалился; но за то нещадно показывалъ, какое вліяніе на него имѣетъ. Въ торжественный день, напримѣръ, архіерей вышлетъ говорить проповѣдь, а Трескинъ пошлетъ городничаго въ алтарь, сказать «не надо» и налой тотчасъ унесутъ: всѣ это видятъ и дивятся! И чего онъ съ нимъ не

дѣлалъ? Заставлялъ даже пріѣзжать въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, которыя предъ нимъ плясали. За то комиссія слѣдственная дѣйствовала ужъ такъ медленно, что бѣдный Веніаминъ успѣлъ умереть, прежде нежели дождался обвиненія или оправданія...

Изъ всего, что я сказалъ, вы ясно видите, что Пестель и Трескинъ строго держались истины: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ»; а кто противъ, того надобно душить... и душили, какъ говорится, въ гробъ. Все, что съ этой стороны можно сказать въ ихъ извиненіе, такъ развѣ одно то, что въ нихъ было нѣкотораго рода предубѣжденіе, на благонамѣренности основанное: они боялись, что безъ сильныхъ мѣръ и безъ введенія во всѣ мѣста людей преданныхъ и, какъ говорится, надежныхъ, не успѣютъ ничего сдѣлать путнаго для Сибири. По крайней мѣрѣ, я неоднократно слышалъ подобное сужденіе изъ устъ Трескина... Они, кажется, по совѣсти думали, что душатъ негодяевъ, злодѣевъ, ябедниковъ—«для блага цѣлаго края». Еще болѣе можно бы было имъ въ этомъ повѣрить, еслибы люди, ими избираемые и покровительствуемые, были строго честные и благонамѣренные; или, еслибы въ противномъ случаѣ, они и ихъ равно не щадили... Но вотъ бѣда, что въ этомъ отношеніи приходится Крылова вспомнить:

Все знаю я сама,
Да эта крыса—мнѣ кума!..

Чувствую, что вы готовите мнѣ вопросъ: «да былъ ли онъ (Трескинъ) человѣкъ безкорыстный?» Гм!.. Вещь не легкая отвѣчать рѣшительно. Разскажу факты, судите сами. Когда душили Передовщикова, съ его стороны не пожалѣли бы Богъ знаетъ чего, чтобы «замять» дѣло. Купецъ Губинскій, родственникъ его, былъ хорошъ съ Трескинымъ: было кому дѣло сладить, но, однако-жъ, всѣ покушенія остались тщетны. То же скажу и о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ: семейства ихъ не постояли бы за сотни тысячъ, чтобы ихъ возвратить. Сынъ перваго даже вошелъ въ милость у Трескина, но для отца ничего не успѣлъ. Было нѣсколько примѣровъ, что у него «не шло на деньгу».—Подозрѣвали, замѣтите? Но кого же не подозрѣваютъ? Подозрѣвали однако жъ, что заготовленіе хлѣба въ запасные иркутскіе магазины и для винокуренныхъ казенныхъ заводовъ, производимое чрезъ исправниковъ и комиссаровъ, доставляло ему знатный доходъ. Указывали на смотрителя иркутскаго магазина, извѣстнаго плута изъ разжалованныхъ, коего онъ «вывелъ» въ офицеры и принималъ его какъ человѣка, о которомъ «есть что переговорить наединѣ». Все это—догадки; но вотъ, что было явно. Онъ не отказывалъ въ такъ называемой «хлѣбѣ-соли», кои приносили на именины. Довольно странно бывало видѣть въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго, кто что принесъ—и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, съ цыбиками, съ анкерками и т. п. Это бывало наканунѣ именинъ и рожденій—его (Трескина) жены, дѣтей. Кто приносилъ, тотъ получалъ на завтра приглашеніе на балъ, или, просто, на вечеръ. Приносы на именины жены состояли большею частію изъ матерій: канфъ, канчей и т. п., а это не бездѣлица! Это распоряженіе приписывали самой губернаторшѣ, въ дѣла которой мужъ—«ни въ какомъ отношеніи» не вмѣшивался.

Агнеса (Агнія) Федоровна, такъ ее звали, дочь извѣстнаго сенатора Ѳедора Петровича Ключарева, была женщина «домовитая», и весьма, притомъ, не строгихъ нравовъ. Къ ней отправлялся смѣло всякій, кто хотѣлъ давать. Исправники, комиссары, «безъ доклада» могли входить въ уборную, въ спальню даже. Былъ претекстъ: «все свои дѣти»: такъ она ихъ называла. Въ самомъ дѣлѣ, эти мѣста, подъ конецъ, всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ изъ Москвы, только что вышедшіе изъ студентовъ; они, такъ сказать, взросли на ея глазахъ.

Другая явственность въ этомъ отношеніи: отправленіе ежегодно обозовъ въ Москву. Братъ Трескина, помощникъ московскаго почтамта, человѣкъ честный и прямой, мнѣ самъ сказывалъ, что все присланное братомъ до 1812 года сгорѣло во время пожара, и сгорѣло не мало. Но и послѣ онъ продолжалъ присылать тюки на храненіе брату. Будучи уже въ несчастіи, онъ успѣлъ пристроить двухъ дочерей, а этого нельзя сдѣлать безъ денегъ; особливо когда онѣ у него (были) не только не красавицы, но даже дурны собою. Недвижимаго у него не было. Теперь—судите.

Съ моей стороны скажу, что еслибы не было у Трескина жены, Агнесы Федоровны и секретаря Бѣлявскаго, онъ былъ бы, какъ говорится, совсѣмъ другой человѣкъ. Замѣтьте, это не тотъ проказникъ Бѣлявскій, о которомъ я говорилъ выше. Этотъ былъ родомъ изъ нѣжинскихъ грековъ — человѣкъ умный, неутомимый, даже честный, коли хотите; но человѣкъ холерическій и злобный. Онъ безпрестанно твердилъ губернатору: «что ихъ щадить, ваше превосходительство; все бездѣльники! Въ бараній рогъ надобно согнуть!»

И подлинно—гнули... [1])

VI.

Вельможа. (Басня Крылова).

Какой-то, въ древности, вельможа
Съ богато убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ,
Сказать простѣе: умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
— «Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
— «Что жъ дѣлалъ ты?»—«Шилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ».
— «Скорѣй же въ рай его!»—«Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
«Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ: [2])

---

[1]) О Пестелѣ и Трескинѣ см. еще у Герцена „Былое и Думы“, 189—190, изд. Павленкова, а также—у Вигеля, Записки, Русск. Арх. 1892 г. кн. перв. 195—196.

[2]) Судья въ подземномъ царствѣ, по религіознымъ вѣрованіямъ грековъ.

«Не знаешь дѣла ты никакъ,
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!
Что если бы съ такою злостью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!..
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».
Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну такъ и кажется, что быть ему въ раю!

VII.

К. Ѳ. Рылѣевъ о русскомъ судѣ и полиціи *).

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ Сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительное крючкотворство неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ.

Когда отъ русскаго меча
Легли моголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не преставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду разселилъ,
Чтобъ сердца сограждан̀ъ мирныхъ
Онъ завсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ, — это настоящіе кровопійцы; и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники (поляки), въ страшную годину междуцарствія, не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродье... Въ столицахъ беруть только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣ-

*) Изъ письма Рылѣева (поэта и, позднѣе, декабриста) къ О. В. Булгарину отъ 8 авг. 1821 г. (Русск. Стар. 1899 г. апрѣль, 71—72).

Булгаринъ, прежде чѣмъ открылъ (съ 1825 г.) изданіе „Сѣверной Пчелы“ и перешелъ въ лагерь охранителей, вращался въ кругу литературной молодежи того времени. Въ числѣ его пріятелей и знакомыхъ были Грибоѣдовъ, Рылѣевъ, бр. Бестужевы, Тургеневъ и др. См. Лемке, Николаевскіе жандармы, 232—233 и сл.

датели, секретари и даже копiисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники...

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
И ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями наполняютъ,
Бывъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно-ли крымскiе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ и дѣтей, и женъ, тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россiя покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго [1]) набѣгъ...
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

---

[1]) Наполеона.

Николаевская эпоха.

I.

Письмо декабриста А. Бестужева къ императору Николаю I о внутреннемъ состояніи государства*).

Ваше Императорское Величество.

Увѣренный, что Вы, Государь, любите истину, я беру дерзновеніе изложить предъ Вами историческій ходъ свободомыслія въ Россіи, и вообще многихъ понятій, составляющихъ нравственную и политическую часть предпріятія 14 декабря. Я буду говорить съ полною откровенностью, не скрывая худаго, не смягчая даже выраженій, ибо долгъ подданнаго есть говорить Монарху правду безъ прикрасъ. Приступаю.

Начало Царствованія императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостоянія Россіи. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредитъ, войска служили безъ труда, ученые учились, чему хотѣли, всѣ говорили, что думали, и всѣ по многому хорошему ждали еще лучшаго. Къ нещастію обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились безъ исполненія. Неудачная война 1807 г. и другія многостоящія разстроили финансы; но того еще не замѣчали въ приготовленіяхъ къ войнѣ отечественной. Наконецъ Наполеонъ вторгнулся въ Россію, и тогда то народъ русской впервые ощутилъ свою силу, тогда то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слово: «Свобода, освобожденіе». Само разсѣивало сочиненіе о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона... Еще война длилась, когда ратники, возвратясь домой, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. «Мы проливали кровь, говорили они, а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа». Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали: «какъ хорошо въ чужихъ земляхъ». Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ: почему же не такъ у насъ? Сначала, покуда говорили о томъ безпрепятственно, это расходилось на вѣтеръ, ибо умъ, какъ порохъ, опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что государь императоръ дастъ конституцію, какъ онъ то упомянулъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, и попытка нѣкоторыхъ генераловъ освободить ра-

*) М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ, 128—132. Письмо написано Александромъ Бестужевымъ изъ заключенія во время производства слѣдствія по дѣлу декабристовъ.

бовъ своихъ, еще ласкали многихъ. Но съ 1817 г. все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, или желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговаривать скрытно,—и вотъ начало тайныхъ обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорало умы. Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость. Тогда то стали говорить военные: «для тоголь освободили мы Европу, чтобы наложить цѣпи на себя? для тоголь дали конституцію Франціи, чтобъ не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?» Уничтоженіе нормальныхъ школъ и гоненіе на просвѣщеніе заставило думать, въ безнадежности, о важнѣйшихъ мѣрахъ. А какъ ропотъ народа, отъ истощенія и злоупотребленія земскихъ и гражданскихъ властей произшедшій, грозилъ кровавою революціею, то общество вознамѣрилось отвратить меньшимъ зломъ большее, и начать свои дѣйствія при 1-мъ удобномъ случаѣ. Теперь я опишу положеніе, въ какомъ видѣли мы Россію.

Войска Наполеона, какъ саранча, оставили за собой на долго сѣмена разрушенія. Многія губерніи обнищали, и правительство медлительными мѣрами или скуднымъ пособіемъ дало имъ вовсе погибнуть. Дожди и засухи, голодали другіе края. Устройство непрочныхъ дорогъ занимало руки трети Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корню. Злоупотребленія исправниковъ стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ крестьянамъ [1]), а угнетенія дворянъ чувствительнѣе, потому что они стали понимать право людей. Запрещенное винокуреніе отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ сбыту сѣмянъ, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянскій бытъ. Поселенія [2]) парализировали не только умы, но и всѣ промыслы тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроились, и навели ужасъ на остальныя. Частые переходы полковъ безмѣрно тяготили напутныхъ жителей; рѣдкость денегъ привела крестьянъ въ неоплатныя недоимки, однимъ словомъ всѣ они вздыхали о прежнихъ годахъ, всѣ роптали на настоящее, всѣ жаждали лучшаго до того, что пустой слухъ, будто даются мѣста на Аму-Дарьѣ, влекъ тысячи жителей Украйны—куда? не знали сами. Цѣлыя селенія снимались и бродили наугадъ, и многочисленныя возмущенія барщинъ ознаменовали 3 послѣдніе года царствованія Александра [3]).

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры на скудость жалованья и непомѣрную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотребленію, [4]) морскіе офицеры на бездѣйствіе. Люди съ дарова-

[1]) О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ можно написать книгу. Малѣйшій распорядокъ свыше даетъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву, и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ. То дадутъ сдѣлать и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ въ даль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата. Да и кромѣ того сбираютъ прибавочные налоги, безъ всякаго вида, что съ души сходитъ втрое противу указанныхъ податей и проч. *(Прим. А. Бестужева)*.

[2]) Военныя.

[3]) Далѣе идетъ рѣчь о мѣщанахъ и купцахъ, упадкѣ промышленности и торговли, о дворянствѣ и духовенствѣ, о всеобщемъ недовольствѣ.

[4]) Напр. въ Петербургскомъ и Кронштадтскомъ Адмиралтействѣ положено въ 1-мъ 90 лошадей для таскапія бревенъ, во 2-мъ не знаю числа. Но дѣло въ

піями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу по службѣ, требуя лишь безмолвной покорности, ученые на то, что имъ не даютъ учить молодежь, на препятствія въ ученіи. Словомъ во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица, на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались,—всѣ говорили, къ чему это приведетъ? Всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало надъ волканомъ, одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ взошло до неслыханнаго степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало вышнія мѣста, такъ что въ столицѣ подъ глазами блюстителей производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали.

Вашему Императорскому Величеству вѣроятно извѣстны теперь сіи злоупотребленія, но ихъ крыли отъ покойнаго императора. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу къ верьху, способствовала апелляціямъ, справкамъ, пересудамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т. е. разоренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ въ казнѣ, въ судахъ, въ комисаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, тотъ кралъ. Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались...

II.

„Обозрѣніе государственнаго строя“ декабриста Батенькова *).

Въ числѣ размышленій, бывшихъ поводомъ къ возбужденію во мнѣ желанія перемѣны въ образѣ правленія, я не упомянулъ о нѣкоторыхъ, по существу ихъ довольно важныхъ. Представляю нижеслѣдующія, кои родились во время вечернихъ прогулокъ въ Грузинѣ.

I. Критика внутренней администраціи.

Проходя мысленно исторію внутренней нашей администраціи, я удостовѣрился, что она, не бывъ утверждена на политической свободѣ, не можетъ быть прочна и не можетъ достигать своего назначенія.

Новѣйшая исторія Россіи представляетъ три важныя административныя мѣры: 1) Учрежденіе Сената и коллегій, 2) Учрежденіе о губерніяхъ, 3) Учрежденіе министерствъ.

---

*) М. В. Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, 138—142.

Подполковникъ Г. С. Батеньковъ (род. 1793 г., ум. 1863 г.) до 1825 г. проходилъ продолжительную военную и гражданскую службу, что доставило ему возможность близко познакомиться съ дѣятельностью тогдашней администраціи. По суду надъ декабристами приговоренъ къ 20-тилѣтней каторгѣ. „Обозрѣніе“ написано имъ въ мартѣ 1826 г.

томъ, что ни одна лошадь не работаетъ, а возитъ по гостямъ разныхъ чиновниковъ. Вмѣсто же ихъ запрягаютъ несчастныхъ матросовъ. Братъ мой Николай и к.-л. Торсонъ могутъ дать подробнѣйшее свѣдѣніе о многомъ множествѣ злоупотребленій по флоту. *(Прим. А. Бестужева)*.

1) *Учрежденіе Сената и коллегій.* Учрежденіе сіе, коимъ обязана Россія Петру Великому, было одно изъ прочнѣйшихъ и развито было въ практикѣ во всемъ пространствѣ. Оно устояло среди разныхъ внутреннихъ перемѣнъ въ теченіи семи царствованій; но по времени устояло не многимъ далѣе полувѣка. Образованіе народное опередило его. Сенатъ и коллегіи, не бывъ поддерживаемы общимъ мнѣніемъ, начали клониться къ упадку; во внутреннемъ составѣ своемъ вмѣщали уже не первыхъ лицъ въ государствѣ, какъ было при учредителѣ, но людей большею частью способныхъ только на все соглашаться. Канцеляріи сихъ мѣстъ еще болѣе пали. Извнѣ онѣ колебались вводимыми по совершенной необходимости новыми учрежденіями, и мало по малу Сенатъ впалъ въ полную зависимость Генералъ-прокурора, коллегіи висѣли на одномъ кредитѣ президентовъ. До насъ дошли, можно сказать, однѣ развалины сихъ, нѣкогда великихъ и почтенныхъ государственныхъ зданій.

2) *Учрежденіе губерній.* Учрежденіе сіе никогда не было приведено въ полное дѣйство. Сначала его не понимали, потомъ стали исправлять, а наконецъ измѣнили въ существенныхъ основаніяхъ, отвергнувъ все, что было въ немъ конституціонное. Сила суда въ нижнихъ инстанціяхъ ослаблена, на лица, служащія по выборамъ, распространены награды и взысканія, и унизилась самая служба по выборамъ ничтожностью лицъ и совершенной ихъ зависимостью отъ чиновниковъ коронныхъ, еще менѣе уважительныхъ. Губернаторы мало по малу присвоили себѣ всю мѣстную власть и едва не сравнялись съ бывшими воеводами. Опредѣленіе генералъ-губернаторовъ довершило изпроверженіе губернскихъ мѣстъ; всѣ дѣла стеклись къ симъ сатрапамъ. Самое высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами, и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить. Легче было отрѣшить генералъ-губернатора, нежели указать ему почтительно законный путь, отъ коего онъ уклонился. Страннѣе всего было видѣть, что одному изъ генералъ-губернаторовъ позволено было дѣлать опыты новой губернской администраціи,—будто бы для подобнаго опыта довольно нѣсколькихъ мѣсяцевъ и будто бы нельзя было лучше видѣть удобности или неудобности apriori.

3) *Учрежденіе министерствъ.* Сіе учрежденіе въ самомъ его существѣ исполнено важныхъ недостатковъ и явно составлено было на скорую руку. Кромѣ употребленія наименованій, оно ни въ чемъ почти не приведено въ исполненіе; но тѣмъ не менѣе, не бывъ надлежащимъ образомъ связано съ губернскимъ управленіемъ, мѣшало ему и само встрѣчало отъ него препятствія. Департаменты, выключая немногихъ, вовсе не приняли отдѣльнаго дѣйствія, директоры обратились въ секретарей, начальники отдѣленій въ писцовъ,—и вскорѣ вся администрація представила собою огромныя и праздныя канцеляріи министровъ. Сіи, истинные въ наше время аристократы, владѣли ввѣренными имъ частями, какъ бы удѣлами; смѣна или смерть одного министра производила новый раздѣлъ департаментовъ, не по существу предметовъ, но по уваженію лицъ, и они тягались между собою какъ бы о правѣ на наслѣдіе.

Къ довершенію неустройства образовался Комитетъ министровъ. Ничто не можно было придумать лучше въ прикрытіи всѣхъ безпорядковъ предъ Госуда-

ремъ и къ обнаженію одного лица его предъ народомъ. Все производство дѣлъ оставалось въ тайнѣ, формы, подъ видомъ простоты и скорости, прикрывали всѣ упущенія и своевольство. Канцеляріи могли дѣлать, что хотѣли,—и вмѣсто обѣщанной учрежденіемъ министерствъ отвѣтственности каждаго лица, даже до начальника стола за всѣ дѣйствія, они всѣ, совокупно съ министрами, прикрывались объявленными на все высочайшими соизволеніями, и Государь одинъ несъ на себѣ всю тяжесть ошибокъ и неустройства. Сіе имѣло три сложныхъ послѣдствія:

1. Множество самыхъ мелочныхъ дѣлъ, привлеченныхъ въ комитетъ и восходящихъ до Государя, столько затрудняли его священную особу, что удивляться надобно, какъ доставало времени для одного прочтенія.

2. Каждый дѣлопроизводитель въ министерствѣ легко могъ ошибки свои скрыть и частныхъ видовъ своихъ достигнуть, не опасаясь никакого взысканія.

3. Высочайшія повелѣнія потеряли свойственную имъ силу и важность. Я многократно встрѣчалъ по дѣламъ самыя не свойственныя противъ оныхъ возраженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Государю представляемо было, якобы дѣлами управляетъ Комитетъ, а его величество также знаетъ все и представляетъ себѣ одно воспрещеніе исполненія и отмѣну по тѣмъ статьямъ, по коимъ признаетъ за благо; но въ послѣдствіяхъ было не такъ: ибо Комитетъ и даже канцелярія его не могли быть ни кѣмъ призваны къ отвѣтственности, и соизволенія Государя оглашаемы были всегда, яко утвержденія.

Въ Комитетѣ министровъ, какъ на большой дорогѣ, толпились всѣ неустройства, безпорядки и несправедливости. Но сего мало: придумали еще особенные пути къ умноженію смѣшенія. По множеству частныхъ случаевъ учреждены разные комитеты, съ такою же, какъ и главный комитетъ силою, одинъ перевершалъ дѣла другого, рѣшенія, утверждаемыя высочайшею властію, являлись часто по одному и тому же дѣлу въ совершенномъ между собою противорѣчіи, шли къ исполненію не извѣстными и установленными путями, но тѣми, какіе по особымъ видамъ дѣйствующихъ лицъ казались удобнѣйшими. Сенатъ,—сіе хранилище законовъ и блюститель благоустройства, не зналъ ни о чемъ и обращенъ былъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу въ кредитѣ. Онъ считаетъ величайшимъ подвигомъ, что осмѣлился одинъ разъ возразить на статью указа о почтовой таксѣ. Такимъ образомъ верховное правительство въ послѣдніе годы, можно сказать, разсыпалось, потеряло все единство и представляло собою нестройную громаду.

Вообще судьба всѣхъ новѣйшихъ установленій была одинакова, то есть остаться безъ исполненія и измѣняться со дня изданія. Въ доказательство достаточно упомянуть о проектѣ горнаго положенія, о учрежденіи путей сообщеній, о университетахъ, о правилахъ внутренней торговли.

II. Система налоговъ.

Ничего для высшаго правительства не было обманчивѣе системъ налоговъ. Правда, въ податяхъ установленный порядокъ, каковъ бы онъ ни былъ, по возможности исполнялся; но какое обширное поле злоупотребленій и народнаго бѣд-

ствія представляли земскія повинности? Смѣты объ нихъ, разсматриваемыя въ Государственномъ совѣтѣ, обыкновенно обымали двѣ или три статьи, но исполненіе совершено ввѣрялось мѣстному начальству безъотчетно, и по окончаніи обряда утвержденія, оно даже и по симъ статьямъ могло допускать, какія заблагоразсудитъ, измѣненія. Всѣ же прочія статьи земскихъ повинностей оставались въ совершенномъ его произволѣ. Ни повѣрка, ни учеты, никакихъ формъ въ умноженіи налога не наблюдалось, особенно въ повинностяхъ личныхъ,—и народъ не могъ не чувствовать всей ихъ тягости. Стоило пожелать губернатору награды,—вся губернія должна была приносить высочайшія пожертвованія. Произвольныя распоряженія одного Ярославскаго губернатора могутъ служить оправданіемъ того всеобщаго ропота, который на земскія повинности постепенно умножался.

Но кромѣ повинностей земскихъ, крестьяне имѣютъ еще свои внутреннія повинности, извѣстныя подъ именемъ волостныхъ. Важную статью въ оныхъ составляютъ расходы темные, т. е. на подарки разнымъ чиновникамъ. Но сей родъ повинностей по крайней мѣрѣ подлежитъ всегда учету на мірскихъ сходахъ, и потому былъ уже сносенъ *)...

III.

Сводъ Боровкова изъ показаній декабристовъ **).

По возвращеніи государя императора [1]) въ С.-Петербургъ, мнѣ переданы отвѣты судимыхъ о взглядѣ ихъ на внутреннее состояніе государства въ царствованіе императора Александра. Изъ этихъ отвѣтовъ я составилъ для его величества сводъ въ систематическомъ порядкѣ, приведя ихъ въ единство, и откинувъ повторенія и пустословіе; но мысли, даже въ способѣ изложенія, оставилъ я по возможности безъ перемѣны. Сводъ главнѣйше извлеченъ изъ отвѣтовъ Батенькова, Штейнгеля, Александра Бестужева и Переца. Привожу его здѣсь дословно:

---

*) Далѣе Батеньковъ говоритъ о казенномъ хозяйствѣ, монополіяхъ, винной продажѣ, дающихъ чиновничеству множество поводовъ для злоупотребленій. Въ отдѣльной запискѣ „Мысли о конституціи“ Батеньковъ излагаетъ планъ государственнаго преобразованія, въ основѣ котораго лежитъ введеніе народнаго представительства съ законодательной властью и отвѣтственностью министровъ, судъ присяжныхъ и пр. „Мемуары декабристовъ“, 144—149.

**) Изъ „Автобіографическихъ записокъ А. Д. Боровкова“ (Русск. Стар. 1898 г. ноябрь, 353—357, 361—362).

Боровковъ, совѣтникъ военнаго министерства, былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Слѣдственнаго комитета о декабристахъ, учрежденнаго 17 декабря 1825 г. подъ предсѣдательствомъ военнаго министра гр. Татищева. Почти все время Николаевскаго царствованія Боровковъ служилъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, получивъ званіе статсъ-секретаря Госуд. совѣта и сенатора. Въ 1846 г. былъ уволенъ въ отставку.

---

[1]) Изъ Москвы послѣ коронаціи.

1) Введеніе.

Начало царствованія императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами: всѣ сословія радовались; всѣ ожидали благоденствія Россіи. Дворянство отдохнуло *)...

2) Воспитаніе.

Плодовитый корень республиканскихъ порывовъ скрывался въ самомъ воспитаніи и образованіи; въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ само правительство, какъ млекомъ, питало юношество свободомысліемъ. Вступя на поприще жизни, восторженные юноши на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе.

3) Законы.

Твердые, ясные и короткіе законы, врѣзываясь легко въ памяти, предупреждаютъ ябеды и злоупотребленія. У насъ указъ на указъ одно разрушаетъ, другое возобновляетъ; на каждый случай найдутся многія противорѣчущія узаконенія. Отъ этого сильные и ябедники торжествуютъ, а бѣдность и невинность страждутъ.

4) Судопроизводство.

Образованіе нашего судопроизводства весьма сложно. Отъ земскаго суда до Государственнаго совѣта столько переходовъ, что нужно долгое время и большія средства, чтобы провести дѣло по всѣмъ инстанціямъ, въ которыхъ судятъ, пересуживаютъ, и часто рѣшеніемъ самаго высшаго мѣста предоставляютъ только снова начать тяжбу судомъ по формѣ. Такимъ образомъ недостаточно жизни дождаться окончанія! Къ сему должно присовокупить несправедливости, злоупотребленія, волокиту и лихоимство; все это до крайности истощаетъ тяжущихся.

5) Система правленія.

Правительство отличалось непостоянствомъ: въ управленіи государственномъ не было твердаго, положительнаго плана... **).

Вообще гражданская часть—краеугольный камень въ зданіи государственнаго благоустройства, была какъ бы въ нѣкоторой опалѣ. Покойный императоръ видѣлъ зло, считалъ его неизцѣлимымъ и ограничивался только тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія, не имѣя округъ себя въ виду людей, съ коими могъ бы взяться за исправленіе.

6) Жалованье чиновникамъ.

Жалованье чиновниковъ должно обезпечивать ихъ существованіе; оно у насъ совершенно неуравновѣшено; гражданскому губернатору, хозяину губерніи, назначено менѣе вице-губернатора, который въ сущности только предсѣдатель казенной палаты; а чиновники цѣлаго уѣзда, вмѣстѣ взятые, не получаютъ жалованья и

---

*) И т. д., въ введеніи повторяется начало письма А. Бестужева, напечатаннаго выше.

**) И т. д. объ Учрежденіи о губерніяхъ, о коллегіяхъ, министерствахъ, Комитетѣ министровъ и о послѣдствіяхъ административной неурядицы—по „Обозрѣнію“ Батенькова.

противъ одного надзирателя питейнаго сбора. Сколько чиновниковъ, едва имѣющихъ занятіе, пользуются большими окладами изъ двухъ и трехъ мѣстъ! Сколько такихъ же получаютъ пенсіи на службѣ! Но въ то же время большая, несравненно большая часть бѣдствуетъ, нуждаясь даже въ пропитаніи, будучи обременена притомъ работою до упаду.

Состояніе приказныхъ достойно состраданія: за тридцать или сорокъ рублей ассигнаціями въ годъ они обречены работать съ утра до вечера! Надобно видѣть въ губерніяхъ несчастное положеніе этихъ людей, чтобы принять въ судьбѣ ихъ живое участіе.

7) Взиманіе податей.

Подати, налагаемыя для дѣйствительныхъ государственныхъ потребностей, не могутъ быть тягостны, особенно если онѣ располагаются соразмѣрно процентамъ съ капитала, котораго не разрушаютъ. Но какое обширное поле злоупотребленій и народнаго бѣдствія представляли земскія повинности, оставаясь въ совершенномъ произволѣ мѣстнаго начальства! Никакихъ формъ, ни повѣрки, ни учета не наблюдалось въ умноженіи налога, особенно въ повинностяхъ личныхъ. Народъ тѣмъ прискорбнѣе переносилъ эти тягости, что онѣ налагались самовольно, безъ посредства высшей власти, которую одну считаетъ онъ священною. Стоило губернатору пожелать награды, вся губернія, стеная, вынуждена была приносить величайшія пожертвованія.

8) Дорожная повинность.

Безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, часто въ страдную пору, во время сѣнокоса или жатвы, довели ихъ до совершеннаго разоренія. Надобно присовокупить къ сему, съ одной стороны, частыя перемѣны въ планѣ, а съ другой—злоупотребленія земскихъ чиновниковъ, которые допускаютъ сдѣлать то, что послѣ заставляютъ разрушить подъ предлогомъ, что сдѣлано не по формѣ. Мало этого: они назначаютъ ближайшихъ поселянъ на работы въ отдаленные участки, и наоборотъ; за увольненіе берутъ взятки съ тѣхъ и другихъ; а дороги остаются неисправленными, непроѣзжими.

9) Недоимки.

Народъ, отягощенный неправильнымъ собираніемъ податей и отправленіемъ разнаго рода повинностей, впалъ въ недоимки. Строжайшія мѣры, принятыя ко взысканію ихъ, довершили разореніе. У крестьянъ стали продавать домашній скотъ, лошадей и самые дома; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выбить, выколотить недоимку сдѣлалось техническимъ выраженіемъ. Должно присовокупить, что всѣ капиталы и все обращеніе ихъ привлечены въ столицу, расположенную на оконечности имперіи. Здѣсь собрана величайшая часть казенныхъ заведеній, здѣсь только производились всѣ важныя работы; отъ этого отдаленныя губерніи, а также не имѣющія водяныхъ путей къ столицѣ, скоро пришли въ упадокъ, оскудѣли и упали духомъ, не зная, къ чему направить свою дѣятельность, куда сбыть свои произведенія *).

*) Далѣе излагаются статьи: 10) Казенное хозяйство, 11) Торговля, 12) Состояніе флота, 13) Военныя поселенія, 14) Экономическій капиталъ поселеній, 15) Состоянія (стр. 357—361). Приводимъ только 16 статью—Заключеніе.

16) Заключеніе.

Кратко изображенное внутренее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріялъ скипетръ нынѣ царствующій императоръ и сколь великія трудности принадлежатъ ему къ преодолѣнію. Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, къ чему призываетъ Гаити и Америки, словомъ,—исправить неисчисленные безпорядки и злоупотребленія.

Этотъ сводъ представленъ государю императору 6-го февраля 1827 г. Его Величество изволилъ оставить его у себя въ кабинетѣ, а списки: одинъ отослалъ въ Варшаву къ цесаревичу Константину, а другой далъ князю Кочубею, бывшему тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

— Государь императоръ,—сказывалъ мнѣ впослѣдствіи князь Кочубей,—часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго; да и я часто къ нему прибѣгаю. Вы хорошо и ясно изложили разсѣянныя идеи, кажется, добавили и своихъ свѣдѣній.

Мнѣ пріятно было слышать лестный отзывъ государственнаго мужа о моей работѣ, но еще пріятнѣе было видѣть проявленіе ея въ разныхъ постановленіяхъ и улучшеніяхъ, выходящихъ съ того времени.

IV.

Докладная записка генералъ-адъютанта Кутузова императору Николаю I о состояніи государства въ 1841 г. [1]).

При проѣздѣ моемъ по тремъ губерніямъ, по большимъ и проселочнымъ трактамъ, въ самое лучшее время года, при уборкѣ сѣна и хлѣба, не было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движенія, доказывающаго довольствіе народное. Напротивъ, печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Помня тридцать лѣтъ тому назадъ, что это время года было торжество селянина, дни его радости, оглашаемой отъ зари утренней до зари вечерней пѣснями,—эта печать унынія была для меня поразительна, тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ (Новгородской, Псковской и части Тверской); на нихъ красовались богатыя жатвы, обѣщавшія вознаградить труды землевладѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до пре-

---

[1]) Русск. Стар. 1898 г. сентябрь, 517—520, 528—529.

стола вашего императорскаго величества? Вы не знаете причинъ бѣдствій народныхъ, всемилостивѣйшій государь: иначе скорбь бы его обратилась въ радость, бѣдность въ избытокъ, неправда и угнетеніе въ судъ правый и въ защиту слабаго отъ сильнаго. По чувству преданности къ пользамъ государства, я поставляю для себя священною обязанностію представить краткую, но вѣрную картину общественныхъ бѣдствій, открыть то зло, которое тяготѣетъ надъ землею Русскою и которое грозитъ разрушеніемъ всѣхъ началъ государственнаго благоустройства. Но прежде разсмотримъ, какимъ образомъ монархъ можетъ въ точности узнавать истину и настоящее положеніе дѣлъ.

Въ монархическомъ правленіи государь троякимъ образомъ можетъ узнать истину и состояніе своего народа: 1) Мѣшаясь тайно и явно среди самаго народа, лично прислушиваясь къ его голосу и нуждамъ и допуская къ себѣ всякаго. Такъ дѣлали Петръ Великій, Гарунъ-Аль-Рашидъ и послѣдній турецкій султанъ Махмудъ. 2) Дозволяя приближаться къ себѣ всякому въ опредѣленномъ мѣстѣ, приглашая къ себѣ иногда людей, находящихся внѣ сферы придворной. Такъ дѣлали Екатерина Великая и покойный императоръ австрійскій Францъ. 3) Дозволяя писать къ себѣ каждому и читая подобныя письма, а въ случаѣ поразительной несправедливости разсматривая дѣла и подвергая строгому наказанію виновныхъ. Такъ дѣлали Петръ Великій, Павелъ I-й и покойный прусскій король, который всякій день посвящалъ нѣсколько часовъ на прочтеніе подобныхъ писемъ и оставилъ по себѣ память отца и благодѣтеля народнаго.

Покойный императоръ Александръ I, возложа управленіе гражданскими дѣлами на графа Аракчеева, воспретилъ всякій къ себѣ доступъ, зло росло медленно, но постепенно и обнаружилось взрывомъ 14-го декабря. У престола вашего императорскаго величества нѣтъ ни одного избраннаго, но за то нѣсколько человѣкъ окружающихъ оный составили ограду, чрезъ которую никакія злоупотребленія вамъ невидны, и голосъ угнетенія и страданій вашего народа неслышенъ. Скорѣе можно достичь до престола Царя Небеснаго, чѣмъ до престола царя земнаго, такъ говоритъ народъ вашъ, и говоритъ истину. Именемъ вашего величества воспрещено приближаться къ вамъ и подавать прошенія во всѣхъ предѣлахъ Имперіи. Я не вѣрю, чтобы вы знали объ этомъ запрещеніи: это остатокъ повелѣній предшествовавшаго правленія, остатокъ, котораго послѣднее дѣйствіе было разыграно на Сенатской площади. Это воспрещеніе въ буквальномъ смыслѣ значитъ: сильный дѣлай что хочешь, а слабый не смѣй на него жаловаться; и къ кому обратиться угнетенному? къ министрамъ? Но они всегда отвѣчаютъ, что не мое дѣло, и, составляя между собою союзъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, не выдадутъ одинъ другаго. Къ Комиссіи прошеній? Но она по многимъ предметамъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе, а по которымъ должна, не хочетъ, боясь борьбы съ сильными. Она всегда плыла по вѣтру и держалась того берега, который грѣетъ солнце и изобиленъ земными благами: ей тепло и сытно, а народу и холодно и голодно.

Съ ранней молодости моей служа подъ личнымъ начальствомъ вашего императорскаго величества, существуя вашими благодѣяніями, я не имѣлъ столкновенія ни съ какими властями, не испыталъ ни отъ кого никакихъ непріятностей. Едва

знаемый кѣмъ либо изъ окружающихъ васъ, и то по слуху, я могу и долженъ быть безпристрастенъ; дѣла съ ихъ дѣлателями представляются мнѣ въ настоящемъ видѣ и свѣтѣ, ибо я стою съ ними въ уровень, смотрю на нихъ своими глазами, прислушиваюсь къ голосу народа своими ушами. Итакъ, положа руку на сердце, я приступаю къ обозрѣнію причинъ общественныхъ бѣдствій. Для ясности положенія, раздѣляемъ по вѣдомствамъ, имѣющимъ ближайшее вліяніе на судьбу Имперіи.

Министерство Государственныхъ имуществъ.

При учрежденіи сего министерства, вы мыслили улучшить благосостояніе казенныхъ крестьянъ; но съ самаго его учрежденія, оно приняло характеръ разоренія, и положеніе крестьянъ не только не улучшилось, но бѣдность ихъ достигла высочайшей степени, и не отъ неурожаевъ, на которые слагаютъ вину, но отъ самаго устройства министерства и отъ его дѣйствій. Государь! участь этихъ милліоновъ несчастныхъ, участь дѣтей вашихъ, за весь кровавый трудъ не имѣющихъ куска хлѣба, но все-таки обожающихъ васъ, заслуживаетъ вашего воззрѣнія. Сердце обливается кровью, смотря на эту толпу несчастныхъ, годъ-отъ-году приходящихъ въ худшее состояніе.

Устройство министерства. Изъ одного департамента министерства финансовъ вдругъ выросло три департамента, нѣсколько канцелярій, полсотни палатъ, сотни окружныхъ управленій, такъ что вмѣсто ста двадцати прежнихъ управленій явилось болѣе 1.500. Подобное умноженіе чиновниковъ во всякомъ государствѣ было бы вредно, но въ Россіи оно губило и губитъ Имперію. Что оно губило Россію—можетъ удостовѣрить слѣдующій манифестъ императрицы Екатерины I.

«Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному адресоваться имѣли, нынѣ къ десяти и болѣе. А всѣ тѣ разные правители имѣютъ особыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ правители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ безпорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ и происходить будутъ». (Полн. собр. зак. т. VII, манифестъ 1727 г. февраля 24, пунк. 6, № 5017).

Эта истина высказана за сто лѣтъ тому назадъ, когда простота нравовъ требовала одного пропитанія, слѣдовательно, что же нынѣ, когда роскошь и развратъ овладѣли всѣми чувствами, поработили сердца и понятія? Теперь стремятся не къ пропитанію, но къ обогащенію, что губитъ Россію въ настоящее время. Этому доказательство—бѣдственное состояніе государства, происходящее отъ недостатка административнаго устройства, производящаго множество чиновниковъ, желающихъ обогащенія, а отъ сего нѣтъ правды въ судѣ, нѣтъ истины въ дѣлахъ,—одна корысть и угнетеніе. У насъ каждый министръ, для доказательства важности своего управленія старается объ учрежденіи множества департаментовъ, комиссій и канцелярій, наполненныхъ множествомъ чиновниковъ, непонимая, что это доказываетъ его незнаніе дѣла, и что отъ этого управленіе идетъ гораздо хуже, по весьма простой истинѣ, устройствомъ міра намъ указанной: чѣмъ болѣе предметовъ окружаетъ движущееся тѣло, тѣмъ движеніе его медленнѣе и неправильнѣе. Отъ этого

множества мѣстъ рождается и другое зло для успѣшнаго хода дѣлъ: безконечная переписка (съ учрежденія Министерства Государственныхъ имуществъ открылись три бумажныхъ фабрики), отчего теряется вниманіе къ самому существу дѣла, которое уже становится постороннимъ предметомъ, а очистка бумагъ—главнымъ, дабы для блеска отчетовъ можно было сказать: поступило нѣсколько десятковъ тысячъ и всѣ рѣшены, а какъ рѣшены, это извѣстно одному Богу; ибо Онъ только одинъ видитъ слезы и слышитъ вздохи несчастныхъ *)...

Вотъ причины, которыя довели государство до настоящаго положенія, причины, которыя сокрыты отъ вашего величества. Но почему же онѣ сокрыты, когда говорятъ, у насъ есть тайная полиція? Но это только говорятъ. У насъ корпусъ жандармовъ, а не тайная полиція, которая должна все видѣть и слышать, а сама быть невидима и неслышима. Это учрежденіе такъ тѣсно связано съ благомъ имперіи, что требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

При учрежденіи корпуса жандармовъ взяли въ примѣръ подобное учрежденіе во Франціи, забывъ сообразить, что тамъ жандармы есть подобіе нашей внутренней стражи, и что тамъ есть высшая тайная полиція, по указанію которой дѣйствуютъ и жандармы. Напротивъ, у насъ это лучшее учрежденіе Франціи вывернули на изнанку: агенты тайной полиціи подчинены жандармамъ, и потому, какъ обязанные имѣть съ ними сношенія, сдѣлались явны. Сверхъ сего у насъ всякій, сочиняя для своего вѣдомства наставленія, старается захватить какъ можно болѣе власти, не понимая, что этимъ, разрушая общую гармонію государственнаго управленія, причиняетъ вредъ и своей части. Такъ произошло и съ корпусомъ жандармовъ; онъ кромѣ характера политическаго (котораго впрочемъ, по явности своей, имѣть не можетъ), вмѣшивается въ дѣла гражданскія и даже семейныя. Это-то вмѣшательство усилило еще болѣе неправду и злоупотребленія, поелику жандармы тѣ же люди, съ тѣми же пороками, страстями и слабостями, какъ и всѣ живущіе подъ луной, потому то умѣли овладѣть ими и красотою женскою, и приманкою обогащенія, умѣли опутать ихъ акціями, товариществами и разными спекуляціями. Государь! въ мірѣ ничего нѣтъ новаго, только развѣ то ново, что забыли, а къ несчастію люди, которымъ ввѣряется составленіе узаконеній, не знаютъ ни этой истины, ни Россіи, ни того, что дѣлалось на землѣ Русской. У насъ было подобное учрежденіе. Петръ Великій, установя фискаловъ, думалъ остановить неправосудіе и похищеніе казенной собственности, но вышло напротивъ: они, какъ сказано въ представленіи объ ихъ уничтоженіи, соединились съ безсовѣстными людьмы и неправыми судьями и увеличили зло до безмѣрности **).

---

*) Кутузовъ въ своей запискѣ не охватываетъ всѣхъ сторонъ государственной жизни, а объ общественной и совсѣмъ умалчиваетъ. Опускаемъ изложеніе его о непорядкахъ въ министерствѣ Путей сообщенія и Военномъ и передаемъ далѣе только заключительную часть записки.

**) Въ концѣ запискѣ Кутузовъ распространяется о такихъ несущественныхъ причинахъ государственнаго разстройства, какъ безмѣрность и неразборчивость въ наградахъ, невнимательность при назначеніи на должности, о вредномъ вліяніи поляковъ на тайную полицію (стр. 529—531).

V.

Взгляды императора Николая I на службу и обязанности, судъ и адвокатуру *).

Я имѣлъ счастіе сдѣлаться лично извѣстнымъ императору Николаю I по законодательнымъ работамъ во II отдѣленіи собственной Его канцеляріи, на которыя онъ обращалъ въ первое время такое заботливое вниманіе, что ему подавались еженедѣльно подробныя вѣдомости о занятіяхъ каждаго изъ чиновниковъ отдѣленія поименно. Бывъ пожалованъ за сіи работы въ одинъ и тотъ же день въ коллежскіе совѣтники, въ званіе камергера и значительнымъ денежнымъ вознагражденіемъ, я впервые представлялся его величеству на Елагиномъ острову въ іюлѣ 1827 года и могу сказать, что съ самой этой минуты, при каждомъ свиданіи, при каждомъ случаѣ къ наградѣ, государь не переставалъ осыпать меня милостями и ласками, а позже счастливить меня и частыми знаками высокаго особаго довѣрія. Въ длинный рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ его царствованія, состоявъ съ 1831 года управляющимъ дѣлами Комитета министровъ и съ 1834 года государственнымъ секретаремъ, слѣдственно въ должностяхъ самыхъ приближенныхъ къ особѣ монарха, я только одинъ разъ имѣлъ несчастіе подпасть его гнѣву, и вотъ по какому случаю:

Въ первыхъ дняхъ мая 1838 года государь предполагалъ отправиться за границу, а между тѣмъ 22-го апрѣля окончено было въ Государственномъ совѣтѣ разсмотрѣніе огромнаго проекта учрежденій мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, внесеннаго министромъ (тогда еще не графомъ) Киселевымъ. Какъ при поступленіи этого дѣла, а именно 25-го марта, предсѣдатель графъ Новосильцевъ объявилъ мнѣ высочайшую волю о разсмотрѣніи его въ Совѣтѣ сколь можно поспѣшнѣе, то оно и было окончено, при всей его обширности, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, и всѣ эти обстоятельства, представляя 26-го апрѣля государю проектъ, я изложилъ въ приложенной отъ меня докладной запискѣ. Но вмѣсто ожидаемаго изъявленія удовольствія за такую быстроту, на другой день возвратилась отъ государя одна моя докладная записка, съ слѣдующею собственноручною его надписью: «вы

---

*) Для характеристики имп. Николая въ указанномъ отношеніи мы приводимъ свѣдѣнія, сообщаемыя бар. Корфомъ и Н. М. Колмаковымъ. Баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ занималъ высшія правительственныя должности при Николаѣ: съ 1831 г. управлялъ дѣлами Комитета министровъ, съ 1834 г. былъ государственнымъ секретаремъ и затѣмъ, членомъ Госуд. совѣта, съ 1849 по 1861 г. занималъ должность директора Императорской публичной библіотеки. Въ истор. наукѣ извѣстенъ, какъ біографъ Сперанскаго и составитель книгъ „14 декабря 1825 г.“ и „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ“ (въ Сборн. Имп. русск. истор. общ. т. 98). Обладавшій солиднымъ образованіемъ, способностью талантливаго, увлекательнаго изложенія, современникъ и очевидецъ событій, бар. Корфъ оставилъ интереснѣйшія записки, напечат. въ Русск. Стар. за 1899 г.—Весьма много также цѣнныхъ фактическихъ свѣдѣній содержится въ очеркахъ и воспоминаніяхъ Н. М. Колмакова подъ заглавіемъ „Старый судъ“ (Русск. Стар. 1886 г. т. 52, 511 и сл.).

забыли, кажется, что я привыкъ читать, а не просматривать присылаемыя бумаги, и для того приказалъ, чтобъ всѣ вѣдомства прислали мнѣ всѣ важныя бумаги не позже 15-го апрѣля, дабы успѣть прочесть; вамъ слѣдовало тоже исполнить, ежели же сего невозможно было, то испросить повелѣніе, что дѣлать съ симъ положеніемъ, когда оно будетъ готово: ибо мнѣ нѣтъ никакой возможности его читать, за близкимъ отъѣздомъ»...

За всѣмъ тѣмъ это дѣло, начавшееся такъ для меня худо, хотя и безъ моей вины, должно было окончиться еще хуже, и на этотъ разъ, къ несчастію, уже по моей винѣ.

Упомянутый выше проектъ, или, лучше сказать, цѣлое собраніе проектовъ, содержалъ въ себѣ около 800 листовъ, и не видя, при страшной поспѣшности, никакого средства переписать ихъ, по сдѣланнымъ со стороны Совѣта поправкамъ и перемѣнамъ, въ маленькой государственной канцеляріи, я просилъ Киселева возложить это на многочисленныхъ его чиновниковъ, но съ тѣмъ, чтобы они приняли уже на себя и всю отвѣтственность за вѣрность переписки; ибо даже и перечитать и провѣрить всѣ эти огромные фоліанты мнѣ, среди множества другихъ тоже спѣшныхъ занятій, не было никакой возможности. Киселевъ обѣщалъ исполнить это со всею точностію, а правителю его канцеляріи, при отдачѣ ему бумагъ, я повторилъ еще разъ, что вѣрность переписки обратится на личную и непосредственную его отвѣтственность. Такимъ образомъ, будучи успокоенъ въ этомъ отношеніи и получивъ переписанные проекты обратно лишь за два дня до поднесенія ихъ государю, когда нельзя уже было и помышлять о какой нибудь повѣркѣ съ моей стороны, я отправилъ ихъ не читавши. Но государь, еще до своего отъѣзда, успѣлъ прочесть все и высылалъ мнѣ тетради постепенно, съ собственноручными поправками замѣченныхъ описокъ, которыхъ было не мало; наконецъ 1-мая, наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, онъ возвратилъ мнѣ и послѣднюю тетрадь, съ надписью: «Много описокъ: кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту».

Что было мнѣ дѣлать по этой резолюціи, мнѣ, который, въ званіи государственнаго секретаря, отвѣтственнаго за все, что происходитъ и дѣлается въ канцеляріи Совѣта, хотя бы и другими, чувствовалъ и сознавалъ вполнѣ свою вину въ этомъ случаѣ. Я поѣхалъ къ графу Васильчикову, только за три недѣли передъ тѣмъ, по смерти Новосильцева, назначенному предсѣдателемъ Совѣта: объяснилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ довести до свѣдѣнія государя, что въ государственной канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никого виновнаго кромѣ одного меня; почему я и ожидаю дальнѣйшихъ повелѣній его величества на мой счетъ. Графъ въ ту же минуту самъ отправился къ государю и вотъ что потомъ мнѣ передалъ:

Государь крайне разгнѣванъ. Онъ не хотѣлъ принять никакихъ оправданій спѣшностью дѣла и множествомъ другихъ проектовъ, также важныхъ, которые были поднесены ему на этой же недѣлѣ, и гдѣ не нашлось ни одной описки.

— Если Корфъ,—сказалъ онъ,—не успѣлъ приготовить и прочесть бумагъ какъ слѣдовало, то долженъ былъ мнѣ донести, и я далъ бы ему отсрочку, а въ такомъ видѣ бумагъ мнѣ не представляютъ. Я люблю Корфа безъ души и самъ его вывелъ, съ нимъ никогда этого не случалось, а видно онъ теперь подумалъ, что, за скорымъ отъѣздомъ, я только погляжу бумаги и не стану ихъ читать. Я доказалъ

ему противное. Но именно потому, что этого никогда съ нимъ не случалось, надо принять мѣры, чтобъ это было и въ первый и въ послѣдній разъ [1])...

* * *

Тутъ [2]) государь удивилъ меня своимъ знакомствомъ съ личнымъ составомъ государственной канцеляріи. Спрашивая порознь о каждомъ изъ высшихъ ея чиновниковъ, онъ называлъ ихъ по фамиліямъ и входилъ въ подробности объ ихъ способностяхъ, свѣдѣніяхъ и надежности. Я отвѣчалъ, отдавая каждому заслуженную справедливость.

— У тебя такой нашёвъ, какой я рѣдко слышу отъ другихъ; каждый какъ бы похвалить себя, а другихъ по-ниже. Но полно: я знаю, что все это и держится и идетъ тобою, и очень боюсь твоего отсутствія, а между тѣмъ еще разъ благодарю за то, что ты такъ поднялъ и областную канцелярію. Мы съ тобою еще не сосчитались!

Когда, между прочими отзывами насчетъ чиновниковъ, я въ особенности рекомендовалъ Башуцкаго (правившаго тогда должность статсъ-секретаря въ гражданскомъ департаментѣ, послѣ сенатора) за благородство правилъ и высокое безкорыстіе, государь возвразилъ:

— Сначала, я никакъ не могъ вразумить себя, чтобы можно было хвалить кого нибудь за честность, и меня всегда взрывало, когда ставили это кому въ заслугу; но послѣ пришлось, по неволѣ, свыкнуться съ этою мыслію. Горько подумать, что у насъ бываетъ еще противное, когда и я, и всѣ мы, употребляемъ столько усилій, чтобы искоренить это зло!

— Государь,—отвѣтилъ я,—въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Россія, въ ваше царствованіе, все таки далеко ушла противъ прежняго. Служивъ около десяти лѣтъ при императорѣ Александрѣ, я могу судить по сравненію. Теперь хоть въ высшихъ по крайней мѣрѣ степеняхъ, все чисто, какъ ваши намѣренія, и если кто изъ насъ когда грѣшитъ, то по ошибкѣ, а конечно уже не по злой волѣ [3]).

— О васъ и я такъ думаю. Но что еще дѣлается внизу, что въ серединѣ! Мнѣ точно надо еще хвалить за безкорыстіе и вмѣнять въ достоинство то, что слѣдовало бы считать только за отсутствіе зла. Но объ этомъ можно бы толковать еще цѣлый часъ, а я и такъ замучилъ тебя, полубольного, этимъ длиннымъ разговоромъ [4])...

* * *

---

[1]) Назначенное за неаккуратность государственному секретарю наказаніе было замѣнено приказаніемъ сдѣлать ему выговоръ въ засѣданіи Государственнаго совѣта, а затѣмъ и совсѣмъ отмѣнено по ходатайству вновь назначеннаго предсѣд. гос. Сов. гр. Васильчикова и просьбѣ Киселева. Jbid. 537—539.

[2]) Нѣсколько ранѣе только что изложеннаго инцидента, въ февралѣ 1837 г., при отпускѣ бар. Корфа, по случаю болѣзни, за границу.

[3]) См. по этому поводу факты, приводимые нами ниже и сообщаемые тѣмъ же бар. Корфомъ,—о дѣлѣ Гежелинскаго въ Комитетѣ министровъ и объ управленіи и судѣ въ Петербургѣ въ 1842 г.

[4]) Приведенныя выше замѣтки заимствованы изъ Записокъ барона М. А. Корфа. Русск. Стар. 1899 г. іюнь. 534—535, 536—537, 528—529.

Думали сначала [1]), чтобы водворить правосудіе въ государствѣ и порядокъ въ оном̀ъ, стоитъ только сократить переписку и преобразовать полицію по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ. Первымъ дѣломъ, по особому высочайшему повелѣнію, занялось министерство юстиціи, а вторымъ—министерство внутреннихъ дѣлъ.

Съ цѣлію имѣть матеріалы для перваго предмета, министерство юстиціи затребовало подробныя свѣдѣнія и соображенія отъ всѣхъ прокуроровъ, предсѣдателей палатъ и товарищей ихъ, а равно и другихъ лицъ о томъ,—въ чемъ именно нужно сократить переписку и по какимъ предметамъ.

Циркуляръ министра юстиціи съ такимъ предписаніемъ полетѣлъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи. Засимъ въ министерство начали отъ этихъ лицъ поступать болѣе или менѣе подробныя соображенія по этому предмету. Дѣло разрослось до громадныхъ размѣровъ. Въ министерствѣ юстиціи цѣлые шкафы заняты были бумагами по сему дѣлу; о движеніи его показывалось, между прочимъ, и въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ ежемѣсячно государю императору.

О судьбѣ этого дѣла разскажу кратко:

Императоръ Николай Павловичъ, въ началѣ 1850 годовъ, не видя конца дѣла о сокращеніи переписки, поручилъ князю П. П. Гагарину написать, безъ замедленія, какія именно нужно сдѣлать сокращенія, чтобы умалить вообще переписку по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, не исключая и Сената.

Во исполненіе сего князь П. П. Гагаринъ, не обративъ никакого вниманія на означенное дѣло и заключающіяся въ немъ болѣе или менѣе дѣловыя указанія на необходимость измѣненія и судоустройства, и судопроизводства, составилъ весьма быстро разныя краткія правила относительно только предположенія сокращенія переписки и не болѣе того...

Въ результатѣ оказалось, что судопроизводство отъ сего сокращенія ни мало не измѣнилось: бывшее запустѣніе и безтолочь въ судахъ остались прежнія.

Полиція также по своимъ уставамъ, безъ избавленія ея отъ производства слѣдствій и устраненія ея отъ разбора дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ, не измѣняла своего положенія. Она была безобразна до-нельзя. Однимъ словомъ, судъ и полиція шли параллельно, блистая, если можно такъ выразиться, своимъ неустройствомъ.

О разныхъ курьезахъ по судейскимъ дѣламъ мы разскажемъ еще впослѣдствіи, а теперь объяснимъ, что всѣ упомянутыя мысли не суть слова пишущаго эти строки, напротивъ того, онѣ были выражены самимъ приснопамятнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ по слѣдующему случаю.

Въ 1849 году признано было необходимымъ произвести сенаторскую ревизію Калужской губерніи, для каковой цѣли назначенъ сенаторъ князь Давыдовъ, а при немъ, въ качествѣ старшаго чиновника, опредѣленъ былъ я, пишущій эти строки.

Предъ отъѣздомъ въ Калугу князь Давыдовъ представлялся императору Николаю Павловичу.

---

[1]) Въ правительственныхъ сферахъ въ началѣ 50-хъ гг. XIX ст., „Старый судъ“ Н. М. Колмаковъ (Русск. Стар. 1886 г. т. 52, 517—520, 534—536).

— «Поѣзжай, сказалъ ему государь, знаю напередъ, что хорошаго ты тамъ мало найдешь. Суды въ безпорядкѣ. Полиція не лучше. Проекты о ней въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не двигаются впередъ. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а раззоряютъ. О нихъ я тщетно стараюсь много лѣтъ. Но главное, продолжалъ государь,—обрати ты вниманіе на то, почему въ Калужской губерніи, гдѣ нѣкогда, какъ мнѣ извѣстно, процвѣтали полотняные заводы, снабжавшіе своими издѣліями даже Америку, пали. Какъ объяснить это, и нельзя ли это поправить?»

Слова сіи, по окончаніи аудіенціи, записаны были сенаторомъ и переданы имъ потомъ мнѣ.

Желаніе государя было исполнено и обстоятельныя донесенія представлены, по окончаніи ревизіи, куда слѣдуетъ.

Въ отношеніи неудовлетворительнаго состоянія судебныхъ мѣстъ, полиціи и дворянскихъ опекъ, слова государя по ревизіи вполнѣ подтвердились.

* * *

Въ г. Москвѣ, въ царствованіе императора Николая Павловича, былъ генералъ-губернаторомъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

Князь этотъ почасту пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ жила его мать, княгиня Наталья Петровна Голицына, сестры: графиня Софія Владиміровна Строганова, владѣтельница дома у Полицейскаго моста, и Екатерина Владиміровна Апраксина. Вотъ въ одинъ изъ такихъ его пріѣздовъ къ сестрѣ, Софіи Владиміровнѣ,—въ домѣ и семействѣ которой я жилъ, я слышалъ отъ него слѣдующій разсказъ.

— «Вскорѣ послѣ моего назначенія въ Москву, говорилъ князь, ко мнѣ принесли массу протоколовъ тамошней уголовной палаты для утвержденія.

Въ этихъ протоколахъ опредѣлялась торговая казнь чрезъ палачей на площадяхъ. Таковые протоколы, по существовавшимъ правиламъ, не прежде приводились въ исполненіе, какъ по утвержденіи оныхъ генералъ-губернаторомъ.

Выслушавъ объясненія докладчика объ этихъ протоколахъ, продолжалъ князь, я спросилъ его, съ какой стати мнѣ, лицу, облеченному только высшею административною, а не судебною властію, безъ всякаго убѣжденія о томъ, правильны ли рѣшенія палаты или нѣтъ, приходится утверждать эти кровавые протоколы?

Само собою разумѣется, докладчикъ указывалъ на законы, но я, сказалъ князь, остался при своемъ и протоколовъ не подписалъ.

Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія государя, и вотъ, при одномъ моемъ представленіи ему, онъ меня спросилъ: что это значитъ?

Я объяснилъ, что въ виду отсутствія защиты о винѣ подсудимаго, при моихъ обязанностяхъ, по званію генералъ-губернатора, мнѣ невозможно обсудить правильность рѣшенія палаты, а потому просилъ устранить меня отъ подписи и утвержденія тѣхъ протоколовъ.

— «У тебя есть прокуроры и стряпчіе, возразилъ государь, чтобы судить о правильности рѣшенія».

— Нѣтъ, государь, позволилъ я себѣ сказать, прокуроры и стряпчіе не защитники, а преслѣдователи,—тутъ нужны адвокаты.

Государь, при словѣ адвокаты, видимо нахмурился и сказалъ: «Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому не удивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто, продолжалъ государь говорить громко, кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ, князь, заключилъ государь, пока я буду царствовать,—Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю».

Чѣмъ кончилась участь протоколовъ московской уголовной палаты, — не знаемъ, но слова и разсказъ свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына у меня сохранились свѣжо въ памяти.

VI.

Графъ Бенкендорфъ—первый шефъ жандармовъ [1]).

11-го сентября 1844 года умеръ на пароходѣ, на высотѣ острова Даго, при возвратномъ переѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Эстляндскую свою мызу Фалль, генералъ-адъютантъ графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Смерть его въ эту эпоху была окончательнымъ закатомъ давно уже померкшаго за облаками солнца!..

Потомокъ древней эстляндской фамиліи, самъ заслуженный генералъ-аншефъ, отецъ Александра Христофоровича былъ женатъ на баронессѣ Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, въ которой покойная императрица Марія Оедоровна принимала какое-то старинное фамильное участіе. Молодой Бенкендорфъ, вступивъ въ 1798 году юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ томъ же году, еще 14-ти лѣтъ отъ роду былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Дальнѣйшая карьера его была довольно обыкновенна, и если блестящія внѣшнія формы доставляли ему иногда командировки къ разнымъ иностраннымъ дворамъ, то, однако же, больше этого онъ не употреблялся ни на что самостоятельное на службѣ. На военномъ собственно поприщѣ, онъ, какъ отличный кавалеристъ, дѣйствовалъ преимущественно въ аванпостныхъ дѣлахъ; но подвиги его, кромѣ доказательствъ большой личной храбрости, также не представляютъ ничего историческаго. Въ 1819 году Александръ I назначилъ его начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса,—постъ, который онъ удержалъ за собою недолго. Уже черезъ два года его перевели начальникомъ 1-й кирасирской дивизіи, и въ этомъ званіи засталъ его, при вступленіи на престолъ, императоръ Николай. Съ сей собственно поры начинается блестящая и самобытная карьера Бенкендорфа. 25-го іюня 1826 года онъ вдругъ возведенъ былъ въ званіе шефа жандармовъ, командующаго императорскою главною квартирою и главнаго начальника учрежденнаго въ то время III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, т. е. поставленъ во главѣ тайной полиціи и вмѣстѣ на степень приближеннѣйшаго къ императору лица. Ни это важное назначеніе, ни всѣ милости, которыми государь постоянно его

---

[1]) Изъ записокъ бар. М. А. Корфа, Русск. Стар. 1899 г. декабрь, 484—488.

взыскивалъ (пожалованіе графскаго титула, всѣхъ высшихъ орденовъ и значительныхъ денежныхъ суммъ), не могли сдѣлать изъ благороднаго и достойнаго, но обыкновеннаго человѣка — генія. Въ изданныхъ за границею въ 1842 году впечатлѣніяхъ какого-то французскаго туриста былъ помѣщенъ слѣдующій портретъ Бенкендорфа, который я тогда же для себя перевелъ:

«Черты графа Бенкендорфа носятъ на себя отпечатокъ истиннаго добросердечія и самой благородной души. Въ занимаемой имъ высокой должности, гдѣ въ однѣхъ его рукахъ лежитъ рѣшеніе вопросовъ, покрытыхъ величайшею тайною, характеръ его представляетъ лучшее ручательство для всякаго, кого судьба ставитъ въ соотношеніе съ нимъ. Зато его вообще гораздо больше любятъ, чѣмъ боятся. Пять лѣтъ тому назадъ, во время вынесенной имъ опасной болѣзни, домъ его непрерывно былъ наполненъ людьми всѣхъ состояній, которые, съ живымъ участіемъ и безпокойствомъ, стекались отовсюду навѣдываться о его положеніи. Императоръ посѣщалъ тогда графа ежедневно. Въ одно изъ такихъ свиданій, когда опасность была на высшей степени, императоръ съ глубокимъ умиленіемъ пожималъ ему руку.

— Государь,—сказалъ больной,—я могу умереть спокойно: эта толпа, которая ждетъ и спрашиваетъ извѣстій обо мнѣ, будетъ моею предстательницею; въ ней—сознаніе моей совѣсти!

«Графъ имѣетъ наружность совершенно нѣмецкую; ловкій и предупредительный съ дамами, онъ вмѣстѣ и дѣловой и свѣтскій человѣкъ».

Впослѣдствіи, по кончинѣ уже графа, некрологическая статья о немъ въ нашихъ газетахъ начиналась слѣдующими словами: «Въ лицѣ его, государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги, отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника!» Все это, т. е. и чужія и свои вѣсти, отчасти справедливы, но именно только отчасти. Вмѣсто героя прямоты и праводушія, какимъ представленъ здѣсь Бенкендорфъ, онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на-ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ знаніямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностію, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ, и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ Комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересовать его лично [1]). Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, въ которомъ при-

---

[1]) Считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что отношенія ко мнѣ графа были всегда самыя пріязненныя, и между нами не случалось ни одной непріятности: слѣдственно, въ этомъ очеркѣ его портрета я руководствуюсь не какимъ-либо предубѣжденіемъ противъ него, а однимъ голосомъ истины, можетъ быть даже еще съ нѣкоторымъ послабленіемъ въ его пользу. *(Прим. бар. Корфа)*.

сутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица совсѣмъ тутъ и не было.

Однажды въ Государственномъ совѣтѣ министръ юстиціи графъ Панинъ произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ:

Sacré Dieu, voilá ce que j'appelle parler [1])!

— Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говоритъ—противъ тебя!

— Въ самомъ дѣлѣ? — отвѣчалъ Бенкендорфъ, который тутъ только понялъ, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе.

Черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ:

«A prêsent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empèreur» [2]), и—оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ по ихъ усмотрѣнію.

Подобные анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію. Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его и его подпись на русскихъ бумагахъ, въ которой онъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни—пересталъ, вѣроятно по добросовѣстному намеку какого-либо приближеннаго, писаться «покорнѣйшей слуга».

Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченною такою огромною властью, занималъ онъ, съ парализировавшею ее апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться. Имя его, правда, стояло всегда во главѣ всѣхъ промышленныхъ и спекулятивныхъ предпріятій той же эпохи; онъ былъ директоромъ всѣхъ возможныхъ акціонерныхъ компаній и учредителемъ многихъ изъ нихъ; но все это дѣлалось не по влеченію къ славѣ, не по одному желанію общаго добра, а болѣе отъ того, что всѣ спекуляторы, всѣ общества сами обращались преимущественно къ графу для пріобрѣтенія себѣ въ немъ сильнаго покровителя. Въ жизни своей онъ много разъ значительно обогащался, потомъ опять расточалъ все пріобрѣтенное и, при концѣ дней, оставилъ дѣла свои въ самомъ жалкомъ положеніи.

---

[1]) Чортъ возьми! Вотъ такъ рѣчь!

[2]) Теперь прощай, мнѣ пора идти къ императору.

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что лѣтъ двѣнадцать, или болѣе, графъ Бенкендорфъ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе любимыхъ императоромъ Николаемъ, не только по привычкѣ, но и по уваженію въ немъ, при всѣхъ слабостяхъ, чувствъ неограниченно преданнаго, истиннаго джентльмена, кроткаго и ровнаго характера, всегда искавшаго болѣе умягчить, нежели раздражать пылъ своего монарха. Справедливо и то, что, во время болѣзни его въ 1837 году, императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ. Въ упомянутой выше некрологической статьѣ нашихъ газетъ, напечатанной, разумѣется, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, сказано, что въ одно изъ такихъ посѣщеній государь произнесъ передъ окружавшими его слѣдующія достопамятныя слова: «Въ теченіе 11-ти лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ».

Справедливо, наконецъ, и то, что въ эту болѣзнь лица всѣхъ сословій толпились въ его домѣ и вокругъ него, и если бы Бенкендорфъ умеръ въ это время, то смерть его была бы народнымъ событіемъ: до такой степени онъ пользовался тогда общею популярностью, благодаря своему добродушію и тому, что на его постѣ не дѣлать зла, значило уже дѣлать добро. Но съ тѣхъ поръ онъ пережилъ себя. Нѣсколько самоуправныхъ дѣйствій, въ которыя Бенкендорфъ былъ вовлеченъ своими подчиненными, и которыми онъ компрометировалъ отчасти самого государя, сильно поколебали прежнюю довѣренность, и царская къ нему милость стала постепенно охлаждаться, даже переходить почти въ равнодушіе, прикрытое, впрочемъ, до конца внѣшними формами прежней пріязни. Съ тѣмъ вмѣстѣ стала угасать и популярность Бенкендорфа, и въ городѣ гласно заговорили, что онъ очень нетвердъ на своемъ мѣстѣ, что ему худо при дворѣ, что ему выбранъ уже преемникъ и проч. При всемъ томъ, когда въ апрѣлѣ 1844 года, изнуренный новою жестокою болѣзнью, онъ отправился на заграничныя воды, государь въ щедрости своей пожаловалъ ему на эту поѣздку 500.000 р. сер. Но дѣла его были такъ разстроены, что онъ повезъ съ собою едва 5.000 р., а прочее принужденъ былъ оставить въ Петербургѣ для покрытія по крайней мѣрѣ самыхъ вопіющихъ долговъ.

VII.

Задачи и организація Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи *).

«Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе; государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными. Число послѣднихъ возросло до ужасающей степени съ тѣхъ поръ, какъ мно-

*) Указами 25 іюня и 3 іюля 1826 г. было учреждено Третье Отдѣленіе. Приводимъ объясненіе его происхожденія, которое даетъ самъ ген. Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ. (Шильдеръ, Императоръ Николай I, т. I, стр. 465—466).

жество французскихъ искателей приключеній, овладѣвъ у насъ воспитаніемъ юношества, занесли въ Россію революціонныя начала своего отечества, и еще болѣе со времени послѣдней войны (1812—1814 г.), черезъ сближеніе нашихъ молодыхъ офицеровъ съ либералами тѣхъ странъ Европы, куда заводили насъ наши побѣды. Никогда не думавъ готовиться къ этому роду службы, я имѣлъ о немъ лишь самое поверхностное понятіе, но благородныя и благодѣтельныя побужденія, давшія поводъ къ этому учрежденію, и желаніе быть полезнымъ новому нашему государю не позволили мнѣ уклониться отъ принятія образованной имъ должности, къ которой призывало меня высокое его довѣріе.

«Рѣшено было учредить подъ моимъ начальствомъ корпусъ жандармовъ. Всю имперію раздѣлили въ семъ отношеніи на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу, и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта. Учрежденное въ то же время Третье Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей секретной полиціи, которая, въ лицѣ тайныхъ агентовъ, должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ. Государь, чтобы сдѣлать эту должность болѣе пріятною въ моихъ глазахъ, благоволилъ присоединить къ ней и званіе командующаго своей главной квартиры.

«Я неотложно приступилъ къ дѣлу, и Богъ помогъ мнѣ исполнить новыя мои обязанности къ удовольствію государя и не возставивъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Мнѣ удалось дѣлать добро, оказывать многимъ одолженія, открыть много злоупотребленій и, въ особенности, предупредить и отвратить много зла».

Инструкція агентамъ Третьяго Отдѣленія [1]).

«Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

«1. Обратить особенное ваше вниманіе на могущія произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

«2. Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

«3. Прежде, нежели приступить къ обнаруженію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ вла-

---

[1]) Данная ген. Бенкендорфомъ своимъ подчиненнымъ. (Шильдеръ, Императоръ Николай I, 468—469).

стей или судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлью вашей должности должно быть, прежде всего, предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла; напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и вывести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

«4. Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила, несомнѣнно, должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго гражданина неменно поставить подъ высочайшую защиту государя императора.

«Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества.

«На таковомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу всѣхъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

«5. Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе снискать пропитаніе однимъ жалованіемъ, о таковыхъ имѣете доставлять мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества: отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

«Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительности дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани и чего даже помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

«Впрочемъ, нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей».

VIII.

Графъ Орловъ, генералъ Дуббельтъ и графъ Клейнмихель *).

«Когда говорятъ о Россіи, то при этомъ говорятъ объ императорѣ Николаѣ». Такъ писалъ въ свое время князь Меттернихъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ графу Фикельмонту, и такъ какъ эти слова вполнѣ справедливы, то, приступая къ описанію лицъ, стоявшихъ у власти въ Россіи, слѣдовало бы начать съ характеристики ея монарха. Но подобная характеристика не входитъ въ рамки и цѣли предстоящаго очерка. Вполнѣ справедливое и безпристрастное сужденіе о правительствѣ Николая I можетъ быть высказано только исторіей... Авторъ настоящей записки не имѣетъ претензіи сказать послѣднее слово о правленіи нынѣ царствующаго въ Россіи монарха, но ему придется неоднократно возвращаться къ нему, дѣлая характеристику тѣхъ лицъ, которыя являлись исполнителями его воли и орудіемъ его администраціи и политики. Ибо таковыми только являются всѣ государственные сановники въ глазахъ этого монарха, который охотно принимаетъ совѣты тогда, когда онъ ихъ спрашиваетъ, но который по своему характеру почти недоступенъ постороннему вліянію. Обладая огромной и несомнѣнной энергіей, императоръ Николай до такой степени преисполненъ сознаніемъ своей власти, что ему трудно представить себѣ, чтобы какіе бы то ни было люди или событія могли оказать ему сопротивленіе. Быть приближеннымъ къ такому монарху равносильно необходимости отказаться, до извѣстной степени, отъ своей собственной личности, отъ своего я, и усвоить себѣ извѣстный обликъ. Сообразно съ этимъ въ высшихъ сановникахъ русскаго монарха можно наблюдать только различныя степени проявленія покорности и услужливости...

Помимо оффиціальной дипломатіи, руководимой графомъ Нессельроде, существуетъ еще тайная политическая администрація, въ которой служатъ особые агенты, главное назначеніе которой составляетъ наблюденіе; но это управленіе имѣетъ нерѣдко рѣшающее значеніе въ самыхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ.

Графъ Алексѣй Оедоровичъ Орловъ смѣнилъ графа Бенкендорфа въ управленіи обширнымъ вѣдомствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ корпуса жандармовъ, которое представляетъ собою настоящее министерство полиціи. Оно состоитъ изъ жандармскихъ офицеровъ, разсѣянныхъ по всей Имперіи, которые наблюдаютъ за внутреннимъ управленіемъ и независимы отъ его органовъ. Но кромѣ того къ нему принадлежитъ значительное число агентовъ тайной полиціи, живущихъ въ Россіи и за границей и подчиненныхъ непосредственно графу Орлову. При посредствѣ этихъ лицъ, Орлову извѣстны самыя сокровенныя тайны отдѣльныхъ лицъ и семействъ, и ему приходится, на основаніи доставляемыхъ ими свѣдѣній, исполнять весьма нелегкія и

---

*) Изъ ст. „Императоръ Николай I и его сподвижники. Воспоминанія гр. Оттона де-Брэ, 1849—1852 г.“ (Русск. Стар. 1902 г. январь, 122—123, 127—128, 133—134).

Гр. О. де-Брэ въ теченіе долгихъ лѣтъ (1833—1862 гг.) съ нѣкоторыми перерывами былъ дипломатическимъ представителемъ Баварскаго королевства въ Россіи. Составленіе имъ вышеназванной записки относится къ 1852 г.

щекотливыя порученія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ угрожать нѣкоторымъ лицамъ бѣдствіемъ или предохранить ихъ отъ таковыхъ. О предшественникѣ Орлова, Бенкендорфѣ, во многихъ семействахъ вспоминаютъ до сихъ поръ съ уваженіемъ, тогда какъ вступленіе въ эту должность Орлова возбудило во многихъ не оправдавшіяся, впрочемъ, со временемъ опасенія. Во всякомъ случаѣ, въ характерѣ этихъ двухъ лицъ существуетъ большая разница. Энергія и честность болѣе присущи нынѣшнему начальнику тайной полиціи, нежели терпѣніе и кротость.

Императоръ называетъ графа Орлова своимъ другомъ, относится къ нему, какъ къ таковому, и сообщаетъ ему самыя сокровенныя свои намѣренія, коихъ графъ является вмѣстѣ съ тѣмъ исполнителемъ. Хотя Орловъ дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ съ большою ловкостью и ему сопутствуетъ удача, но все же онъ,—скорѣе хорошій исполнитель, нежели совѣтникъ, и, какъ исполнитель, оказалъ своему монарху самыя важныя услуги.

Благодаря его энергичному образу дѣйствій, былъ подавленъ въ самомъ зародышѣ вспыхнувшій въ 1831 году бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ... Дипломатическій успѣхъ, достигнутый имъ въ Константинополѣ, и ункіаръ-скелесскій договоръ, заключенный имъ въ 1832 году, ждутъ еще приговора исторіи. Къ отличительнымъ свойствамъ его характера принадлежитъ лѣнь, которая заставляетъ его избѣгать важныхъ порученій, а не искать ихъ. Орловъ любитъ держаться въ сторонѣ и появляется только тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Какъ человѣкъ тактичный, онъ рѣдко пользуется своей привилегіей говорить съ императоромъ свободно и откровенно, прибѣгая къ этому только въ случаѣ настоятельной необходимости, но когда осторожность того требуетъ. Онъ умѣетъ жертвовать откровенностью требованіямъ своего положенія или того дѣла, которому онъ служитъ. Текущими дѣлами вѣдомства, коимъ управляетъ Орловъ, завѣдуетъ генералъ Дуббельтъ, хорошо знакомый съ дѣлами, коими онъ руководилъ почти самостоятельно въ послѣдніе годы управленія III отдѣленіемъ Бенкендорфомъ. Положеніе генерала Дуббельта, всѣми нелюбимаго, по причинамъ, тѣсно связаннымъ съ его служебными обязанностями, считалось весьма ненадежнымъ во время вступленія въ должность А. О. Орлова; полагали даже, что онъ долго не удержится.

Но Орловъ, по свойственной ему лѣни и нелюбви къ труду, болѣе чѣмъ кто-либо, нуждался въ помощникѣ, который отличается ловкостью, дѣятельностью и знаніемъ дѣла. Поэтому Дуббельтъ не утратилъ своего прежняго вліянія. Генералъ-адъютантъ и графъ съ 1825 года, А. О. Орловъ исполняетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ главныхъ своихъ служебныхъ обязанностей, должность начальника императорской главной квартиры и разныя другія почетныя должности.

Вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій управляетъ генералъ-адъютантъ, графъ Клейнмихель. Отецъ графа былъ въ царствованіе Фридриха Великаго простымъ гусаромъ, затѣмъ поступилъ въ служеніе къ русскому генералу Апраксину, былъ зачисленъ въ Воронежскій гусарскій полкъ и позднѣе въ Гатчинскій отрядъ великаго князя Павла Петровича. Отличаясь искусствомъ фехтованія и точнымъ знакомствомъ съ прусскимъ регламентомъ, онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе великаго князя съ такой выгодной стороны, что быстро подвинулся по службѣ и при вступленіи Павла I на престолъ былъ уже маіоромъ гатчинскихъ

войскъ и, какъ таковой, получилъ въ подарокъ тысячу душъ крестьянъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ уже былъ генераломъ, а нѣсколько времени спустя—директоромъ кадетскаго корпуса. Своему сыну, принятому въ этотъ корпусъ, онъ далъ чисто-военное образованіе, въ которомъ основательность познаній и ученость не играли никакой роли, а главное мѣсто занимали послушаніе, пунктуальность и дѣятельность. Этими качествами молодой Клейнмихель съумѣлъ обратить на себя вниманіе всесильнаго въ послѣдніе годы царствованія Александра I графа Аракчеева. который приблизилъ его къ себѣ. Клейнмихель, въ то время уже генералъ-маіоръ. былъ назначенъ начальникомъ штаба военныхъ поселеній. Императоръ Николай оцѣнилъ въ немъ человѣка, отличавшагося неутомимой дѣятельностью, горячимъ рвеніемъ къ службѣ и поручилъ ему завѣдываніе работами по постройкѣ сгорѣвшаго Зимняго дворца. Поразительная быстрота, съ какою была окончена эта постройка, въ теченіе одного года, доставила генералу титулъ графа и нѣсколько времени спустя министерскій портфель. Графъ Клейнмихель остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по природнымъ способностямъ и воспитанію. Дѣятельный, безпощадный и неумолимый въ выборѣ средствъ, онъ не признаетъ трудностей и какъ будто хочетъ доказать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ относится къ людямъ, какъ къ орудіямъ и машинамъ, не зная состраданія. Имѣя въ своемъ распоряженіи огромныя суммы и неограниченную власть, Клейнмихель возвелъ, во исполненіе императорскихъ приказаній, большія и полезныя зданія. Его ненавидятъ и презираютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно было бы достигнуть тѣхъ же результатовъ, дѣйствуя съ большею кротостью и меньшей поспѣшностью, не истощая средствъ казны. не разоряя подрядчиковъ и не жертвуя множествомъ человѣческихъ жизней.

IX.

Апологія Л. В. Дуббельта въ защиту отечественныхъ устоевъ *).

Первая обязанность честнаго человѣка есть: любить выше всего свое отечество и быть самымъ вѣрнымъ подданнымъ и слугою своего государя.

Сыновья мои! помните это! Меня не будетъ, но изъ лучшей жизни я буду видѣть, такіе ли вы русскіе, какими быть должны.—Не заражайтесь безсмысліемъ запада,—это гадкая, помойная яма, отъ которой, кромѣ смрада, ничего не услышите. Не вѣрьте западнымъ мудрствованіямъ; они ни васъ и никого къ добру не приведутъ.—Передайте это и дѣтямъ вашимъ,—пусть и они будутъ чисто русскими,—и да не будетъ ни на васъ, ни на нихъ, ниже пятнышка, которое доказывало бы, что вы и они не любятъ Россіи, не вѣрны своему государю.—Однимъ словомъ, будьте русскими, какимъ честный человѣкъ быть долженъ.

* *
*

---

*) Изъ „Замѣтокъ г.-л. Л. В. Дуббельта“ („Голосъ Минувшаго“, 1913 г. мартъ, 132, 133—134, 137, 141—143, 147—152, 154—155. 158—161).

Ген.-лейт. Дуббельтъ, занимая должность начальника штаба Корпуса жандармовъ и управляющаго канцеляріей Третьяго Отдѣленія, былъ правой рукой гр. Бенкендорфа и гр. Орлова. Замѣтки Дуббельта относятся ко времени отъ 1830 по 1862 г.

Не помню, отъ кого я это слышалъ. Кажется, отъ Ростовцева. Россію можно сравнить съ арлекинскимъ платьемъ, котораго лоскутки сшиты одною ниткою,—и славно и красиво держатся. Эта нитка есть самодержавіе. Выдерни ее, и платье распадется!

Не лучше ли красивая молодость Россіи дряхлой, гнилой старости Европы? Она 50 лѣтъ ищетъ совершенства и нашла ли его?—Тогда какъ мы спокойны и счастливы подъ управленіемъ нашихъ добрыхъ государей, которые могутъ иногда ошибаться и ошибаются.

* * *

Въ нашей Россіи должны ученые поступать, какъ аптекари, владѣющіе благотворными, цѣлительными средствами, и ядами,—и отпускать ученость только по рецепту правительства.

* * *

Обязанности полиціи состоятъ: въ защитѣ лицъ и собственности; въ наблюденіи за спокойствіемъ и безопасностію всѣхъ и каждаго; въ предупрежденіи всякихъ вредныхъ поступковъ и въ наблюденіи за строгимъ исполненіемъ законовъ; въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ для блага общественнаго; въ защитѣ и вспомоществованіи бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; и въ неусыпномъ преслѣдованіи всякаго рода преступниковъ.

Пусть же мнѣ докажутъ, что такого рода служба не заслуживаетъ уваженія и признательности согражданъ.

* * *

Все великое и прекрасное такъ свойственно нашему государю, что ужъ и не удивляетъ! Отеческое Его попеченіе о голодныхъ губерніяхъ доказываетъ не только доброту, но какую то рыцарскую добродѣтель. Про Александра Павловича говорили, что онъ былъ на тронѣ—человѣкъ; про Николая надо сказать, что это на тронѣ ангелъ,—сущій ангелъ. Сохрани только, Господи, его подольше, для благоденствія Россіи!—Не нравится мнѣ, что Онъ поѣхалъ за границу; тамъ много этихъ негодныхъ поляковъ, а онъ такъ мало бережетъ себя! Я далъ графу Бенкендорфу пару заряженныхъ пистолетовъ и упросилъ положить ихъ тихонько въ коляску государя. Какъ жаль, что онъ не бережетъ себя. Мнѣ кажется, что, принимая такъ мало попеченія о своемъ здоровьѣ и жизни, онъ сокращаетъ жизнь свою,—да какую драгоцѣнную жизнь! Счастливы тѣ, которые такъ сблизка видятъ его дѣла. Сколько дѣлаетъ онъ добра Россіи! вездѣ заведенія въ пользу общую,—въ Одессѣ, даже для жидовъ, учредилъ училище. Въ Сѣнномъ, въ 1812 году, французы разорили церковь, и съ тѣхъ поръ жители этого города оставались безъ службы. Они сѣтовали, тѣмъ болѣе что другихъ церквей по близости отъ нихъ не было. Кто же выстроилъ имъ новую церковь? Ихъ помѣщики? Нѣтъ! выстроилъ ее Николай Павловичъ на свой счетъ.—Въ Смоленскѣ всѣ разоренные французами дома исправлены. А на чей счетъ? Государь пожаловалъ большія суммы денегъ Смоленску.—Великъ Николай Павловичъ, чудо-государь,—какая конституція сравнится съ его благодѣяніями.

* * *

При всей строгой наружности императора Николая Павловича, онъ человѣкъ самаго мягкаго, добраго сердца; чувства его всегда возвышенны, благородны;—онъ настоящій рыцарь sans peur et sans réproche.—Послѣднему изъ министровъ труднѣе говорить правду, нежели ему.—При личныхъ докладахъ онъ выслушиваетъ ее съ величайшимъ вниманіемъ; позволяетъ даже спорить съ собою и свободно выражать свой образъ мыслей и взглядъ на дѣла и вещи. Въ такомъ самостоятельномъ, непреклонномъ характерѣ, это черта высокая и мы рѣдко, почти никогда не встрѣчаемъ ее даже въ мелкихъ властелинахъ.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ приказалъ мнѣ посадить въ крѣпость одного еврея, виновность котораго еще не была совершенно доказана. Я осмѣлился возразить и сказалъ: «дайте время, государь,—разсмотримъ дѣло подробно, и ежели онъ точно виноватъ, то не уйдетъ отъ насъ,—если же онъ окажется невиннымъ, то чѣмъ искупите вы его невинное заключеніе?»—Правда, что онъ взглянулъ на меня такъ строго, что признаюсь, хоть сквозь землю провалиться, и я подумалъ: ну, быть бѣдѣ! Но, помолчавъ нѣсколько, онъ только сказалъ: «нѣтъ, посади его въ крѣпость!» Приказаніе я исполнилъ, а черезъ 4 мѣсяца обнаружилась совершенная невинность несчастнаго еврея.

«Ты былъ правъ,—сказалъ мнѣ государь,—теперь скажи, чѣмъ могу я вознаградить его невинное заключеніе?»—Деньгами, отвѣчалъ я,—этотъ народъ готовъ за сто рублей просидѣть и годъ въ крѣпости. Его Величество приказалъ выдать жиду 4 т. рублей. Много ли такихъ людей, готовыхъ такъ честно сознать свою ошибку?

* * *

Отъ излишняго усердія, перенесъ я сегодня большое огорченіе. Англійскій флотъ началъ заводить винтовые корабли. Мнѣ пришло въ голову, что ежели ихъ флотъ будетъ двигаться парами, а нашъ останется подъ парусами, то при первой войнѣ нашъ флотъ тю-тю! Игрушки подъ Кронштадтомъ и пальба изъ пищалей не помогутъ. Похваливаютъ это наши злодѣи, иностранцы, чтобъ усыпить насъ, чтобъ закрыть намъ глаза, а въ душѣ смѣются.—Эту мысль я откровенно передалъ моему начальнику [1]) и сказалъ мое мнѣніе, что здравый смыслъ требуетъ, ежели иностранныя державы превращаютъ свою морскую силу въ паровую, то и намъ должно дѣлать то же и стараться, чтобы нашъ флотъ былъ также подвиженъ, какъ и ихъ.

На это мнѣ сказали: «ты, съ своимъ здравымъ смысломъ, настоящій дуракъ!»

Вотъ тебѣ и на!

* * *

Несмотря на то, что нѣсколько времени тому назадъ меня назвали дуракомъ, я опять попался въ ту же бѣду!—Къ намъ пріѣзжалъ Мёнье и другіе иностранцы съ предложеніемъ придать вящшую силу нашему оружію. Комитетъ отвергнулъ ихъ предложеніе, потому что они дорого просили за открытіе ихъ тайны.—«Помилуйте,—

---

[1]) Гр. А. Ѳ. Орлову.

сказалъ я,—наши комитеты жалѣютъ денегъ, а не подумаютъ о томъ, что эти механики передадутъ свои тайны другимъ Европейскимъ державамъ, и тогда, при первой войнѣ, онѣ разгромятъ насъ своими новыми, намъ неизвѣстными, разрушительными средствами».

Тутъ проглотилъ я ту же пилюлю, которую проглотилъ при сужденіи о флотѣ.

* * *

Читая французскія газеты, и видя, что французы не ищутъ войны ни съ кѣмъ [1]), я не понимаю, зачѣмъ мы станемъ воевать съ этими сумасбродами? Они объявляютъ, что никого не тронутъ, лишь бы ихъ не трогали; то будетъ ли разсудительно итти на нихъ, такъ, ни съ чего, отъ того только, что намъ не нравится ихъ республика? Мнѣ кажется. лучше принять мѣры, чтобы у насъ не было охоты подражать имъ; война же непремѣнно надѣлаетъ много недовольныхъ, и, по милости Михаила Павловича, какое у насъ оружіе въ сравненіи съ иностранными державами, чтобъ воевать съ кѣмъ-нибудь!—Пойдутъ налоги, рекруты, вотъ и поводъ къ неудовольствію. Военные, конечно, рады будутъ походу, это ихъ сѣнокосъ; но остальное народонаселеніе пострадаетъ отъ этой войны, и тѣмъ менѣе будутъ ее оправдывать, что не поймутъ цѣли ея. Наши финансы не въ блестящемъ положеніи, а чтобы поддерживать войну противъ цѣлой Европы, надо много денегъ. Гдѣ же взять ихъ? Разумѣется, надо будетъ усилить налоги, противъ которыхъ и теперь идетъ ропотъ. Война требуетъ людей, надо новые рекрутскіе наборы, а ужъ и теперь отъ нихъ всѣ въ отчаяніи. Вся Европа станетъ за Францію, то гдѣ же намъ справиться съ цѣлой Европой, когда и съ Кавказомъ не справимся, хотя Кавказъ намъ домашнее дѣло, и эта война идетъ у насъ въ карманѣ, подъ рукою, а и тутъ, сколько бьемся, а конца не добьемся!—Какое намъ дѣло, что французы безумствуютъ; провались они сквозь землю, лишь бы мы были умны; они пусть себѣ хоть и искусаютъ другъ друга,—туда имъ дорога.—Стереть Францію съ земли мы одни не можемъ, а намъ противъ нихъ никто помогать не будетъ,—потому что всѣ эти нѣмцы заражены такими же мыслями...

Когда же оставить имъ свободу блажить и дурачиться, сколько душѣ ихъ угодно, тогда ихъ собственная дурь доведетъ ихъ до крайности; и тогда наши умники и крикуны увидятъ, что такое французы и ихъ премудрость, и что такое республиканское правленіе!—Умничанье вообще ослѣпляетъ людей; ихъ можно убѣдить только на дѣлѣ, допустивъ всѣ бѣдствія безначалія, разумѣется, не у насъ, а у этихъ несчастныхъ французовъ. Увидѣли бы, что у нихъ дѣлается и скорѣе поняли бы всю гнусность ихъ поступковъ. А теперь, все будутъ твердить: имъ вѣдь помѣшали, а то было бы хорошо!—Впрочемъ, я позволю отрубить себѣ голову, ежели эта взбаламученная республика продолжится долго, и если господинъ президентъ не приметъ ихъ въ руки и не сдѣлается императоромъ,—да какимъ императоромъ? что твой Наполеонъ I-й! Вѣдь какъ-то невольно сравниваешь нашъ добрый русскій народъ съ ближними европейцами, и не можешь не отдать справедливости смиренію и по-

[1]) Это относится къ 1848 г.

корности нашихъ славныхъ мужичковъ. Какъ подумаешь, что теперь дѣлается вездѣ; какая путаница во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ, то не можешь нарадоваться, какъ взглянешь кругомъ себя. Миръ, тишина, трудолюбіе, подчиненность! а сколько благодарности въ этихъ добрыхъ сердцахъ за малѣйшее къ нимъ вниманіе! И все это отъ того, что нашъ народъ не избалованъ вымышленною свободою и ни съ чѣмъ несообразными правами человѣка! правами, основанными на уничтоженіи ближняго. Но что странно, что въ народѣ извѣстны французскія дѣла, и всѣ толкуютъ о томъ, что французскій король бѣжалъ. Но пріятно слышать, какъ они толкуютъ,—они говорятъ: «вишь, что французы затѣяли, всѣ хотятъ быть большими! да какой же въ избѣ будетъ толкъ, гдѣ всѣ будутъ большіе? Вѣдь въ небѣ Богъ одинъ, на небѣ солнце одно, и въ семьѣ отецъ одинъ, такъ какъ же быть царямъ многимъ?» Утѣшительна такая привязанность къ единовластію, потому что доказываетъ глубокую увѣренность русскаго народа, что верховный правитель долженъ быть одинъ, а не многіе.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что наша нравственная Россія-матушка слишкомъ благоразумна, чтобы послѣдовать примѣру европейскихъ понятій. У насъ нравы такъ патріархальны, толку въ простомъ народѣ такъ много, и много оттого, что у насъ всякій занятъ дѣломъ, а не бьетъ баклуши, какъ французы. Замѣтьте: кто говоритъ вздоръ, кто несетъ и дѣлаетъ чепуху? тѣ, которые истиннымъ дѣломъ не умѣютъ заняться;—а чтобы русскій народъ умѣлъ быть дѣльнымъ, не надо у него изъ рукъ дѣла отымать.

Отчего блажатъ французы и прочіе западные народы? Отчего блажатъ и кто блажитъ? Не чернь ли, которая вся состоитъ изъ работниковъ? а почему она блажитъ? не оттого ли, что имъ ѣсть хочется и ѣсть нечего? Оттого, что у нихъ земли нѣтъ,—вотъ и вся исторія. Отними и у насъ крестьянъ и дай имъ свободу, и у насъ черезъ нѣсколько лѣтъ то же будетъ. Теперь русскому мужичку, если его никто не подстрекаетъ, бунтовать некогда и незачѣмъ. У него своя полоса, оттого есть забота и постоянная надежда, что онъ не умретъ съ голоду. У него свой теплый уголъ, своя семья, своя корова, лошадки, овцы, свой огородъ, свое хозяйство, и если онъ не дуракъ, а между русскими совершенныхъ дураковъ не много, то онъ можетъ блаженствовать въ своемъ быту, даже хоть онъ и помѣщичій. Ему и блажь въ голову нейдетъ, потому что блажить некогда. Лѣтомъ обрабатываетъ онъ землю, зимою на сторонѣ добываетъ копейку и куда бы ни пошелъ, вездѣ спокоенъ, потому что у него есть уголъ и семья, и всѣ его чувства и мысли стремятся подъ родной кровъ, гдѣ живетъ все, что ему мило и дорого, гдѣ его всегда примутъ съ радостію и любовью.—Дай ему свободу, онъ сначала и обрадуется, но потомъ, что выйдетъ: или помѣщикъ его прогонитъ или онъ самъ, потерявъ голову отъ магическаго слова «свобода», захочетъ попытаться счастья въ другомъ мѣстѣ; пойдетъ шататься по городамъ, гдѣ потеряетъ свою святую, деревенскую нравственность,—и погибнетъ, и сдѣлается то же, что французъ. Человѣкъ рѣдко предвидитъ свое будущее;—вотъ свободный народъ и дойдетъ до того, что, искавши лучшаго, останется безъ кола и двора, какъ иностранный работникъ. Что же выйдетъ изъ этого? Всѣ нахлынутъ въ города да на фабрики; сперва, можетъ-быть, отъ этого фабри-

камъ и будетъ выгодно, но земли будетъ обрабатывать некому, а какъ большая ея часть пролежитъ въ пустѣ, тогда, разумѣется, и на фабрикахъ будетъ ѣсть нечего. Между тѣмъ работникъ, который оставилъ свой крестьянскій бытъ, не въ состояніи жениться и содержать жену и дѣтей; оттого онъ живетъ холостымъ и живетъ беззаконно, отчего исчезаетъ нравственность во всей массѣ народа. Отъ безнравственности до безбожія одинъ только шагъ. Тутъ дѣлается всему голова собственный эгоизмъ; хочу ѣсть—становится первымъ закономъ; а чтобы можно было поѣсть, хоть весь міръ долой! Таковы постепенныя причины французскихъ и европейскихъ безпорядковъ, и если Россія цѣла, такъ именно потому, что она не свободна.

Если бы можно сначала образовать народъ, привить къ нему чувство чести и строгихъ обязанностей, и сдѣлать, не скажу изъ звѣря, но изъ получеловѣка сдѣлать человѣка, а потомъ дать ему свободу, это было бы дѣло другое; но дай крестьянину, какъ онъ есть, свободу, у него сейчасъ явятся разныя затѣи. Онъ сейчасъ броситъ свой родной кровъ и пойдетъ шататься. Вотъ теплое его гнѣздышко и разорилось. Сына станетъ учить грамотѣ, а тотъ выучится и станетъ развращать свои понятія чтеніемъ гадкой нынѣшней литературы. Журналы собьютъ его съ толку, а повѣсти и романы сведутъ совсѣмъ съ ума! Вотъ онъ станетъ судить и рядить; тутъ явится честолюбіе, надо быть чѣмъ-нибудь повыше,—когда же тутъ землю пахать. Въ этомъ туманѣ умретъ съ голоду и мать, и сестра также.—Жены ему не надо, это обуза, а съ его высшими взглядами онъ обузы не хочетъ. Онъ считаетъ себя просвѣщеннымъ, потому что бросилъ лапти и сѣрый кафтанъ, да умѣетъ читать вѣчнаго жида и газеты; а между тѣмъ не чувствуетъ, что онъ не просвѣщается, а развращается, потому что истинное просвѣщеніе основано на страхѣ и законѣ Божіемъ, а не на тонкомъ сукнѣ и лаковыхъ сапогахъ.—Когда человѣкъ чувствуетъ какъ должно, онъ судитъ какъ должно; когда же чувства обратились въ чувственность, тогда вмѣсто разсудка поселяется въ головѣ одинъ чистый бредъ.—Французы и всѣ европейцы оттого и дошли до настоящаго своего положенія, что никто не хочетъ жить по-христіански, т. е. имѣть старшихъ и исполнять свои обязанности. Исполняйте свои обязанности, и права ваши придутъ къ вамъ сами собою!—Нѣтъ, говорятъ они, дай мнѣ мои права, а объ обязанностяхъ подумаемъ послѣ!—Наша русская образованная молодежь также начинаетъ судить навыворотъ, потому что читаетъ одни только романы, и я бы на мѣстѣ государя, другого наказанія не наложилъ на нихъ, какъ выслалъ бы ихъ за границу, въ землю просвѣщенія и свободы; пусть бы тамъ любовались своими единомышленниками. Я увѣренъ, что скоро пропала бы у нихъ охота толковать пустяки и они не замедлили бы удостовѣриться, что нѣтъ на землѣ святѣе и блаженнѣе земли русской, гдѣ все, отъ царя до мужика, на своемъ мѣстѣ, слѣдовательно все въ порядкѣ; а ежели что и не совсѣмъ ладно, ежели и у насъ ржавчина, такъ это только потому, что нѣтъ нигдѣ совершенства.

Нѣтъ, не троньте нашего мужичка, а только подумайте объ томъ, чтобы помѣщики съ ними были милостивы. Пусть помѣщики подражаютъ Зиновьеву [1]),

[1]) Вѣроятно, Мих. Ник. Зиновьевъ, орловскій помѣщикъ. *(Прим. Редакц. „Гол. М.“).*

тогда мужичекъ нашъ будетъ и свободенъ и счастливъ. Какъ прочтешь въ журналахъ и газетахъ, что дѣлается въ Европѣ, и особенно во Франціи, то, право, все это кажется такъ непостижимо, что можно принять все напечатанное за выдумку и сказки!—У нихъ тамъ и климатъ, и изобиліе, и просвѣщеніе, и усовершенствованныя теоріи, и улучшенная администрація, и великолѣпныя машины, искусства процвѣтаютъ, агрономія достигаетъ неслыханныхъ успѣховъ, и чего, чего тамъ нѣтъ! У насъ же все худо; и дураки мы, и не умѣетъ никто изъ насъ ни хлѣба сѣять, ни даже ѣсть его; и все у насъ въ ребячествѣ, и все дѣлается дурно; и медвѣди-то мы, и раболѣпные невольники, и хуже насъ нѣтъ существъ на свѣтѣ! А какъ посмотришь на повѣрку: въ нашей медвѣжьей берлогѣ порядокъ, послушаніе, любовь къ государю, любовь другъ къ другу (ну это, можетъ быть, и не совсѣмъ), любовь къ своимъ обязанностямъ! А у нихъ, въ просвѣщенныхъ, усовершенствованныхъ странахъ голодъ, непокорность, ненависть, баррикады, междоусобія, всѣ бѣдствія, всѣ гибельныя страсти, которыя ведутъ въ адъ и изъ ада исходятъ!

Неужели и теперь наша умная молодежь не образумится и не перестанетъ слѣпотствовать въ отношеніи къ своему отечеству и чужимъ краямъ? Есть и у насъ худое, безъ этого нельзя. Но ужъ ежели можно жить счастливо гдѣ-нибудь, такъ это, конечно, въ Россіи. Это зависитъ отъ себя; только не тронь никого, исполняй свои обязанности и тогда нигдѣ не найдешь такой свободы, какъ у насъ, и проведешь жизнь свою, какъ въ Царствѣ Небесномъ. Такія разсужденія, конечно, нашимъ журналистамъ, нашимъ передовымъ людямъ не по нутру,—вѣрю: но дайте же и мнѣ свободу, по крайней мѣрѣ, думать, какъ мнѣ хочется и какъ мнѣ кажется.

* * *

Я думаю, какъ государю должно быть весело, что въ такой сумятицѣ и общей европейской сумасбродной безтолковщинѣ русскій народъ ведетъ себя такъ прекрасно! Сердце радуется и растетъ отъ гордости, какъ сравнишь русскихъ съ негодными иностранцами. Вотъ хваленыя ихъ хартіи, да конституціи, да представительныя правленія! До чего все это довело этихъ бѣшеныхъ европейцевъ? Они свободны, а мы въ неволѣ; однако же, кому изъ насъ лучше? Мнѣ кажется, этотъ величественный видъ спокойствія Россіи долженъ очень утѣшать государя и бѣсить Европу и нашихъ передовыхъ людей.

Теперь же все тихо у насъ, потому что образъ правленія нашего самый настоящій, сходный съ природою, сходный съ потребностями человѣка благомыслящаго. Наше правленіе стоитъ на самой серединѣ между кровавымъ деспотизмомъ восточныхъ государствъ и буйнымъ безначаліемъ западныхъ народовъ. Оно самое отеческое, патріархальное, и потому Россія велика и спокойна. Частные случаи ничего не значатъ; возьмите общую физіономію государства: довольство, миръ, тишина, трудолюбіе. Въ Россіи кто несчастливъ? только тунеядецъ и тотъ, кто своеволенъ. Перемѣни у насъ,—Боже сохрани, не только образъ правленія, но коснись только нѣкоторыхъ постановленій, соста-

ляющихъ опору Государства,—исчезнетъ порядокъ, исчезнетъ тишина, исчезнетъ личная безопасность и самые безмятежные люди сдѣлаются бунтовщики, потому что всѣ будутъ недовольны. Одни потеряютъ много, другіе выиграютъ мало, и въ такомъ случаѣ, гдѣ всѣ недовольны, никакая строгая цензура не поможетъ, а гдѣ нѣтъ причины быть недовольнымъ, тамъ никакой Луи-Бланъ не взбунтуетъ, хоть испиши онъ всѣ перья и испечатай всѣ типографическія литеры цѣлаго міра.

Ниспровергни у насъ существующій порядокъ,—посмотри, что будетъ! Если бы крестьяне и сдѣлались свободны, они получили бы свободу безъ земли, потому что ни одинъ помѣщикъ своей земли не отдастъ добровольно, а правительство наше слишкомъ правосудно, чтобы отнять у насъ нашу собственность и лишить насъ послѣдняго куска хлѣба;—насильно не отыметъ оно у насъ землю, которую мы наслѣдовали отъ нашихъ предковъ. И чтожъ бы вышло? Крестьяне наши, сдѣлавшись вольными, но не имѣя земли, пустились бы кріпскивать себѣ родъ жизни и пропитанія по городамъ, деревни опустѣли бы, какъ во Франціи и Германіи,—и пошла потѣха! ибо въ городахъ такое чудовищное стеченіе голодныхъ желудковъ надѣлало бы тѣхъ же бѣдъ, какія происходятъ въ западной Европѣ. Голодный желудокъ раскричится пуще всякаго журнала; онъ и безъ Луи-Блана золъ на все и на всѣхъ, потому что другіе сыты, а онъ ѣсть хочетъ.

Мнѣ кажется, что Россія держится именно своею помѣщичьею организаціею; что это польза государственная въ высшей степени. На каждомъ пунктѣ, гдѣ есть помѣщикъ, у государя есть тамъ неослабный блюститель порядка и выгодъ отечественныхъ, и это такой слуга государства, который не требуетъ ни жалованья, ни наградъ, а еще самъ приноситъ обществу и казнѣ дань своихъ трудовъ, какъ уплатою различныхъ повинностей, такъ и тѣмъ, что вливаетъ въ общественную торговлю несмѣтное количество зеренъ, питающихъ наше отечество и служащихъ для его обогащенія.—Смотрите, какой вездѣ голодъ! Франція, Германія, Италія, даже самая богатая Англія, всѣ умираютъ съ голоду. У насъ же столько хлѣба, что мы и сами сыты и въ состояніи продать массы хлѣбныхъ зеренъ иностранцамъ. Не будь помѣщичьихъ имѣній въ Россіи, много ли бы сами крестьяне наготовили хлѣба? И теперь мы видимъ, что вольные крестьяне, если и торгуютъ хлѣбомъ, то не своимъ, скупаютъ его у помѣщиковъ.

Итакъ, я увѣренъ, что наша Россія велика, сильна и богата отъ того: 1-е) что въ ней государь самодержавный, 2-е) что въ ней есть помѣщикъ съ властію надъ крестьянами и 3-е) отъ того, что есть въ ней крестьянинъ, который кормитъ и себя, и помѣщика, и горожанина, и купца, и солдата, и вельможу, и самого государя...

Это разсужденіе ведетъ все таки къ книгопечатанію. Сдѣлай нашихъ крестьянъ свободными, никакая цензура не остановитъ тотъ вредъ, который сдѣланъ будетъ самимъ государемъ. Какъ скоро буйство одолѣетъ народомъ, тогда и цензура полетитъ къ чорту.

Пусть государь не думаетъ, что, давъ свободу крестьянамъ, не нужно будетъ, болѣе или менѣе, измѣнить образъ нашего правленія; а малѣйшее измѣненіе сдѣлаетъ въ престолѣ щели и подкопаетъ его; тогда и безъ журналовъ, и не умѣя ихъ даже читать, русскій народъ, черезъ полвѣка, провалится въ ту же пропасть, въ которой теперь барахтаются свободные Европейскіе народы...

— Но тутъ однако же надо сказать, что ежели крестьянамъ не должно давать свободы, то не должно, чтобы помѣщики и угнетали ихъ;—такихъ помѣщиковъ въ Сибирь!—Слава Богу, ихъ не много. Все новое поколѣніе преисполнено лучшихъ мыслей, и бытъ крестьянъ улучшается, и когда помѣщикъ любитъ и бережетъ ихъ, то жизнь ихъ лучше свободныхъ;—они сами это говорятъ.

Помѣщикъ самый надежный оплотъ государя. Никакое войско не замѣнитъ той бдительности, того вліянія, какія помѣщикъ ежеминутно распространяетъ въ своемъ имѣніи. Уничтожь эту власть, народъ напретъ и нахлынетъ со временемъ на самаго царя, какъ то было не разъ въ чужихъ краяхъ. Помѣщикъ есть самый вѣрный, недремлющій песъ, охраняющій государство; онъ есть природный исправникъ, которому привычка, обычай и самыя старинныя преданія придаютъ столько власти, что она покажется баснословною на западѣ Европы. Дѣло только въ томъ, чтобы эту власть не употреблять во зло,—ну, а это ужъ дѣло правительства.

X.

А. И. Герценъ въ Третьемъ Отдѣленіи [1]).

Въ первыхъ числахъ декабря, часовъ въ девять утромъ, Матвѣй сказалъ мнѣ, что квартальный надзиратель желаетъ меня видѣть. Я не могъ догадаться, что его привело ко мнѣ, и велѣлъ просить. Квартальный показалъ мнѣ клочекъ бумаги, на которомъ было написано, чтобъ онъ «п р и г л а с и л ъ меня въ 10 часовъ утра въ III отдѣленіе собств. е. в. канцеляріи».

— Очень хорошо, отвѣчалъ я, это у Цѣпнаго моста?

— Не безпокойтесь, у меня внизу сани, я съ вами поѣду.

Дѣло скверное, подумалъ я, и сердце сильно сжалось. Я взошелъ въ спальню. Жена моя сидѣла съ малюткой, который только-что сталъ оправляться послѣ долгой болѣзни. «Что онъ хочетъ?»—спросила она.—«Не знаю, какой-нибудь вздоръ, мнѣ надобно съѣздить съ нимъ... Ты не безпокойся». Жена моя посмотрѣла на меня, ничего не отвѣчала,—только поблѣднѣла, какъ будто туча набѣжала на ея лицо, и подала мнѣ малютку проститься.

Я испыталъ въ эту минуту, насколько тягостнѣе всякій ударъ семейному человѣку; ударъ бьетъ не его одного, и онъ страдаетъ за всѣхъ и невольно винитъ себя за ихъ страданія.

---

[1]) Соч. А. И. Герцена, т. II, Былое и Думы, 339 — 348, изд. Павленкова. Описываемыя здѣсь Герценомъ событія относятся къ 1840 г.

Переломить, подавить, скрыть это чувство можно; но надобно знать, что это стоитъ; я вышелъ изъ дому съ черной тоской. Не таковъ былъ я, отправляясь шесть лѣтъ передъ тѣмъ съ полицмейстеромъ Миллеромъ въ Пречистенскую часть [1]).

Проѣхали мы Цѣпной мостъ, Лѣтній садъ и завернули въ бывшій домъ Кочубея. Шли мы всякими дворами и дворнками, и дошли, наконецъ, до канцеляріи.

Несмотря на присутствіе комиссара, жандармъ насъ не пустилъ, а вызвалъ чиновника, который, прочитавъ бумагу, оставилъ квартальнаго въ коридорѣ, а меня просилъ идти за нимъ. Онъ меня привелъ въ директорскую комнату. За большимъ столомъ, возлѣ котораго стояло нѣсколько креселъ, сидѣлъ одинъ-одинехонекъ старикъ худой, сѣдой, съ зловѣщимъ лицомъ. Онъ для важности дочиталъ какую-то бумагу, потомъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. На груди его была звѣзда, изъ этого я заключилъ, что это какой-нибудь корпусный командиръ.

— Видѣли вы генерала Дуббельта?

— Нѣтъ.

Онъ помолчалъ, потомъ, несмотря мнѣ въ глаза, морщась и сводя бровями, спросилъ какимъ-то стертымъ голосомъ:

— Вы, кажется, не очень давно получили разрѣшеніе пріѣзжать въ столицы?

— Въ прошедшемъ году.

Старикъ покачалъ головой.

— Плохо вы воспользовались милостью государя. Вамъ, кажется, придется опять ѣхать въ Вятку.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—хорошо показываете вы признательность правительству, возвратившему васъ.

— Я совершенно ничего не понимаю,—сказалъ я, теряясь въ догадкахъ.

— Не понимаете?.. Это-то и плохо! Что за связи, что за занятія? Вмѣсто того, чтобъ первое время показать усердіе, смыть пятна, оставшіяся отъ юношескихъ заблужденій, обратить свои способности на пользу—нѣтъ! куда! Все политика да пересуды, и все во вредъ правительству. Вотъ и договорились. Какъ васъ опытъ не научилъ? Почемъ вы знаете, что въ числѣ тѣхъ, которые съ вами толкуютъ, нѣтъ всякій разъ какого-нибудь м е р з а в ц а [2]), который лучше не проситъ, какъ черезъ минуту придти с ю д а съ доносомъ.

— Ежели вы можете мнѣ объяснить, что все это значитъ, вы меня очень обяжете. Я ломаю себѣ голову и никакъ не понимаю, куда ведутъ ваши слова или на что намекаютъ.

— Куда ведутъ?.. Хм... Ну, а скажите, слышали вы, что у Синяго моста будочникъ убилъ и ограбилъ ночью человѣка?

— Слышалъ,—отвѣчалъ я пренаивно.

---

[1]) Въ 1834 г., во время ареста въ Москвѣ, передъ первой ссылкой Герцена въ Вятку.

[2]) Я честнымъ словомъ увѣряю, что слово „мерзавецъ“ было употреблено почтеннымъ старцемъ. *(Пр. А. И. Герцена).*

— И, можетъ, повторяли?

— Кажется, что повторялъ.

— Съ разсужденіями, я чай?

— Вѣроятно.

— Съ какими же разсужденіями? — Вотъ она наклонность къ порицанію правительства. Скажу вамъ откровенно, одно дѣлаетъ вамъ честь, это ваше искреннее сознаніе, и оно будетъ навѣрно принято графомъ въ соображеніе.

— Помилуйте,—сказалъ я,—какое тутъ сознаніе, объ этой исторіи говорилъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министра в. д., въ лавкахъ. Что же тутъ удивительнаго, что и я говорилъ объ этомъ происшествіи?

— Разглашеніе ложныхъ и вредныхъ слуховъ есть преступленіе, нетерпимое законами.

— Вы меня обвиняете, мнѣ кажется, въ томъ, что я выдумалъ это дѣло?

— Въ докладной запискѣ государю сказано только, что вы способствовали къ распространенію такого вреднаго слуха. На что послѣдовала высочайшая резолюція объ возвращеніи васъ въ Вятку.

— Вы меня просто стращаете, — отвѣчалъ я. — Какъ же это возможно за такое ничтожное дѣло сослать семейнаго человѣка за тысячу верстъ, да и при томъ приговорить, осудить его, даже не спросивъ,—правда, или нѣтъ?

— Вы сами признались.

— Да какъ же, записка была представлена и дѣло кончено прежде, чѣмъ вы со мною говорили.

— Прочтите сами.

Старикъ подошелъ къ столу, порылся въ небольшой пачкѣ бумагъ, хладнокровно вытащилъ одну и подалъ. Я читалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Я молчалъ. Мнѣ показалось, что самъ старикъ почувствовалъ, что дѣло очень нелѣпо и чрезвычайно глупо, такъ что онъ не нашелъ болѣе нужнымъ защищать его и, тоже помолчавъ, спросилъ:

— Вы, кажется, сказали, что вы женаты?

— Женатъ,—отвѣчалъ я.

— Жаль, что это прежде мы не знали, впрочемъ, если что можно сдѣлать, графъ сдѣлаетъ, я ему передамъ нашъ разговоръ. Изъ Петербурга во всякомъ случаѣ вышлютъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Я молчалъ, но чувствовалъ, что лицо горѣло, все, что я не могъ высказать, все, задержанное внутри, можно было видѣть въ лицѣ.

Старикъ опустилъ глаза, подумалъ и вдругъ апатическимъ голосомъ, съ пригязаніемъ на тонкую учтивость, сказалъ мнѣ:

— Я не смѣю дольше задерживать васъ; желаю душевно, — впрочемъ, дальнѣйшее вы узнаете.

Я бросился домой. Разъѣдающая злоба кипѣла въ моемъ сердцѣ: это чувство безправія, безсилія, это положеніе пойманнаго звѣря, надъ которымъ презрительный уличный мальчишка издѣвается, понимая, что всей силы тигра недостаточно, чтобъ сломить рѣшетку.

Жену я засталъ въ лихорадкѣ, она съ этого дня занемогла и, испуганная еще вечеромъ, черезъ нѣсколько дней имѣла преждевременные роды. Ребенокъ умеръ черезъ день. Едва черезъ три или черезъ четыре года оправилась она.

И что это у нихъ за страсть поднять сумбуръ, скакать во весь опоръ, хлопотать, все дѣлать опрометью, точно пожаръ, и все это безъ всякой нужды!

...Грустно сидѣли мы вечеромъ того дня, въ который я былъ въ III отдѣленіи, за небольшимъ столомъ; малютка игралъ на немъ своими игрушками, мы говорили мало; вдругъ кто-то такъ рванулъ звонокъ, что мы поневолѣ вздрогнули. Матвѣй бросился отворять дверь и черезъ секунду влетѣлъ въ комнату жандармскій офицеръ, гремя саблей, гремя шпорами, и началъ отборными словами извиняться передъ моей женой: «онъ не могъ думать, не подозрѣвалъ, не предполагалъ, что дама, что дѣти, чрезвычайно непріятно...»

Жандармы—цвѣтъ учтивости. Я это знаю съ Крутицкихъ казармъ.

— Васъ проситъ къ себѣ генералъ Дуббельтъ.

— Когда?

— Помилуйте, теперь, сейчасъ, сію минуту.

— Матвѣй, дай шинель.

Я пожалъ руку женѣ,—на лицѣ у нея были пятна, рука горѣла. Что за спѣхъ, въ десять часовъ вечера, заговоръ открытъ, побѣгъ...

Дуббельтъ прислалъ за мной, чтобъ мнѣ сказать, что графъ Бенкендорфъ требуетъ меня завтра въ восемь часовъ утра къ себѣ для объявленія мнѣ высочайшей воли!

Дуббельтъ—лицо оригинальное, онъ навѣрно умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ отдѣленій собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу—ясно свидѣтельствовали, что много страстей боролось въ этой груди, прежде чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ или лучше накрылъ все, что тамъ было. Черты его имѣли что-то волчье и даже лисье, т. е., выражали тонкую смышленность хищныхъ звѣрей, вмѣстѣ уклончивость и заносчивость. Онъ былъ всегда учтивъ.

Когда я взошелъ въ его кабинетъ, онъ сидѣлъ въ мундирномъ сюртукѣ безъ эполетъ и, куря трубку, писалъ. Онъ въ ту же минуту всталъ и, прося меня сѣсть противъ него, началъ слѣдующей удивительной фразой:

— Графъ Александръ Христофоровичъ доставилъ мнѣ случай познакомиться съ вами. Вы, кажется, видѣли Сахтынскаго сегодня утромъ?

— Видѣлъ.

— Мнѣ очень жаль, что поводъ, который заставилъ меня васъ просить ко мнѣ, не совсѣмъ пріятный для васъ. Неосторожность ваша навлекла снова гнѣвъ его величества на васъ.

— Я вамъ, генералъ, скажу то, что сказалъ г. Сахтынскому: я не могу себѣ представить, чтобы меня выслали только за то, что я повторилъ уличный слухъ, который вы, конечно, слышали прежде меня, а, можетъ, точно такъ же разсказывали, какъ я.

— Да, я слышалъ и говорилъ объ этомъ, и тутъ мы равны; но вотъ гдѣ

начинается разница: я, повторяя эту нелѣпость, клялся, что этого никогда не было, а вы изъ этого слуха сдѣлали поводъ обвиненія всей полиціи. Это все несчастная страсть de dénigrer le gouvernement, страсть, развитая въ васъ во всѣхъ, господа, пагубнымъ примѣромъ запада. У насъ не то, что во Франціи, гдѣ правительство на ножахъ съ партіями, гдѣ его таскаютъ въ грязи; у насъ управленіе отеческое, все дѣлается какъ можно келейнѣе... Мы выбиваемся изъ силъ, чтобъ все шло, какъ можно тише и глаже, а тутъ люди, остающіеся въ какой-то безплодной оппозиціи, несмотря на тяжелыя испытанія, стращаютъ общественное мнѣніе, разсказывая и сообщая письменно, что полицейскіе солдаты рѣжутъ людей на улицахъ. Не правда ли? вѣдь, вы писали объ этомъ?

— Я такъ мало придаю важности дѣлу, что совсѣмъ не считаю нужнымъ скрывать, что я писалъ объ этомъ, и прибавлю къ кому, къ моему отцу.

— Разумѣется, дѣло не важное; но вотъ оно до чего васъ довело. Государь тотчасъ вспомнилъ вашу фамилію, и что вы были въ Вяткѣ, и велѣлъ васъ отправить назадъ. А потому графъ и поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобы вы завтра въ восемь часовъ утра пріѣхали къ нему, онъ вамъ объявитъ высочайшую волю.

— И такъ на томъ и останется, что я долженъ ѣхать въ Вятку, съ больной женой, съ больнымъ ребенкомъ, по дѣлу, о которомъ вы говорите, что оно не важно?..

— Да вы служите? — спросилъ меня Дуббельтъ, пристально вглядываясь въ пуговицы моего вицъ-мундирнаго фрака.

— Въ канцеляріи министра в. д.

— Давно ли?

— Мѣсяцевъ шесть.

— И все время въ Петербургѣ?

— Все время.

— Я понятія не имѣлъ.

— Видите,—сказалъ я улыбаясь,—какъ я себя скромно велъ.

Сахтынскій не зналъ, что я женатъ, Дуббельтъ не зналъ, что я на службѣ, а оба знали, что я говорилъ въ своей комнатѣ, какъ думалъ и что писалъ отцу... Дѣло было въ томъ, что я тогда только что началъ сближаться съ петербургскими литераторами, печатать статьи, а главное, я былъ переведенъ изъ Владиміра въ Петербургъ графомъ Строгоновымъ безъ всякаго участія тайной полиціи, и, пріѣхавши въ Петербургъ, не пошелъ *являться* ни къ Дуббельту, ни въ III отдѣленіе, на что мнѣ намекали добрые люди.

— Помилуйте,—перебилъ меня Дуббельтъ,—всѣ свѣдѣнія, собранныя о васъ, совершенно въ вашу пользу, я еще вчера говорилъ съ Жуковскимъ, дай Богъ, чтобы о моихъ сыновьяхъ такъ отзывались, какъ онъ отозвался.

— А все-таки въ Вятку.

— Вотъ видите, ваше *несчастье*, что докладная записка *была подана*, и что многихъ обстоятельствъ не было на виду. Ѣхать вамъ надобно, этого поправить нельзя, но я полагаю, что Вятку можно замѣнить другимъ городомъ. Я

переговорю съ графомъ, онъ еще сегодня ѣдетъ во дворецъ. Все, что возможно сдѣлать для облегченія, мы постараемся сдѣлать; графъ—человѣкъ ангельской доброты.

Я всталъ. Дуббельтъ проводилъ меня до дверей кабинета. Тутъ я не вытерпѣлъ и, пріостановившись, сказалъ ему:

— Я имѣю къ вамъ, генералъ, небольшую просьбу. Если вамъ меня нужно, не посылайте, пожалуйста, ни квартальныхъ, ни жандармовъ, они пугаютъ, шумятъ, особенно вечеромъ. За что же больная жена моя будетъ больше всѣхъ наказана въ дѣлѣ будочника?

— Ахъ, Боже мой, какъ это непріятно,—возразилъ Дуббельтъ.—Какіе они всѣ неловкіе. Будьте увѣрены, что я не пошлю больше полицейскаго. Итакъ, до завтра, не забудьте,—въ восемь часовъ у графа; мы тамъ увидимся.

Точно будто мы сговаривались вмѣстѣ ѣхать къ Смурову ѣсть устрицы.

На другой день, въ восемь часовъ, я былъ въ пріемной залѣ Бенкендорфа. Я засталъ тамъ человѣкъ пять-шесть просителей; мрачно и озабоченно стояли они у стѣны, вздрагивали при каждомъ шумѣ, жались еще больше и кланялись всѣмъ проходящимъ адъютантамъ. Въ числѣ ихъ была женщина вся въ траурѣ, съ заплаканными глазами; она сидѣла съ бумагой, свернутой въ трубочку въ рукахъ, бумага дрожала, какъ осиновый листъ. Шага три отъ нея стоялъ высокій, нѣсколько согнувшійся старикъ, лѣтъ семидесяти, плѣшивый и пожелтѣвшій, въ темно-зеленой военной шинели, съ рядомъ медалей и крестовъ на груди. Онъ время отъ времени вздыхалъ, качалъ головой и шепталъ что-то себѣ подъ носъ.

У окна сидѣлъ, развалясь, какой-то «другъ дома», лакей или дежурный чиновникъ. Онъ всталъ, когда я взошелъ; вглядываясь въ его лицо, я узналъ его; мнѣ эту противную фигуру показывали въ театрѣ, это былъ одинъ изъ главныхъ уличныхъ шпіоновъ, помнится, по фамиліи Фаберъ. Онъ спросилъ меня:

— Вы съ просьбой къ графу?

— По его требованію.

— Ваша фамилія? — Я назвалъ себя. — Ахъ,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ, какъ будто встрѣтилъ стараго знакомаго.—Сдѣлайте одолженіе, не угодно ли сѣсть? Графъ черезъ четверть часа выйдетъ.

Какъ-то было страшно тихо и unheimlich въ залѣ, день плохо пробивался сквозь туманъ и замерзнувшія стекла, никто ничего не говорилъ. Адъютанты быстро пробѣгали взадъ и впередъ, да жандармъ, стоявшій за дверями, гремѣлъ иногда своей сбруей, переступая съ ноги на ногу. Подошло еще человѣка два просителей. Чиновникъ бѣгалъ каждаго спрашивать — за чѣмъ. Одинъ изъ адъютантовъ подошелъ къ нему и началъ что-то разсказывать полушопотомъ, причемъ онъ придавалъ себѣ видъ отчаяннаго повѣсы; вѣроятно, онъ разсказывалъ какія-нибудь мерзости, потому что они часто прерывали разговоръ лакейскимъ смѣхомъ безъ звука, при чемъ почтенный чиновникъ, показывая видъ, что ему мочи нѣтъ, что онъ готовъ надорваться, повторялъ: «перестаньте, ради Боги, перестаньте, не могу больше».

Минутъ черезъ пять явился Дуббельтъ, разстегнутый, по-домашнему, бросилъ взглядъ на просителей, при чемъ они поклонились, и издали увидя меня, сказалъ: «Bonjour M. H., votre affaire va parfaitement bien, на хорошей дорогѣ»...

Оставляютъ меня, что ли! Я хотѣлъ было спросить, но прежде чѣмъ успѣлъ вымолвить слово, Дуббельтъ уже скрылся. Вслѣдъ за нимъ взошелъ какой-то генералъ, вычищенный, убранный, затянутый, вытянутый, въ бѣлыхъ штанахъ, въ шарфѣ,—я не видывалъ лучшаго генерала. Если когда-нибудь въ Лондонѣ будетъ выставка генераловъ... то я совѣтую послать именно его изъ Петербурга. Генералъ подошелъ къ той двери, изъ которой долженъ былъ выйти Бенкендорфъ, и замеръ въ неподвижной вытяжкѣ; я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ этотъ идеалъ унтеръ-офицера...

Снова влетѣлъ Дуббельтъ, этотъ разъ пріосанившись и застегнувшись. Онъ тотчасъ обратился къ генералу и спросилъ, что ему нужно? Генералъ правильно, какъ ординарцы говорятъ, когда являются къ начальникамъ, отрапортовалъ: «Вчерашній день отъ князь Александра Ивановича получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ дѣйствующую армію на Кавказъ, счелъ обязанностью явиться предъ отбытіемъ къ его сіятельству».

Дуббельтъ выслушалъ со вниманіемъ эту рѣчь и, наклонясь нѣсколько въ знакъ уваженія, вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— Графъ, сказалъ онъ генералу, искренно жалѣетъ, что не имѣетъ времени принять в. пр. Онъ васъ благодаритъ и поручилъ мнѣ пожелать вамъ счастливаго пути.—При этомъ Дуббельтъ распростеръ руки, обнялъ и два раза коснулся щеки генерала своими усами.

Генералъ отступилъ торжественнымъ маршемъ, юноша [1]) съ бѣличьимъ лицомъ и ногами журавля отправился за нимъ. Сцена эта искупила мнѣ много горечи того дня. Генеральскій фрунтъ, прощаніе по довѣренности и, наконецъ, лукавая морда Рейнеке-Фукса, цѣлующаго голову его превосходительства, все это было до того смѣшно, что я чуть-чуть удержался...

Наконецъ, двери отворились á deux battans и взошелъ Бенкендорфъ. Наружность шефа жандармовъ не имѣла въ себѣ ничего дурного: видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лицо его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ, который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ.

Можетъ, Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ полиціи, имѣвшей право мѣшаться во все, — я готовъ этому вѣрить, особенно вспоминая прѣсное выраженіе его лица, но и добра онъ не сдѣлалъ, на это у него не доставало энергіи, воли, сердца. Робость сказать слово въ защиту гонимыхъ стоитъ всякаго преступленія.

Сколько невинныхъ жертвъ прошли его руками, сколько погибли отъ невниманія, отъ разсѣянія, отъ того, что онъ занятъ былъ волокитствомъ,—и сколько, можетъ, мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродили въ его головѣ и мучили его на томъ пароходѣ, гдѣ, преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій. онъ искалъ заступничества католической церкви, съ ея всепрощающими индульгенціями...

---

[1]) Его адъютантъ.

— До свѣдѣнія государя императора,—сказалъ онъ мнѣ,—дошло, что вы участвуете въ распространеніи вредныхъ слуховъ для правительства. Его величество, видя, какъ вы мало исправились, изволилъ приказать васъ отправить обратно въ Вятку; но я, по просьбѣ генерала Дуббельта и основываясь на свѣдѣніяхъ, собранныхъ объ васъ, докладывалъ его величеству о болѣзни вашей супруги, и государю угодно было измѣнить свое рѣшеніе. Его величество воспрещаетъ вамъ въѣздъ въ столицы, вы снова отправитесь подъ надзоръ полиціи, но мѣсто вашего жительства предоставлено назначить министру внутреннихъ дѣлъ.

— Позвольте мнѣ откровенно сказать, что даже въ сію минуту я не могу вѣрить, чтобы не было другой причины ссылки. Въ 1835 году я былъ сосланъ по дѣлу праздника, на которомъ вовсе не былъ! Теперь я наказываюсь за слухъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Странная судьба!

Бенкендорфъ поднялъ плечи и, разводя руками, какъ человѣкъ, исчерпавшій всѣ свои доводы, перебилъ мою рѣчь:

— Я вамъ объявляю монаршую волю, а вы мнѣ отвѣчаете разсужденіями. Что за польза будетъ изъ всего, что вы мнѣ скажете и что я вамъ скажу, — это потерянныя слова. Перемѣнить теперь ничего нельзя, что будетъ потомъ, долею зависитъ отъ васъ. А такъ какъ вы напомнили о вашей первой исторіи, то я особенно рекомендую вамъ, чтобъ не было третьей, — т а к ъ л е г к о въ третій разъ вы навѣрное не отдѣлаетесь.

Бенкендорфъ благосклонно улыбнулся и отправился къ просителямъ. Онъ очень мало говорилъ съ ними, бралъ просьбу, бросалъ въ нее взглядъ, потомъ отдавалъ Дуббельту, прерывая замѣчанія просителей той же граціозно-снисходительной улыбкой. Мѣсяцы цѣлые эти люди обдумывали и приготовлялись къ этому свиданію, отъ котораго зависитъ — честь, состояніе, семья; сколько труда, усилій было употреблено ими прежде, чѣмъ ихъ приняли, сколько разъ стучались они въ запертую дверь, отгоняемые жандармомъ или швейцаромъ. И какъ, должно быть, щемящи, велики нужды, которыя привели ихъ къ начальнику тайной полиціи; вѣроятно, предварительно были исчерпаны всѣ законные пути, а человѣкъ этотъ отдѣлывается общими мѣстами и, по всей вѣроятности, какой-нибудь столоначальникъ положитъ к а к о е-н и б у д ь рѣшеніе, чтобъ сдать дѣло въ к а к у ю-н и б у д ь другую канцелярію. И чѣмъ онъ такъ озабоченъ, куда торопится?

Бенкендорфъ подошелъ къ старику съ медалями, тотъ сталъ на колѣни и вымолвилъ:

— Ваше сіятельство, взойдите въ мое положеніе.

— Что за мерзость,—закричалъ графъ,—вы позорите ваши медали,—и полный благороднаго негодованія, онъ прошелъ мимо, не взявъ его просьбы. Старикъ тихо поднялся, его стеклянный взглядъ выражалъ ужасъ и помѣшательство, нижняя губа дрожала, онъ что-то лепеталъ.

Какъ эти люди безчеловѣчны, когда на нихъ приходитъ капризъ быть человѣчными!

Дуббельтъ подошелъ къ старику, взялъ просьбу и сказалъ:

— Зачѣмъ это вы въ самомъ дѣлѣ?—Ну, давайте вашу просьбу, я пересмотрю.

Бенкендорфъ уѣхалъ къ государю.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я Дубельта.

— Выберите себѣ, какой хотите, городъ съ министромъ в. д., мы мѣшать не будемъ. Мы завтра все дѣло перешлемъ туда; я поздравляю васъ, что такъ уладилось *)...

XI.

Дореформенный судъ и Третье Отдѣленіе [1]).

Верховенство полиціи надъ судомъ въ особенности выразилось въ С.-Петербургѣ и вообще въ столицахъ, гдѣ представителями полиціи были: управы благочинія, оберъ-полицмейстеры, генералъ-губернаторы, министерство внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, почасту и въ важныхъ случаяхъ—III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, т. е. жандармское управленіе.

Притомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленіе по отношенію лицъ, бывшихъ во главѣ сихъ управленій, или по другимъ обстоятельствамъ, въ понятіи современниковъ стояли какъ то ближе къ государю императору, чѣмъ министерство юстиціи. Это послѣднее всегда и во всѣхъ случаяхъ, хотя указывало и держалось законнаго порядка, но, несмотря на это, и означенныя управленія, при неразграниченіи въ точности закономъ предметовъ вѣдомства суда отъ ихъ круга обязанности, считали себя въ правѣ прибѣгать то къ тѣмъ, то къ другимъ мѣрамъ, и были правы по духу времени. Вотъ почему эти управленія, не стѣсняясь взглядами министерства юстиціи, почасту позволяли себѣ прибѣгать къ разнымъ исключеніямъ изъ общаго порядка дѣлъ судебныхъ.

Послѣдствіемъ сего было вмѣшательство въ дѣла суда, который потому и являлся какимъ то слабымъ орудіемъ въ отправленіи правосудія, а потому

---

*) По разсказу Герцена (стр. 348, 359), министръ в. д. гр. Строгоновъ, выслушавъ отъ него подробности дѣла, замѣтилъ: „Это чисто полицейская уловка,—ну, да, хорошо, и я съ своей стороны имъ отвѣчу“, и назначилъ Герцена въ Новгородъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Тамъ Герценъ завѣдывалъ II отдѣленіемъ, гдѣ были паспорта, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей властью, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и людяхъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ. „Нелѣпѣе, глупѣе, — говоритъ Герценъ, — ничего нельзя себѣ представить; я увѣренъ, что три четверти людей, которые прочтутъ это, не повѣрятъ, а между тѣмъ это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапортъ полицмейстера о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ, находившемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицмейстеръ, изъ учтивости, въ графѣ поведенія ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: „Занимается государственной службой“. Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ безумія можно доправиться, имѣя двѣ-три полиціи, враждебныя другъ другу, канцелярскія формы, вмѣсто законовъ, и фельдфебельскія понятія, вмѣсто правительственнаго ума“.

---

[1]) Изъ ст. „Старый судъ, очерки и воспоминанія“ Н. М. Колмакова. (Русск. Стар. 1886 г. т. 52, 527—528, 530—532, 533—534).

въ глазахъ всѣхъ, да и на самомъ дѣлѣ, онъ былъ несамостоятельнымъ. Всѣмъ этимъ мы не хотимъ сказать, что въ прежнее время вмѣшательство администраціи и прочихъ властей въ дѣла суда имѣло какую нибудь злонамѣренную или корыстную или вообще недостойную цѣль. Нѣтъ, мы говоримъ, что въ понятіи прежней администраціи и тѣхъ властей старый судъ, по своимъ формамъ и порядкамъ, не представлялъ собою обезпеченія, а потому, по ихъ мнѣнію, имъ самимъ и нужно было прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ.

Мѣры эти были многоразличны, онѣ состояли или въ учрежденіи разныхъ коммиссій, на коихъ возлагали отправленіе разныхъ функцій суда, или въ назначеніи слѣдствій по дѣламъ судебнымъ, или въ командированіи лицъ несудебнаго вѣдомства для наблюденія за судебнымъ дѣломъ, или въ истребованіи объясненій отъ лицъ, служащихъ въ судѣ, помимо властей судебнаго вѣдомства, и т. д., и. т. д. Всего не перечтешь.

Въ подтвержденіе того, что въ прежнее время администрація считала себя превыше юстиціи, разскажу изъ многихъ еще одинъ случай.

Я, какъ чиновникъ, командированный отъ министерства юстиціи для занятій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, представлялся бывшему тогда въ послѣднемъ министру Сергію Степановичу Ланскому.

Разговаривая со мною, Ланской спросилъ меня: «ну что вашъ графъ Викторъ Никитичъ? [1]) все судитъ, да рядитъ,—а мы все таки будемъ ѣздить по своему». При этомъ Ланской, раскрывъ два пальца правой руки и образовавъ изъ нихъ рогульку, положилъ ее на одинъ палецъ лѣвой руки, а потомъ, подымая и опуская ее нѣсколько разъ, дѣлалъ движенія на подобіе коннаго ѣздока. «Вотъ такъ, вотъ такъ,—твердилъ, улыбаясь, добродушный министръ,—мы ѣздимъ на вашей юстиціи».

Анекдотъ самъ по себѣ пустой, но характеризующій, что такое въ прежнее время была юстиція, и какъ на нее смотрѣла высшая администрація.

Съ своей стороны, III отдѣленіе, при шефѣ жандармовъ графѣ А. Х. Бенкендорфѣ, графѣ А. Ѳ. Орловѣ и другихъ, состоя подъ ближайшимъ управленіемъ генерала Леонтія Васильевича Дуббельта, преслѣдовало, по своимъ понятіямъ, кажущееся зло и, стремясь къ добру, отправляло во многихъ случаяхъ, ничѣмъ не стѣсняясь, функціи судебныхъ мѣстъ.

Такъ, оно опредѣляло вины лицъ по дѣламъ неполитическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе, и какой кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ.

Однимъ словомъ, кругъ дѣятельности III отдѣленія, въ области суда, былъ весьма обширенъ.

Въ подтвержденіе сего припомнимъ дѣла графа Михаила Потоцкаго, князя Потемкина, купца Гуткова и многое множество другихъ.

---

[1]) Панинъ.

Графъ Потоцкій, женившись на простой дворянкѣ Швейковской, выказалъ впослѣдствіи по отношенію къ ней грубые поступки. Вотъ изъ этого началось дѣло, кончившееся тѣмъ, что Потоцкій удаленъ былъ изъ мѣста жительства, а обширныя его имѣнія Тульчинъ и Ольховатское, Подольской губерніи, взяты въ администрацію III отдѣленія, для каковой цѣли чиновникъ оной **** управлялъ ими много лѣтъ.

Князь Потемкинъ, покровитель не въ мѣру Мельпомены и Терпсихоры, владѣя обширными имѣніями въ Курской губерніи, надѣлалъ много долговъ и попалъ подъ вѣдѣніе III отдѣленія. Имѣнія его, по ходатайству сего отдѣленія, прежде удовлетворенія кредиторовъ по купчей, какъ бы слѣдовало, перешли въ собственность графа Рибопьера, а отъ него къ другимъ лицамъ.

Купецъ Гутковъ, жившій въ Петербургѣ, занимаясь торговыми и другими дѣлами, нажилъ себѣ въ короткое время значительное состояніе.

Вотъ въ виду сего III отдѣленіе признало себя вправѣ подвергнуть его допросу о томъ, какъ и чѣмъ онъ нажилъ себѣ состояніе? Объясненія Гуткова показались III отдѣленію неуважительными, и оно признало справедливымъ и себя обязаннымъ доложить государю императору объ отобраніи у него капиталовъ и достоянія и о высылкѣ его изъ Петербурга.

Къ счастію Гуткова, правосудный государь Николай велѣлъ передать дѣло о немъ въ министерство юстиціи.

Министерство, разобравъ дѣло, доложило государю Николаю Павловичу, что нельзя безъ опасенія поколебать основы государства, а равно безъ жалобы съ чьей-либо стороны и помимо суда доискиваться: кто и какъ пріобрѣлъ себѣ состояніе, что всякое, даже незаконное владѣніе охраняется закономъ дотолѣ, доколѣ судомъ не будетъ доказано противное. Вотъ въ виду такихъ истинъ, съ коими, пожалуй, знакомъ теперь едва-ли не каждый гимназистъ, министерство юстиціи, по соглашенію съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, доложило государю Николаю I, что III отдѣленіе не могло домогаться и разыскивать о томъ, какъ купецъ Гутковъ пріобрѣлъ и нажилъ себѣ состояніе.

Случаи подобныхъ дѣйствій III отдѣленія были не рѣдки.

Стремленія сего отдѣленія, съ перваго взгляда, казались, по тогдашнему, для нѣкоторыхъ ограниченныхъ людей похвальны, ибо они имѣли цѣлію оградить гражданъ отъ всякаго могущаго и содѣяннаго зла, но способы и порядки сихъ дѣйствій, не сдерживаемые формами установленнаго суда, для многихъ благонамѣренныхъ людей, для коихъ законы были не пустой звукъ, а святое правило, какъ и слѣдовало ожидать,—были отяготительны, дышали иногда личнымъ произволомъ и навлекали на себя справедливый ропотъ...

Мнѣ разсказывали еще одинъ случай, свидѣтельствующій о вмѣшательствѣ администраціи и о дѣйствіяхъ сословныхъ представителей палатъ

Въ одной изъ палатъ замѣчена была вообще медленность въ ходѣ дѣлъ. Въ видахъ понужденія и неотлагательности рѣшенія оныхъ, посланъ былъ жандармскій офицеръ, коему вмѣнено было въ обязанность не выѣзжать изъ города, гдѣ была палата, до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла.

Явился жандармъ въ палату и настойчиво требовалъ исполненія объявленнаго имъ порученія. Предсѣдатель задумался, какъ быть и что дѣлать? Засимъ велѣлъ принести изъ канцеляріи всѣ дѣла. Поточъ, взявъ одно дѣло и поднеся его къ своимъ глазамъ или, лучше сказать, къ носу, объявилъ: рѣшеніе суда утвердить, и положилъ его на правую сторону. Потомъ взялъ другое дѣло и, дѣлая тѣ-же движенія, заявилъ: рѣшеніе суда отмѣнить. Затѣмъ, при тѣхъ же пріемахъ, началъ быстро откладывать дѣла то направо, то налѣво, вскрикивая: утвердить, отмѣнить и т. д. По окончаніи сего жандармъ уѣхалъ съ донесеніемъ, что всѣ дѣла въ палатѣ рѣшены.

Привожу это, какъ примѣръ, что командированіе лицъ, незнакомыхъ съ судебнымъ дѣломъ, не могло быть полезнымъ,—оно дѣлало власть смѣшною въ глазахъ благомыслящихъ людей. Впрочемъ, хорошъ былъ и предсѣдатель, рѣшавшій дѣла не по разсмотрѣнію, а нюхомъ!

XII.

Агенты Третьяго Отдѣленія въ провинціи *).

...Меня назначили въ Симбирскую губернію.

Откланиваясь графу Бенкендорфу, я просилъ его наставленія, чего я долженъ достичь нравственно, исполняя свою обязанность? Графъ отвѣтилъ:

— «Ваша обязанность—утирать слезы несчастныхъ и отвращать злоупотребленія власти, а обществу содѣйствовать въ согласіи. Если будутъ любить васъ, то вы легко всего достигнете».

— Ваше сіятельство, общество играетъ въ запрещенныя игры—въ карты, долженъ я мѣшаться?

— «А вы любите карты?»

— Нѣтъ.

— «Ну, такъ позволяю вамъ играть въ банкъ до 5 руб., но вы не должны дозволять обыгрывать неопытную юность и хранителя казенныхъ суммъ».

Я далъ честное слово исполнить.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 года; предмѣстника моего полковника М... я не засталъ уже, но засталъ озлобленіе всего общества противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе и нерасположеніе къ голубому мундиру.

Разбирая дѣятельность М... я нашелъ, что онъ совершенно не понималъ своей обязанности: онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалось славою—рыться

---

*) Изъ ст. „Очерки, разсказы и воспоминанія“ Э. И. Стогова. Жизнь и служба въ Симбирскѣ 1834—1839 г. (Русск. Стар. 1878 г. т. XXIII, 637—644, 646, 647—651).

Въ отмѣченные годы Стоговъ служилъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Симбирскѣ. То былъ лихой и умный жандармъ Его бойкіе, живые разсказы даютъ весьма наглядное представленіе, въ чемъ заключалась и къ чему сводилась дѣятельность агентовъ III Отдѣленія въ провинціи.

въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ домашнихъ тайнъ общества. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетенъ и такъ была дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ, хотя это и не было ,обязанностію жандармскаго штабъ-офицера, но М... совался вездѣ. Однимъ словомъ, М... хотѣлось быть страшнымъ и—достигъ общаго презрѣнія!

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Питера до 1.500 верстъ; ѣхать для зимнихъ удовольствій въ столицы—слишкомъ далеко, да тогда и сообщенія были не такія, какъ теперь. Богатаго дворянства много; по необходимости, по окончаніи лѣтнихъ хлопотъ по хозяйству, на зиму всѣ помѣщики группировались въ Симбирскѣ и веселились такъ, какъ уже не веселятся!

Я зналъ по опыту, что тотъ не находилъ любви, кто ее ищетъ; общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ условій общественныхъ и неприкосновеніемъ семейнаго домашняго быта.

Первый визитъ губернатору; онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

— «Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?»

— Содѣйствовать возвышенію власти вашего прев—ства.

— «Какіе ваши планы?»

— Я еще ничего не знаю.

— «Имѣете знакомыхъ?»

— Никого.

— «Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?»

— Только личнаго ко мнѣ уваженія, и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить, я тогда только и буду вамъ полезенъ.

— «Это такъ немного, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностію исполнить».

— Мнѣ болѣе ничего не нужно.

— «Вы, господа жандармы, любите много писать?»

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово показывать вамъ все, что я буду писать, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— «Наши условія такъ несложны, что мнѣ пріятно подать вамъ руку дружбы».

Мы простились. Слышу, всякій день въ городѣ обѣды, балы, но я расчелъ не навязываться на знакомство, дать забыть систему М... Первымъ пріѣхалъ ко мнѣ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія; старикъ узналъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Скоро я сталъ членомъ общества. Скоро я узналъ въ курительныхъ кабинетахъ, что все общество ненавидитъ губернатора, причинъ—безчисленное множество, какъ обыкновенно бываетъ при неудовольствіяхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда и расходятся мнѣнія и причины—какъ радіусы. Въ этомъ случаѣ, оказались два помѣщика: Т. и О.—несомнѣнно люди умные! Я—къ губернатору:

— Васъ здѣсь не любятъ.

— «Это правда».

— Какая причина?

— «Право, не знаю».

— Быть главной властью и быть нелюбимымъ,—непріятно.

— «Непріятно, да что же сдѣлать?»

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависитъ помириться съ обществомъ.

— «Пожалуйста, я на все согласенъ».

— Вы дѣйствительно не знаете причины?

— «Честное слово, не знаю!»

— Т. и О. главные ваши враги, причины неважны; пригласите ихъ, вы сумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— «Очень много вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете какъ мой другъ!»

— Но надѣюсь—вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретѣ.

— «Будьте покойны, я помню наши условія».

Предъ этимъ я нашелъ случай познакомиться съ Т. и видѣлся съ О. Зналъ я, что губернаторъ приглашалъ къ себѣ этихъ господъ утромъ. Вечеромъ я былъ у Т. Холодный поклонъ, молчатъ, отворачиваются. Я притворился сиротинкой и не понимаю, говорю любезности дамамъ. Т. не выдержалъ и въ досадѣ началъ говорить даже оскорбительно:

— «Мы думали, что вы человѣкъ съ характеромъ, и не имѣли нужды скрывать своихъ чувствъ передъ вами, а вы унизились и передали подлецу» и проч.

— Я хотѣлъ согласія, единодушія общества съ властію; если унизился, по вашему, то съ доброю цѣлію. Жалѣю, что я ошибся, но кто не ошибался? Могу я узнать, какая была сцена между вами.

— «Губернаторъ усадилъ насъ въ кабинетъ и сказалъ: господа, между нами есть непріятности, и вы и я имѣемъ обоюдныя причины; полагаю, какъ благородные люди, мы не обязаны давать въ томъ кому бы ни было отчета, но, къ удивленію моему, вы малодушно сообщили жандарму! Ха, ха, ха, да знаете, кто этотъ жандармъ? онъ, по просьбѣ моей, присланъ сюда для моихъ услугъ! Вотъ кому вы довѣрились. Господа, я не отнимаю у васъ права имѣть ко мнѣ неудовольствіе, но будьте-же благородны, дѣйствуйте сами, безъ жалкаго жандарма. Прощайте, я счелъ долгомъ сказать вамъ это».

Каково мнѣ было слушать этотъ монологъ! Я высказался искренно, не имѣя причинъ не вѣрить губернатору; жалѣю, что я обезпокоилъ уважаемыхъ мною людей, но надѣюсь, другой разъ не ошибусь. Мы помирились, согласившись, что губернаторъ... (болѣе чѣмъ человѣкъ нехорошій).

Рано утромъ—я у губернатора. Ласковъ, привѣтливъ, хорошій другъ!

— Не утерпѣли, не сохранили секрета?

— «Языкъ мой—врагъ мой! Кругомъ виноватъ!»

— Ну, по условію—вы губернаторъ, а я жандармъ, но помните, у меня

огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ—куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— «Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; увлекся съ не...ми больше этого не будетъ».

Тутъ пристала страдалица-жена его съ просьбой—простить.

— Такъ и быть, этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но другой разъ не забудемъ!

— «Душою и сердцемъ—согласенъ!»

Вскорѣ повторился другой подобный случай...

Тогда установленной формы для переписки въ корпусѣ жандармовъ не было; армейскіе писали рапортами, такая форма не позволяла вольничать, я принялъ манеру писать: письмами, докладами и простыми записками, но рапорта—никогда! Составилъ письмо къ шефу объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору и объ его безхарактерности и въ концѣ увѣрилъ, что не пройдетъ много времени, какъ выяснится необходимость смѣнить его.

Пришелъ къ губернатору и прямо сказалъ: намъ болѣе говорить нечего! Онъ началъ извиняться, я подалъ ему письмо къ шефу и сказалъ: я далъ слово показать вамъ, что я пишу,—прочтите. Прочитавъ, поблѣднѣлъ и сказалъ:

— «Вы такъ писать не можете!»

— Отчего?

— «Я буду жаловаться на васъ!»

— Тѣмъ лучше, скорѣй объяснятся ваши дѣйствія.

— «Вы не пошлете».

Я кликнулъ жандарма, запечаталъ у губернатора и приказалъ отнести на почту.

Кто такой губернаторъ Z? Онъ былъ въ отставкѣ капитаномъ Преображенскаго полка. 14-го декабря онъ явился къ дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобъ покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и Z за нимъ. Якубовичъ, вмѣсто убѣжденія, говорилъ: «ребята, держись, наша беретъ, трусятъ, ура! Константинъ!», и бунтовщики кричатъ: «ура, Константинъ и супруга его Конституція!» Якубовичъ возвращался и докладываетъ: «изволите слышать, они съ ума сошли, хотѣли въ меня стрѣлять».

Такъ было нѣсколько разъ, и Z всякій разъ ходилъ и одинъ разъ перевязалъ ногу платкомъ, прихрамывая, будто ударили его по ногѣ.

Государь не забывалъ усердія и сказалъ в. к. Михаилу Павловичу: «я видѣлъ усердіе Z., спроси его, чего онъ хочетъ?» В. к. Михаилъ спросилъ: «чего ты хочешь?» тотъ, не задумавшись, отвѣчалъ: желаю быть губернаторомъ.

— «Не много ли это будетъ?»

— Для государя все возможно!

И вотъ Z чрезъ разныя метаморфозы—губернаторъ въ Симбирскѣ. Это я знаю отъ него самого.

Z былъ очень недуренъ собой, средняго роста, строенъ, всегда щеголь, образованія—для гостиной, недурной актеръ. Дѣла, бумаги, для него постороннее.

Застаю Z., подписываетъ кучу бумагъ: «какъ же это вы,—не читаете?»

— «Пробовалъ читать, ничего не понимаю; пробовалъ не читать—все равно; такъ лучше не читать;—результатъ одинъ».

Былъ рекрутскій наборъ; для пріема въ Симбирскѣ пріѣхалъ маіоръ Ю., а для наблюденія въ губерніи флигель-адъютантъ полковникъ К. Высочайше повелѣно: при пріѣздѣ флигель-адъютанта, хотя бы и младшаго чиномъ, жандармскій штабъ-офицеръ обязанъ явиться къ нему; но не позже какъ на другой день, хотя бы генералъ-адъютантъ, обязанъ отдать визитъ. Я вообще былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей, немедля явился къ флигель-адъютанту К.; онъ принялъ меня, какъ петербуржецъ,—вѣжливо, ласково, какъ милый товарищъ. Прошло два дня—не ѣдетъ ко мнѣ, думаю, вѣрно не знаетъ распоряженія. Между безконечными моими разсказами изъ жизни, я напомнилъ К., что онъ обязанъ быть у меня. Онъ расхохотался, любезно назвалъ меня мелочникомъ, и что подобная претензія не достойна меня и проч. Я доказывалъ ему, что моя служебная сила зависитъ отъ наружнаго уваженія ко мнѣ, и увѣрялъ, что не приму его. Не поѣхалъ ко мнѣ К., но мы оставались пріятелями.

Рекрутскій наборъ шелъ; слышу, маіоръ Ю. беретъ взятки, но это тогда была вещь обыкновенная. Нѣсколько помѣщиковъ жаловались мнѣ, что помѣщичьяго рекрута не принимаютъ безъ пяти полуимперіаловъ. Одинъ коротко знакомый мнѣ отдавалъ своего лакея; я видѣлъ его: молодчина, 9-ти вершковъ роста, молодой, красавецъ. Приказавъ вести въ присутствіе, пошелъ и я туда же; дошла очередь до лакея; маіоръ Ю. посадилъ его на полъ спиною къ стѣнѣ, ноги его скосилъ въ одну сторону, и оказалось—одна нога короче, закричалъ: затылокъ! Я, какъ не имѣющій права мѣшаться, молчалъ, но когда совѣтникъ отмѣчалъ въ книгѣ, я шопотомъ попросилъ дать мнѣ выписку, за что обра-
ованъ. Услыхалъ неразумный маіоръ, поднялъ шумъ, заходилъ пѣтухомъ и говорилъ грубости, что всякій тутъ мѣшается и проч. Я, не выронивъ и полслова, напомнилъ тихо предсѣдателю правило на зерцалѣ. Добрякъ предсѣдатель Огневъ остановилъ расходившагося маіора. Я составилъ записку о рекрутѣ и маіорѣ и подалъ флигель-адъютанту К. Онъ объяснилъ мнѣ, что маіоръ родной братъ служащаго и въ большой силѣ при дворѣ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣла маіора Ю., что и мнѣ будутъ непріятности. К. хотѣлъ возвратить мнѣ записку, но у меня были заняты руки, что я не могъ взять записки, и она осталась у К. Одинъ небогатый помѣщикъ, хорошо знакомый, просилъ моего участія сдать рекрута съ небольшимъ изъяномъ. Я своего унтера преобразилъ въ мужика отдатчика, далъ ему пять полуимперіаловъ, четыре мужика при немъ... Унтеру приказано—отдавая деньги маіору, уронить на полъ. Рекрутъ принятъ.

Въ городѣ громко говорили о сценѣ въ присутствіи и удивлялись, какъ

я перенесъ молча. Одинъ только старикъ почтмейстеръ Лазаревичъ, выслушавъ, сказалъ:

— «Господа, та собака, которая не лаетъ, всегда больно кусаетъ, я за маіора и гроша не держу, онъ пропадетъ».

Наборъ конченъ, маіоръ набралъ до 8-ми тысячъ руб., но въ Симбирскѣ же и проигралъ, бѣдный. Я составилъ о всемъ подробную записку и упомянулъ, что К. не отдалъ мнѣ визита.

Въ февралѣ, вечеромъ, пью чай... Буря; мятель страшная; колокольчикъ у воротъ; входитъ холмъ снѣга и говоритъ:

— «Имѣю честь явиться! прошу извиненія, виноватъ кругомъ!»

Это былъ флигель-адъютантъ, полковникъ К. За чаемъ разсказалъ, что его очень бранилъ Бенкендорфъ за неотданіе визита.

— «На балѣ у Фикильмона танцую кадриль съ государыней; только кончилъ, фельдъегеръ подалъ бумагу: ему приказано немедля отвезти меня въ Симбирскъ, а мнѣ своеручно произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ маіора Ю. при рекрутскомъ наборѣ».

Мнѣ предписано содержать подъ строгимъ надзоромъ маіора Ю., до окончанія слѣдствія.

Флигель-адъютантъ К... остановился въ домѣ губернатора. К. не имѣлъ понятія, какъ и приступить къ слѣдствію; Z далъ ему чиновника, служащаго у него по особымъ порученіямъ. На другой день я узналъ, что допрашивалъ и писалъ чиновникъ. Я къ полковнику К. и тутъ сказалъ:

— Говорятъ, что будто бы слѣдствіе дѣлаетъ чиновникъ?

Перепугался, поблѣднѣлъ К., забожился, заклялся честнымъ словомъ и проч., что это неправда. Мнѣ жаль было бѣднягу, я сказалъ, что я удовлетворенъ и вѣрю ему. Привезли маіора Ю. подъ арестомъ унтеръ-офицера и солдата.

Пріѣхалъ графъ Протасовъ; онъ состоялъ при особѣ государя, полковникъ. Удѣльныя имѣнія были разбросаны по всей Россіи; неудобно и дорого было управленіе, предполагалось: удѣльныхъ крестьянъ возвратить въ казну, а симбирскихъ казенныхъ крестьянъ, тысячъ до четырехсотъ, обратить въ удѣльные. Это и поручено было исполнить гр. Протасову... Графъ Протасовъ—добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, но страшный педантъ службы.

Симбирскіе казенные крестьяне—на черноземѣ, на Волгѣ, были богаты, много домовъ крыты тесомъ, синіе кафтаны, красные кушаки—жили привольно. Дѣлаясь удѣльными, становились помѣщичьими — переходъ нерадостенъ! Надобно было быстро и ловко обдѣлать дѣло. Все исполненіе пало на меня. Понявъ любовь гр. Протасова къ крайней аккуратности, я каждый день посылалъ ему отчетъ въ каждомъ часѣ моей дѣятельности *).

---

*) Черезъ нѣсколько времени въ сызранскомъ уѣздѣ произошелъ бунтъ удѣльныхъ. Для усмиренія бунтующихъ былъ приглашенъ, на помощь губернатору, тотъ же Стоговъ. Вотъ какъ онъ самъ описы-

Старшимъ, чванству, я никогда не спускалъ, но часто попадались по жалобамъ секретари, столоначальники, засѣдатели и тому подобные: берутъ взятки—бери, Богъ съ ними, на то они и крапивное сѣмя, а то жадные, возьметъ съ одного и беретъ съ противника, обиженная сторона жалуется. Сейчасъ записку: свидѣтельствуя совершенное почтеніе и проч., имѣю честь просить пожаловать для личныхъ объясненій. Въ залѣ всегда есть просители или знакомые. Приходитъ виновный, я самымъ ласковымъ образомъ говорю, что я затрудняюсь въ одномъ дѣлѣ и обращаюсь къ его опытности; прошу его совѣта и приглашаю въ кабинетъ, двери на замокъ, и тамъ уже объясненія, отъ котораго сойдетъ съ головы мыла три! Видя трусость и раскаяніе, обѣщаніе немедля возвратить обиженному деньги и клятва болѣе такъ не дѣлать,—выходя изъ кабинета, я вѣжливо благодарю его за умный и опытный совѣтъ,—далѣе кабинета не шло. Не помню случая, чтобы были рецидивисты. Цѣль достигалась безъ оскорбленія.

Наступили дворянскіе выборы, съѣзжалось дворянъ до 300. Великодушныхъ (болѣе 100 душъ) въ губерніи было много. Выборы обыкновенно были шумны, бывали и серьезныя ссоры, но я не мѣшался. Я на выборы смотрѣлъ, какъ на дѣло семейное, сегодня ссорятся, а завтра мирятся—только не мѣшать.

Еще до выборовъ, я зналъ, что князь Д. сосваталъ старшую дочь губернскаго предводителя князя Б. Давненько ходили сплетни, что будто бы губернаторъ наряжался старухою и ходилъ на свиданіе къ теперешней невѣстѣ, и что будто такъ хорошо гримировался, что отецъ—князь Б. разъ встрѣтилъ старуху-губернатора и не только не узналъ, но указалъ, что дочь его въ саду. Сплетенъ всегда много въ провинціи, а тѣмъ болѣе въ такомъ большомъ обществѣ; но на этотъ разъ разыгралась весьма серьезная исторія, такъ что я вынужденъ былъ выказать весь авторитетъ моей власти.

Былъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т.; былъ холостой, жилъ въ Симбирскѣ, но числился по иностранной коллегіи. Графъ Т. былъ другомъ Z и,

---

ваетъ это усмиреніе: „Пришелъ во дворъ, всѣ дворы устланы связанными бунтовщиками. „Розогъ! давайте перваго“. Выводятъ старика лѣтъ 70. „Повинуешься?“—„Нѣтъ“.—„Сѣките его“. Старикъ поднялъ голову и проситъ: „батюшка, вели поскорѣй забить!“ Непріятно, да дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло. Наконецъ, старикъ умеръ, я приказалъ мертвому надѣть кандалы. Одинъ за другимъ, 13 человѣкъ засѣчены до смерти, и на всѣхъ кандалы. 14-й вышелъ и говоритъ: „я покоряюсь“. Ахъ, ты негодяй, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и тѣ, которые мертвы, розогъ! Дать ему 300 розогъ!“ Крестьяне были усмирены. Авторъ заканчиваетъ разсказъ такимъ характернымъ разсужденіемъ: „Наказаніе ему (крестьянину), ни по чемъ, оно кратковременно, только не отдавай его піявкамъ полицейскимъ и судейскимъ. Наказаніе онъ считаетъ родительскою наукой, а хозяйственное разореніе — нравственная смерть“... Въ подтвержденіе авторъ сообщаетъ, что сызранскіе мужики приходили послѣ благодарить его за то, что ихъ, благодаря Стогову, не сгноили въ тюрьмѣ. (Ibid., стр. 694, 696—697).

еще болѣе,—другомъ князя Д., жениха. Z похвасталъ мнимою интрижкой съ княжной передъ графомъ Т.; послѣдній, любя князя Д., сообщилъ ему о признаніи губернатора.

Князь Д. былъ отставной гвардеецъ; онъ кавказскій князь и, говорили, владѣтельнаго дома. Князь Д. былъ брюнетъ, хорошаго средняго роста, стройный, одѣвался отчетливо въ черное, говорилъ сквозь зубы, стригся подъ гребенку, молчаливъ, холоденъ, корчилъ Байрона—тогда много было Байроновъ, мода!

Какъ только князь Д. выслушалъ графа Т., тотчасъ же объяснился съ отцомъ княземъ Б. и отказался отъ невѣсты. Невѣста въ глубокомъ обморокѣ, отецъ несчастливъ, князь Д. бѣснуется. Узнаю вечеромъ, что князь Б., какъ губернскій предводитель (кажется, въ теченіе 18-ти лѣтъ), намѣренъ утромъ жаловаться дворянству и просить защиты—старому слугѣ дворянства! Князь Д. клянется разбить рожу губернатору въ соборѣ!

Поздно вечеромъ я нашелъ губернатора въ страшной тревогѣ: онъ слышалъ о намѣреніи князя Б. Зная нерасположеніе къ нему дворянства и какого дворянства—дружнаго, гордаго, симбирскаго,—было отъ чего въ отчаяніе придти! А я прибавилъ о намѣреніи князя Д. Это окончательно сдѣлало губернатора неспособнымъ мыслить! Онъ только и видѣлъ спасеніе въ моей помощи. Но какъ же онъ и просилъ меня спасти его!

Я спросилъ: что побудило его хвастать? онъ отвѣтилъ:

— «Имѣть успѣхъ въ женщинѣ и не разсказать, все равно, что, имѣя андреевскую звѣзду, носить ее въ карманѣ».

Исторія—во всѣхъ отношеніяхъ скверная. Не будь губернаторомъ, то была бы смѣшная, скандальная исторія, но хоть лыкомъ шитъ, а онъ—губернаторъ, власть! Разыграйся глупость,—огорчила бы государя, и на все честное и благородное симбирское дворянство упала бы тѣнь преступленія! Я рѣшился дѣйствовать не для спасенія Z, котораго я уважать не могъ, а для спасенія власти губернатора.

Рано утромъ я былъ въ кабинетѣ губернскаго предводителя и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, я прямо приступилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что ваше сіятельство намѣрены сегодня говорить предъ дворянствомъ и жаловаться на Z?

— «Кто вамъ это сказалъ?—Можетъ быть, неправда».

— Если неправда, то тѣмъ лучше; вамъ остается, князь, дать мнѣ честное слово, что вы говорить не будете, я вамъ повѣрю.

— «Кто вамъ далъ право: требовать отъ меня честное слово и входить въ мои дѣла?»

— Моя обязанность, князь.

— «Въ чемъ она состоитъ?»

— Въ секретной инструкціи, утвержденной государемъ!

— «Я вамъ слова не дамъ и думаю—наши объясненія кончены!»

— Нѣтъ, князь, если не дадите слова, то я дамъ вамъ слово, что вы отсюда не выйдете!

— «Это какъ?»

— Я васъ арестую!

— «Вы имѣете право арестовать губернскаго предводителя?»

— Имѣю право всякаго арестовать, для охраненія власти, ввѣренной государемъ.

— «Вы молоды судить объ оскорбленіяхъ, вы не отецъ!»

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ!

— «Вы знаете эту несчастную исторію?»

— Все подробно знаю и знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣла скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему; пострадаетъ тотъ, кто виною огорченія вашего.

— «Какое вы можете дать ручательство?»

— Честное мое слово, которому я не измѣнялъ во всю жизнь!

— «Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните, вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ!»

— Вамъ нѣтъ исхода, князь: либо вѣрьте моему слову и дайте мнѣ ваше честное слово, либо вы не выйдете отсюда.

Князь заплакалъ и далъ мнѣ честное слово, что говорить передъ дворянствомъ не будетъ. Я успоконвалъ его, какъ умѣлъ. Грустно видѣть старыя слезы оскорбленнаго отца. Разговоръ былъ длиненъ, я записалъ только главные пункты...

Покончивъ съ однимъ княземъ, я посѣтилъ князя Д. Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженной головой, воротнички, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдитъ сквозь зубы—англичанинъ, да и только!

— «Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?»

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашенный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ-за глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчитъ, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то неудобно говорить. Азія немного утихла, и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— «Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?»

Я разсмѣялся и сказалъ: жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— «Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!»

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— «Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?»

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу Z публично?

— «Ну, что же вамъ за дѣло?»

— До рожи Z мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но... п... рожа Z принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, поставленной государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока Z губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— «Кто можетъ остановить меня?»

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— «Какимъ это образомъ?»

— Я прошу васъ, пока Z губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— «А если я вамъ слова не дамъ».

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— «Вы не посмѣете этого сдѣлать!»

— Князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— «Кто далъ вамъ это право?»

— Секретная инструкція, Высочайше утвержденная!.. *).

XIII.

Дѣло Гежелинскаго, управляющаго дѣлами Комитета Министровъ [1]).

Исторія управляющаго дѣлами Комитета министровъ Гежелинскаго надѣлала въ свое время очень много шума. Въ публикѣ мало было лицъ, которыя бы его любили; но тягость осужденія, постигшаго его при важности поста; молва о невѣроятныхъ злоупотребленіяхъ въ Комитетѣ министровъ, которыхъ онъ былъ виною; тайна, съ которою ведено было дѣло; наконецъ, разные преувеличенные, какъ всегда, слухи,—все это вмѣстѣ произвело родъ общаго сотрясенія, долго и послѣ отзывавшагося въ умахъ...

---

*) и т. д. Стогову удалось убѣдить кн. Д. согласиться на извинительное письмо, которое Z долженъ былъ написать и лично передать Д., признавъ въ письмѣ лживость своихъ словъ относительно княжны Б. Инцидентъ былъ такимъ образомъ улаженъ. Бракъ кн. Д. и кн. Б. состоялся. Описаніе инцидента Стоговъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

„Мнѣ остается сказать: я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ. Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли — указъ объ увольненіи губернатора и высочайшее повелѣніе „впредь никуда не опредѣлять“. Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ“.

[1]) Изъ „Записокъ бар. М. А. Корфа“. (Русск. Стар. 1899 г. май, 375—376, 378—379, 386).

21-го декабря [1]) государь получилъ безъименный, мастерски составленный доносъ, надъ которымъ составитель и писецъ—если это были два разныя лица—вѣрно долго трудились: составитель потому, что слогъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго характера и могъ принадлежать одинаково государственному сановнику, такъ и низшему чиновнику, писецъ потому, что на двухъ съ половиною листахъ почеркъ, на образецъ стариннаго, не только былъ совершенно однообразно выдержанъ, но и не представлялъ никакого слѣда особеннаго усилія, или даже вида поддѣлки.

Доносъ начинался такъ:

«Ваше императорское величество, принимая отеческія попеченія къ искорененію зла, существующаго въ дѣлахъ по гражданской части, изволите назначать частыя обревизованія губерній чрезъ г.г. сенаторовъ. Таковыя благодѣтельныя мѣры, если не вовсе искореняютъ зло по губерніямъ, то по крайней мѣрѣ уменьшаютъ оное. Напротивъ того зло, существующее подлѣ васъ, государь, и въ такомъ мѣстѣ, которое имѣетъ вліяніе на все государство, оставаясь многіе годы безнаказанно, превосходитъ нынѣ всякое вѣроятіе! Съ того времени, какъ поручено Гежелинскому управленіе дѣлами Комитета г.г. министровъ, злоупотребленіе и безпорядки водворились въ дѣлахъ Комитета».

Затѣмъ очень пространно исчислялись всѣ упущенія и злоупотребленія обвиняемаго...

Бумаги Гежелинскаго, найденныя въ бюро и на дому у него, числомъ свыше 5.000, не бывъ приготовлены къ формальной сдачѣ, представляли совершенный хаосъ, такъ что и по точнѣйшемъ пересмотрѣ ихъ не было возможности отличить дѣйствительно уже оконченное и исполненное отъ того, что требовало еще производства. Посему надлежало обратиться къ справкамъ съ реестрами, журналами и архивами Комитета; но, по крайнему разстройству и запутанности всѣхъ частей канцеляріи, по совершенному невѣдѣнію чиновниковъ о положеніи дѣлъ—ибо Гежелинскій, сосредоточивая окончательно все въ однѣ свои руки, не посвящалъ никого въ свои тайны—и этого было мало. Пришлось потребовать отъ самихъ министровъ вѣдомости о дѣлахъ, числившихся перѣшенными за Комитетомъ. За всѣмъ тѣмъ, порученіе это было окончено менѣе, нежели въ два мѣсяца, и къ 24-му Февраля 1831 года не оставалось въ Комитетѣ ни одного дѣла старѣе сего года. Въ общемъ результатѣ оказалось:

а) Что 20 высочайшихъ повелѣній, изъ которыхъ два еще 1826 г., были не только не исполнены, но даже и не предъявлены еще Комптету.

б) Что четыре другихъ высочайшихъ повелѣнія не были исполнены по предъявленіи уже ихъ Комитету.

в) Что недоложенныхъ и неоконченныхъ дѣлъ находилось вообще 65, одно еще съ 1813 года, а другія съ 1822 года. Всѣ они были очень важны или, по крайней мѣрѣ, очень многосложны, но изъ нихъ лишь самая меньшая часть давала поводъ подозрѣвать какіе-нибудь личные виды.

---

[1]) 1830 г.

г) Что сверхъ того 46 дѣлъ, также недоложенныхъ или неоконченныхъ, за давно прошедшимъ временемъ, не требовали уже дальнѣйшаго производства.

д) Что огромное множество министерскихъ запросовъ, на которые не было въ свое время отвѣтствовано, слѣдовало, по измѣнившимся обстоятельствамъ и надобности, только пріобщить къ дѣламъ, или, по обыкновенному нашему канцелярскому выраженію, принять къ свѣдѣнію [1]).

XIV.

Картина управленія и суда въ Петербургѣ въ 1842 г. [2]).

Высшее управленіе Петербургской столицы при императорѣ Николаѣ находилось весьма долгое время въ рукахъ такого человѣка, котораго менѣе всего можно было признать къ тому способнымъ. Я говорю о военномъ генералъ-губернаторѣ графѣ Петрѣ Кирилловичѣ Эссенѣ. [3]) Послужной списокъ этого, въ то время уже старца, представлялъ такія блестящія страницы, что, перейди въ потомство однѣ эти страницы, исторія должна была бы поставить Эссена въ рядъ самыхъ примѣчательныхъ людей его вѣка. Изумительно-быстрая карьера, важныя назначенія, самыя щедрыя милости, изливавшіяся на него во все продолженіе его службы,—все это намекало на необыкновенныя дарованія и доблести, на испытанныя опытомъ искусство и знаніе дѣла, даже почти на нѣкоторую геніальность. А между тѣмъ мы, современники, которымъ вполнѣ извѣстна была степень его умственной высоты, искали и находили причину этой необыкновенной карьеры единственно въ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и въ своевольной игрѣ фортуны, такъ часто отворачивающейся отъ людей истинно даровитыхъ и дѣльныхъ и осыпающей своими дарами ничтожность и пустоту. Исторія должна быть неумолима и безпощадна, и потому, при всемъ уваженіи къ памяти человѣка, по своему характеру добраго и незлобиваго, можетъ быть отчасти и храбраго воина, не могу не сказать со всею искренностію, что Эссенъ, въ сущности, былъ самою злою карикатурою на письменный его формуляръ, а карьера его была самою язвительною насмѣшкою надъ людьми, которые мечтаютъ приманить къ себѣ счастіе--сдними достоинствами...

А между тѣмъ этотъ человѣкъ, безъ знанія, безъ энергіи, почти безъ смысла, упрямый лишь по внушеніямъ, состоялъ неограниченно въ рукахъ своего, привезеннаго имъ съ собою изъ Оренбурга, правителя канцеляріи Оводова.

---

[1]) По суду Сената, Гежелинскій былъ приговоренъ за преступленія по службѣ къ лишенію чиновъ и дворянства и разжалованъ въ рядовые.

[2]) Изъ записокъ бар. М. А. Корфа (Русск. Стар. 1899 г. октябрь, 37—38, 39—42, 43).

[3]) Эссенъ, родомъ изъ бѣдной и незначительной лифляндской фамиліи, при полной бездарности, начавъ службу въ Гатчинскихъ войскахъ при Павлѣ I. быстро сдѣлалъ блестящую карьеру. Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ назначенъ въ 1830 г.

человѣка не безъ ума и не безъ образованія, но холоднаго мошенника, у котораго все было на откупу и котораго дурная слава гремѣла по цѣлому Петербургу Эссенъ лично ничего не дѣлалъ, не отъ недостатка усердія, а за совершеннымъ неумѣніемъ, даже не читалъ никакихъ бумагъ, а если и читалъ, то ничего въ нихъ не понималъ; Оводовъ же, избалованный долговременною безотвѣтственностію, давалъ движеніе только тому, что входило въ его интересы и разсчеты. Приносить просьбы или жалобы военному генералъ-губернатору по такимъ дѣламъ, по которымъ его правитель канцеляріи не былъ особо заинтересованъ, ни къ чему не вело, и въ такомъ случаѣ можно было ходить и переписываться цѣлые годы совершенно понапрасну. Зато едва-ли и встрѣчался когда-нибудь въ высшемъ нашемъ управленіи человѣкъ съ такою отрицательною популярностію, какую пріобрѣлъ Эссенъ, сдѣлавшійся, постепенно, мѣтою общаго презрѣнія и явныхъ насмѣшекъ, выражавшихся иногда, разумѣется, иносказательно,—даже и въ печати [1]). Все это, однако, относясь болѣе къ распорядку внутреннему или, такъ сказать, бумажному, оставалось, повидимому, сокрытымъ отъ государя, который, въ отношеніи къ внѣшнему порядку столицы, входилъ самъ во все и, при бодрственной внимательности своей, представлялъ своимъ лицомъ истиннаго высшаго начальника Петербургской столицы.

Въ 1829 году, когда въ Оренбургской губерніи впервые появилась холера, болѣзнь, въ то время еще совершенно новая и неслыханная въ Россіи, туда командированъ былъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ донесъ государю о совершенной неспособности Эссена къ управленію столь важнымъ краемъ, для администраціи котораго преимущественно потребна была умная и сильная воля. Государь подумалъ и назначилъ Эссена с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, зная, что здѣсь мало куда годный старикъ будетъ подъ его рукою и непосредственнымъ надзоромъ, а затѣмъ только терпѣлъ его, по уваженію къ его лѣтамъ, безконечной службѣ и—Андреевской лентѣ. Сверхъ того, внутреннія дѣйствія Петербургской полиціи, извѣстныя дотолѣ лишь ихъ жертвамъ, начали подвергаться болѣе строгому контролю и обслѣдованію только со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Перовскаго. Обревизовавъ лично управу благочинія, новый министръ удостовѣрился въ невѣроятныхъ въ ней безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ и написалъ очень строгую по этому поводу бумагу оберъ-полиціймейстеру Кокошкину. Потомъ онъ обратился къ самому Эссену и, ссылаясь на дурную репутацію Оводова, изъяснилъ, сколько необходимо было бы, для отвращенія дальнѣйшихъ нарсканій, удалить послѣдняго отъ должности. Наконецъ, по докладу Перовскаго объ оставленія безъ отвѣта со стороны военнаго генералъ-губернатора семнадцати, по одному и тому-же дѣлу, отношеній министерства, государь, въ іюнѣ 1842 года, приказалъ сдѣлать Эссену строгій

---

[1]) Такъ въ изданіи, выходившемъ въ 1842 году: „Сплетни“, была статья: „Всевидящее око“ — прямая сатира, направленная противъ Эссена. *(Прим. бар. Корфа).*

выговоръ, а Оводова посадить на гауптвахту на три дня, изъ числа которыхъ онъ просидѣлъ, впрочемъ, только одинъ, ибо на слѣдующій день праздновалось рожденіе императрицы (1-го іюля), что послужило поводомъ его выпустить. Дѣло стало проясняться. Вскорѣ на образъ управленія столицы долженъ былъ пролиться, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ одной его части, судебной—новый еще, всѣхъ ужаснувшій свѣтъ.

По замѣченному въ обоихъ департаментахъ С.-Петербургскаго надворнаго суда чрезвычайному, отъ собственной ихъ вины, накопленію дѣлъ, въ 1837 году признано было за нужное опредѣлить въ сіи департаменты новый комплектъ членовъ и секретарей, а изъ прежнихъ учредить два временные департамента, 3-й и 4-й, на такомъ основаніи, чтобы они окончили всѣ старыя дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ, если же сего не исполнятъ, то продолжали бы свои занятія до совершеннаго окончанія тѣхъ дѣлъ, безъ жалованья.

Двухлѣтній срокъ истекъ въ апрѣлѣ 1839 г. и хотя, по оставленіи затѣмъ членовъ и секретарей 3-го и 4-го департаментовъ при прежнихъ ихъ должностяхъ, безъ окладовъ, надлежало ожидать, что дѣла будутъ скорѣе окончены, однако вышло совершенно противное. Въ 1840 и 1841 годахъ оба департамента были обревизованы вновь назначеннымъ въ Петербургѣ гражданскимъ губернаторомъ Шереметевымъ и однимъ изъ высшихъ чиновниковъ министерства юстиціи, и ревизія ихъ, внесенная графомъ Панинымъ, въ концѣ 1842 года въ Государственный совѣтъ, представила такую картину, которую достаточно будетъ изобразить здѣсь и въ однѣхъ слѣдующихъ, главнѣйшихъ и наиболѣе разительныхъ чертахъ ея.

Въ 3-мъ департаментѣ оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ 375, а неисполненныхъ рѣшеній и указовъ болѣе 1.500. Изъ числа трехъ присутствовавшихъ, судья, по старости лѣтъ и слабому здоровью, занимался чрезвычайно мало, одинъ засѣдатель умеръ, а другой постоянно рапортовался больнымъ и почти никогда не бывалъ въ судѣ. Изъ числа двухъ секретарей одинъ также умеръ, а другой, видя себя обреченнымъ служить неизвѣстное время безъ жалованья, и не находя никакихъ средствъ къ пропитанію большой семьи, упалъ духомъ и при томъ рѣшительно не могъ ничего дѣлать, какъ отъ бездѣйствія и недостатка членовъ, такъ и отъ неповиновенія канцеляріи, которой безнравственность, по выраженію ревизоровъ, превзошла всякое вѣроятіе.

Въ 4-мъ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ оставалось до 600, а счета неисполненнымъ рѣшеніямъ и указамъ никто не зналъ; повѣрить же ихъ число не было возможности, потому что всѣ реестры, книги и проч. находились въ совершенномъ разстройствѣ. Секретарей не было совсѣмъ, и должность ихъ правили повытчики; нравственность канцеляріи была едва ли лучше, чѣмъ въ 3-мъ департаментѣ; члены, хотя и находились налицо, но ревизоры замѣчали, что они «ни мало не стѣсняются обязанностію служить безъ жалованья и готовы оставаться въ семъ положеніи еще на весьма долгое время». Въ обоихъ департаментахъ нѣсколько двигались тѣ дѣла, по которымъ просители имѣли ежедневное и настоятельное хожденіе, прочія-же лежали безъ всякаго производ-

ства и разбора, вокругъ канцелярскихъ столовъ. Въ дѣлахъ конкурсныхъ публикаціи дѣлались вмѣсто того же самаго дня, когда признана была несостоятельность, черезъ нѣсколько послѣ того лѣтъ, а между тѣмъ департаменты распоряжались имуществомъ должника по своему произволу и съ такимъ же произволомъ дѣлили деньги между кредиторами, такъ что нѣкоторые успѣвали исходатайствовать себѣ полное удовлетвореніе, тогда какъ другіе, при тѣхъ же самыхъ правилахъ, не получали ничего. Денежная отчетность была въ такомъ порядкѣ, что о находившейся въ судѣ частной суммѣ до 650.000 руб. потерянъ былъ всякій слѣдъ, кому именно она принадлежала и, вслѣдствіе того, ее хранили подъ названіемъ суммы «неизвѣстныхъ лицъ!» Наконецъ, за всѣ эти дѣйствія, члены 3-го департамента были преданы суду три, а члены 4-го—двадцать четыре раза!

Картина эта здѣсь только очерченная, была тѣмъ ужаснѣе, что мѣсто дѣйствія происходило въ столицѣ, въ центрѣ управленія, почти окно въ окно съ царскимъ кабинетомъ и еще въ энергическое правленіе Николая; и послѣ взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться съ тѣми, которые находили явившіяся незадолго передъ тѣмъ «Мертвыя души» Гоголя одною лишь преувеличенною карикатурою. Сколько долговременный опытъ ни закалилъ престарѣлыхъ членовъ Государственнаго совѣта противъ всевозможныхъ административныхъ ужасовъ, однако и они, при докладѣ этого печальнаго дѣла, были сильно взволнованы и, такъ сказать, внѣ себя. Что же должна была ощущать тутъ юная, менѣе еще ознакомленная съ человѣческими мерзостями душа цесаревича наслѣдника! [1]). Слушая нашъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ... Общее негодованіе увеличивалось еще тѣмъ, что виновные, за всѣ грѣхи ихъ до 16-го апрѣля 1841 года, прикрывались щитомъ милостиваго манифеста, и кара закона могла коснуться ихъ только за послѣднія ихъ дѣйствія...

Во все время происходившихъ объ этомъ сужденій нашъ простодушный военный генералъ-губернаторъ, по обыкновенію своему, совершенно безмолвствовалъ; но это никого не удивило. Что могъ сказать старикъ, всякій день и отовсюду обманываемый, менѣе знавшій о своемъ управленіи, чѣмъ многіе посторонніе, никогда не помышлявшій о мѣрахъ исправленія и, можетъ быть, тутъ лишь впервые услышавшій объ этихъ ужасахъ? Уже только послѣ засѣданія, когда большая часть членовъ разъѣхалась, онъ замѣтилъ мнѣ наединѣ, «что могъ бы сказать многое, да не хотѣлъ напрасно тратить словъ; что и во всѣхъ другихъ здѣшнихъ судахъ такіе же безпорядки; что главною причиною—недостатокъ чиновниковъ, которые не являются даже по вызовамъ черезъ газеты, и что въ управѣ благочинія, можетъ статься, еще хуже».

Между тѣмъ журналъ былъ написанъ мною со всѣмъ жаромъ того справедливаго негодованія, которое выразилось между членами, и я съ горестнымъ

---

[1]) Александра Николаевича, участвовавшаго въ засѣданіяхъ Государственнаго совѣта.

любопытствомъ ожидалъ, когда и какъ сойдетъ меморія отъ государя, скорбя впередъ о впечатлѣніи, которое она произведетъ на его сердце. Дѣйствительно, посвятить всю жизнь, всѣ помыслы, всю энергію мощной души на благо державы и на искорененіе злоупотребленій; неуклонно стремиться къ тому въ продолженіе 17-ти лѣтъ; утѣшаться мыслію, что достигнутъ хотя какой-нибудь успѣхъ и вдругъ—вмѣсто плода всѣхъ этихъ попеченій, усилій, цѣлой жизни жертвъ и заботъ—увидѣть себя передъ такою зіяющею бездною всевозможныхъ мерзостей, бездною, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшеюся постепенно, черезъ многіе годы, невѣдомо ему, передъ самымъ его дворцомъ—тутъ было отъ чего упасть рукамъ, лишиться всякой бодрости, всякаго рвенія, даже впасть въ человѣконенавидѣніе... Это глубокое сокрушеніе и выразилось, хотя кратко, но со всѣмъ негодованіемъ обманутыхъ чаяній, въ собственноручной резолюціи, съ которою возвратилась наша меморія.

«Неслыханный срамъ!—написалъ государь—безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ» *).

Левъ Алексѣевичъ Перовскій, по назначеніи его (въ 1842 году) министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ неутомимую, можно сказать, лихорадочную свою дѣятельность преимущественно на Петербургскую столицу. Вникая во всѣ не только подробности, но и мелочи, онъ сталъ установлять таксы на хлѣбъ и мясо; заводить торговую и рыночную полицію, независимую отъ городской; слѣдить за булочниками, мясниками, аптекарями и даже лавочниками и подвергать ихъ безпрестаннымъ штрафамъ; ревизовать ремесленныя управы; расцѣнивать скотъ на скотопригонной площадкѣ; запрещать продажу товаровъ, къ увеличенію ихъ вѣса, въ толстой оберткѣ; выгонять органы изъ трактировъ; раздавать извозчикамъ нумера и даже обязывать подписками ломовыхъ извозчиковъ взнуздывать лошадей,—словомъ, входилъ во многое, что должно было лежать собственно на квартальномъ, или городовомъ, такъ что многіе недоумѣвали, остается ли у министра, за этими мелочами, сколько-нибудь времени для высшихъ государственныхъ обязанностей. Если отъ всѣхъ этихъ распоряженій и истекала какая-нибудь польза, то, разливаясь на одинъ классъ, она парализировалась и подавлялась для него другими, противодѣйствовавшими ей мѣрами, которыя имѣли въ виду опять пользу втораго класса, точно также стѣснявшагося предназначенными для третьяго, и такъ далѣе. Такимъ образомъ Перовскій, ока-

---

*) Гр. Эссенъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора, съ оставленіемъ членомъ Гос. Сов. Но черезъ три дня, въ день своего тезоименитства, государь, какъ выражается бар. Корфъ, „добрый и въ самой строгости“, утѣшилъ Эссена пожалованіемъ, при милостивомъ рескриптѣ, своего шифра на эполеты и оставленіемъ при немъ всего прежняго содержанія (по 6000 руб. въ годъ).

завшій важныя заслуги по управленію удѣлами, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, успѣлъ напротивъ составить себѣ, въ короткое время, огромную отрицательную популярность. Начальствующіе ненавидѣли его за стараніе отнять у нихъ хотя и противузаконный, но какъ бы освященный временемъ хлѣбъ, а промышленники—за то, что онъ стѣснялъ ихъ промыселъ. Въ Петербургѣ же, въ низшихъ слояхъ его населенія, почти каждый потребитель есть, вмѣстѣ, и промышленникъ, а высшія сословія слишкомъ мало разсчетливы, чтобы оцѣнить такія добрыя намѣренія и начинанія, и невольно приходило иногда на мысль сказанное какъ-то, задолго еще передъ тѣмъ, слово Канкрина, что если въ другихъ государствахъ революціи происходили отъ финансовъ, то въ Россіи онѣ когда-нибудь родятся отъ полиціи... Надобно, впрочемъ, прибавить, что Перовскій дѣйствовалъ во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ не черезъ обыкновенную городскую полицію, которую онъ терпѣть не могъ и всячески преслѣдовалъ, а черезъ свою контръ-полицію, составленную имъ неоффиціально и негласно, изъ разныхъ чиновниковъ особыхъ порученій и мелкихъ послужниковъ, между которыми онъ успѣлъ, какъ думалъ и всѣмъ говорилъ, найти много людей честныхъ и дѣльныхъ. Но и они, однако же, были люди, а Перовскому не было дано волшебной силы однимъ велѣніемъ своимъ пересоздать цѣлое поколѣніе. «Это, бачька, лишній съ насъ баранъ», сказалъ одинъ мордвинъ, когда въ земскій судъ, для удобства мѣстныхъ дѣйствій, прибавили новаго засѣдателя, а въ Петербургѣ было тогда, вмѣсто одной полиціи, цѣлыя три: прежняя, по городскому штату, полиція III-го отдѣленія собственной канцеляріи и контръ-полиція министра внутреннихъ дѣлъ... Отъ городской полиціи мало было помощи: она обыкновенно не находила ни похитителей, ни похищеннаго, и призваніе ея помощи вело обокраденнаго только къ новымъ тратамъ и хлопотамъ. Въ публикѣ она потеряла всякое къ себѣ довѣріе, особенно со времени разнесшихся по городу анекдотовъ, истинныхъ или вымышленныхъ, о томъ, что нѣкоторыя изъ числа краденныхъ вещей находимы были позже въ квартирахъ или на самихъ чинахъ полиціи. Перовскому удалось открыть, посредствомъ тайныхъ его агентовъ, цѣлыя шайки мошенниковъ, давно уже промышлявшія своимъ дѣломъ, если не прямо подъ покровомъ, то, по крайней мѣрѣ, при терпимости полиціи... Этими дѣйствіями, несмотря на ихъ самовластіе, Перовскій пріобрѣлъ болѣе благодарности публики, чѣмъ распоряженіями касательно промышленности, и должно сказать, что агенты министерства дѣйствовали смышленнѣе и успѣшнѣе полицейскихъ. Въ томъ же 1843 году обокрали магазинъ ювелира Шенка на 100.000 р. Друзья совѣтовали ему, разумѣется, заявить объ этомъ полиціи; но онъ махнулъ рукою и пошелъ прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ. Перовскій позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и, отобравъ у него тутъ же разныя нужныя свѣдѣнія, велѣлъ явиться черезъ день; и черезъ день все украденное было возвращено ему въ цѣлости и сполна. Такихъ анекдотовъ разсказывалось много.

XV.

Провинціальная администрація и полиція въ 40-хъ годахъ въ Саратовѣ [1]).

Кому приходилось быть въ Саратовѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, тотъ, конечно, помнитъ его далеко не такимъ, какъ теперь, когда называютъ его столицей Поволжья. Немощеныя улицы этого города были въ лѣтнее время покрыты на четверть пылью, а весной и осенью жидкой грязью на полъ-аршина и именно въ той части города, которая теперь имѣетъ такой благоустроенный и красивый видъ; второстепенныя же улицы были менѣе грязны, потому что значительная часть ихъ заростала густой травой. Главныя улицы имѣли узенькіе деревянные тротуары и изрѣдка стоявшіе фонари, тускло освѣщавшіеся коноплянымъ масломъ. Но все это не особенно затрудняло жителей, потому что почти каждый маленькій чиновникъ имѣлъ лошадь и экипажъ, въ виду крайней дешевизны сельскихъ продуктовъ и возможности имѣть недорогую прислугу изъ оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. О водопроводѣ тогда, конечно, не было и рѣчи, вода развозилась бочками изъ Волги по крутымъ ея берегамъ, а на случай пожара существовали въ нѣсколькихъ частяхъ города какіе-то деревянные съ рѣшетками бассейны, наполненные водой, покрытой вонючей зеленью. Бородатые малограмотные изъ купцовъ городскіе головы, носившіе въ парадныхъ случаяхъ длиннополые кафтаны съ бархатнымъ воротникомъ золотаго шитья, особаго фасона фуражки съ козырькомъ и на боку саблю въ кожаныхъ ножнахъ, разъѣзжая по городской пыли и грязи, почему-то совсѣмъ не обращали вниманія на благоустройство города, хотя Саратовъ со временъ Петра I имѣетъ и донынѣ болѣе 80.000 десятинъ земли. Жалкія зданія полицейскихъ частей съ каланчами были деревянныя, выкрашенныя дикой краской, а полиція, кромѣ полиціймейстера, который назначался въ то время изъ заслуженныхъ штабъ-офицеровъ, отъ комитета о раненыхъ, была въ страшномъ пренебреженіи. Какъ теперь смотрю на мундирные фраки частныхъ приставовъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ при золотыхъ петлицахъ, съ шпаженкой на боку и треуголкой, надѣвавшейся поперекъ головы. Пошлютъ, бывало, къ нему кучера или лакея съ запиской дать имъ полсотни розогъ, да и приложатъ за трудъ синенькую ассигнацію, что даже и не считалось въ то время взяткой, которая всюду безнаказанно существовала. А о квартальныхъ надзирателяхъ, замѣнявшихъ теперешнихъ помощниковъ приставовъ, и говорить нечего,—они брали, гдѣ попало, и довольствовались не только рублевками, но и мелочью. Лучшая нажива для нихъ была во время рекрутскихъ наборовъ, когда раскутившихся рекрутовъ приходилось сажать въ часть, отъ чего они, конечно, откупались; но случалось, что отъ пьяныхъ рекрутовъ доставалось и квартальнымъ. Выхватятъ, бывало, они у кварташки треуголку изъ рукъ да ею его и дуютъ; а онъ отъ нихъ въ своемъ мундирномъ фракѣ улепетываетъ маршъ-маршъ по улицѣ до самой части. Полиція

---

[1]) Изъ ст. „Провинціальные типы сороковыхъ годовъ“. (Записки стараго помѣщика) В. А Шомпулевъ (Русск. Стар. 1898 г. августъ, 321—324, 325—329).

въ то время очень наживалась; пристава, по выходѣ въ отставку, дѣлались домовладѣльцами города, а нѣкоторые изъ нихъ, дослужившись до коллежскаго асессора, который до 1847 года давалъ потомственное дворянство, пріобрѣтали земли и крестьянъ.

Грабежи и разбои подъ Саратовымъ были заурядным явленіемъ и наконецъ стали повторяться настолько часто, что въ самое короткое время были три возмутительныхъ случая, заставившихъ даже проснуться губернскую администрацію. Такъ, въ горахъ, подъ самымъ Саратовымъ, въ прудъ сада купца Громова было подкинуто мертвое тѣло, по поводу котораго частный приставъ Баусъ началъ прижимать его (Громова) и, какъ впослѣдствіи оказалось, взялъ съ него большую взятку. Далѣе на городскомъ выгонѣ, черезъ мостъ была протянута веревка, остановившая казенную почту, и послѣ выстрѣла въ почтальона денежная почта была разграблена. И, затѣмъ, на дачу чиновника Лачинова явилась цѣлая шайка разбойниковъ и, связавши его и его прислужника, разграбила все имущество, увезя на двухъ тройкахъ; и хотя грабители были съ намазанными сажей лицами, но Лачиновъ, служившій ранѣе самъ въ полиціи, узналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и затѣмъ заявилъ подозрѣніе на частнаго пристава Бауса. По разслѣдованіи оказалось, что приставъ Баусъ, хотя самъ въ разбояхъ и не участвовалъ, но укрывая грабителей, отбиралъ себѣ большую часть награбленнаго ими имущества, которое и найдено было въ его участкѣ, въ подземныхъ подвалахъ у загородныхъ вѣтряныхъ мельницъ. Титулярный совѣтникъ Баусъ былъ за это по суду лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь, при существовавшей въ подобныхъ случаяхъ въ то время церемоніи; привезли Бауса на загородную площадь, которая нынѣ уже находится внутри города и называется Митрофановской, и затѣмъ при громадномъ стеченіи народа, на устроенномъ высокомъ черномъ эшафотѣ, послѣ прочтенія стряпчимъ утвержденнаго государемъ о разжалованіи приговора, палачъ въ красной рубахѣ сорвалъ съ плечъ Бауса форменное платье, сломалъ надъ его головой его шпагу и, затѣмъ, давъ ему плюху, надѣлъ на него сѣрый арестантскій кафтанъ, въ которомъ онъ и былъ препровожденъ въ мѣстную тюрьму на черной высокой колесницѣ и подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ.

Послѣ ссылки въ Сибирь частнаго пристава Бауса обнаружились и самые грабители, которыхъ на той же площади и эшафотѣ палачъ сѣкъ плетьми и накладывалъ имъ на лобъ и щеки клейма.

Полицейская должность страшно портила въ то время людей, и бывшіе частные пристава, преобразившіеся впослѣдствіи въ помѣщиковъ, не могли отвыкнуть отъ своихъ наклонностей, развращая и наталкивая крестьянъ на разныя преступленія; причемъ одинъ мой сосѣдъ Н., сынъ также выслужившагося дворянина, не погнушался начать службу съ квартальнаго и, практикуясь на этой должности въ искусствѣ воровства, держалъ однажды пари съ богатымъ купцомъ, любителемъ лошадей, что онъ украдетъ у него цѣннаго жеребца, хотя бы при самомъ строгомъ надзорѣ за лошадью. И дѣйствительно, несмотря на карауливших ее день и ночь конюховъ, лошадь была уведена и, какъ вы-

игрывъ, сдѣлалась собственностью Н., который впослѣдствіи, уже живя въ имѣніи, заставлялъ своихъ крестьянъ въ сильную зимнюю вьюгу, заметавшую слѣдъ, изъ-полу [1]) воровать со степи сосѣднихъ помѣщиковъ сѣно, и когда неумѣлые крестьяне попадались, то онъ сѣкъ ихъ, приговаривая: «воруй да не попадайся». Состояніе его росло съ каждымъ годомъ и онъ сдѣлался подъ конецъ помѣщикомъ даже нѣсколькихъ уѣздовъ. Однажды, по доносу крѣпостнаго кучера его Алексѣя, онъ былъ заподозрѣнъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, но когда въ его имѣніи былъ произведенъ обыскъ, то ничего подозрительнаго не нашли, такъ какъ станки были его дворецкимъ спущены въ прудъ. Доносчика же кучера онъ тутъ же взялъ изъ тюрьмы къ себѣ на поруки, и это дѣло, какъ и многія, было замято. Н. и его отецъ, разбогатѣвъ, были оба женаты на дочеряхъ помѣщиковъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, давшихъ имъ возможность войти въ дворянское общество. Отецъ же Н., не выпуская изъ рукъ нагайки, настолько былъ свирѣпъ въ семействѣ, что когда онъ умеръ, то жена и родственники боялись подходить къ нему, предполагая, что онъ притворился и вскочитъ, чтобы всѣхъ отдуть плетью, такъ какъ ранѣе онъ продѣлывалъ такія штуки, желая заставить собраться къ нему жену и родственниковъ.

Моя матушка была на его похоронахъ, которыя происходили лѣтомъ, и разсказывала, что когда онъ еще лежалъ на столѣ мертвымъ, то дунетъ, бывало въ окно вѣтеръ, шевельнетъ покровъ на покойникѣ, такъ всѣ со страху разбѣгутся, хотя нагайки уже всѣ благоразумно были упрятаны.

Объ этихъ оригинальныхъ помѣщикахъ я упомяну еще, а теперь, продолжая разсказъ о существовавшихъ вообще въ то время порядкахъ, вернусь къ нѣкоторымъ выдающимся случаямъ въ мірѣ бывшей администраціи. Случаи эти особенно хорошо извѣстны мнѣ съ 1846 года, когда я впервые вступилъ на государственную службу въ канцелярію саратовскаго губернатора по уголовному столу. Губернаторомъ въ то время былъ Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ. Ранѣе онъ, въ качествѣ казачьяго атамана, служилъ подъ начальствомъ Перовскаго и участвовалъ съ нимъ въ извѣстной Хивинской экспедиціи, а при назначеніи саратовскимъ губернаторомъ былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Гражданская форма заставила его по прежнимъ порядкамъ ходить съ бритыми усами, что къ нему крайне не шло, такъ какъ онъ не оставлялъ военной того времени прически съ высокимъ чубомъ и висками впередъ. Былъ онъ средняго роста и имѣлъ нѣсколько искривленныя въ сторону ноги отъ короткихъ казачьихъ стремянъ, но при всемъ этомъ былъ крайне симпатиченъ острымъ умомъ, хотя для административныхъ и поступающихъ къ нему на разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ не имѣлъ достаточной подготовки. Поэтому бывшій при немъ правитель канцеляріи Дурасовъ пріобрѣлъ громадное вліяніе на дѣла губерніи, и бывало даже такъ, что онъ нерѣдко требовалъ къ себѣ совѣтниковъ губернскаго правленія и даже секретаря дворянства, которые не-

[1]) Изъ половины добычи.

медленно къ нему и являлись. Уголовнымъ столомъ завѣдывалъ помощникъ правителя канцеляріи, почтенный старичекъ, титулярный совѣтникъ Поповъ, не получившій никакого образованія и начавшій службу въ судебныхъ мѣстахъ съ подкопіиста, а подручнымъ переписчикомъ бумагъ за десять рублей въ мѣсяцъ былъ также нигдѣ не учившійся простой мѣщанинъ Шабалинъ,—которые главнымъ образомъ вмѣстѣ съ Дурасовымъ и вершили судебныя дѣла, представлявшіяся уголовной палатѣ, и другія—на разсмотрѣніе губернатора. За уголовнымъ столомъ вмѣстѣ со мной, безъ всякаго жалованья, занимались еще двое также молодыхъ дворянъ-помѣщиковъ и трое дворянъ, не имѣвшихъ помѣстій. Послѣдніе, продолжая гражданскую службу, дослужились до высшихъ чиновъ, и одинъ изъ нихъ, тайный совѣтникъ, еще недавно ушелъ изъ К. губернаторовъ. Мы же, предназначая себя для службы военной, только на всякій случай желали ознакомиться съ гражданскими дѣлами. Дурасовъ, не будучи самъ дворяниномъ, недружелюбно относился къ намъ и особенно ко мнѣ, возымѣвшему дерзость встрѣчать новый годъ въ дворянскомъ собраніи, а не у него, какъ всѣ прочіе чиновники. Вслѣдствіе этого даже губернаторъ Кожевниковъ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ моими родными, часто поручалъ мнѣ заниматься дѣлами у него въ домѣ, почему мнѣ и пришлось узнать многія интересныя происшествія того времени и быть свидѣтелемъ курьезныхъ случаевъ.

Въ то время раскольники и вообще сектанты сильно преслѣдовались правительствомъ, и многочисленные старообрядческіе скиты въ заволжскихъ, принадлежащихъ тогда Саратовской губерніи, уѣздахъ, по рѣкѣ Иргизу, приказано было закрыть, для чего и были командированы чиновникъ особыхъ порученій Г. и становой приставъ. Оба они были люди бѣдные, и первый изъ нихъ происходилъ изъ купеческой семьи. Скиты эти были извѣстны богатствомъ утвари, но епархіальное начальство получило лишь только старинные образа безъ ризъ, и преданіе говоритъ, что богатство скитовъ перевозилось куда-то по ночамъ на лодкѣ черезъ рѣку, а главный исполнитель, дослужившійся впослѣдствіи до чина коллежскаго асессора и выше, пріобрѣлъ большія вотчины въ одномъ изъ приволжскихъ уѣздовъ Саратовской губерніи. Преслѣдованія старообрядцевъ порождали тогда массу злоупотребленій со стороны чиновнаго люда, и на моихъ глазахъ жандармскій штабъ-капитанъ фонъ-П., измысливъ для себя способъ наживы, явился къ извѣстному старообрядцу старику—купцу Гладкову и, застращавъ немедленнымъ арестомъ, вынудилъ у него крупную сумму денегъ и заставилъ насильно принять православіе. Впослѣдствіи это обнаружилось, и жандармскій офицеръ былъ преданъ суду...

Вернусь теперь снова къ Кожевникову. Губернію онъ принялъ вскорѣ послѣ Фадѣева, человѣка мягкаго и мало обращавшаго вниманія на формалистику, почему многіе дворяне стали отпускать себѣ запрещенные въ то время для привилегированныхъ сословій длинные волосы и бороды, противъ чего Кожевниковъ началъ принимать крутыя мѣры. Передъ очереднымъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ Кожевниковъ просилъ губернскаго предводителя объявить дворянамъ, что длинныхъ волосъ и бородъ онъ не потерпитъ, и что на-

рушители закона въ этомъ случаѣ будутъ на гауптвахтѣ обстрижены и выбриты на барабанѣ. Заявленіе это, конечно, возстановило противъ него дворянъ, и отношенія Кожевникова къ губернскому предводителю тутъ-же стали натянутыми, тѣмъ болѣе, что Кожевниковъ, принявъ губернію, сдѣлалъ визиты только предводителямъ, тогда какъ среди нашего дворянства было много почтенныхъ людей.

Послѣ этого вскорѣ начались различныя демонстраціи: губернское собраніе Кожевникову пришлось открыть пустымъ, такъ какъ большинство дворянъ явились въ собраніе только тогда, когда онъ уѣхалъ домой. Недовольный этимъ и узнавъ, что въ числѣ отсутствовавшихъ въ собраніи былъ временно исправляющій должность уѣзднаго предводителя Г., о которомъ я говорилъ выше, Кожевниковъ потребовалъ его къ себѣ.

Г. на другой же день явился съ той же длинной бородой и растрепанной шевелюрой, но однако же въ дворянскомъ мундирѣ. Въ это время я съ другимъ моимъ коллегой Щ. находился для занятій въ домѣ губернатора, въ сосѣдней съ залой комнатѣ. Увидѣвъ Г. въ передней разъ черезъ годъ послѣ моей съ нимъ ссоры, я къ нему не подходилъ, но по его раскраснѣвшемуся и безъ того багровому лицу и свирѣпымъ глазамъ не могъ не замѣтить, что онъ былъ въ сильномъ возбужденіи. Вскорѣ затѣмъ губернаторъ потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ, находившійся въ угловой комнатѣ за гостинной, гдѣ онъ первые годы имѣлъ обыкновеніе заниматься за конторкой, сидя верхомъ на серебряномъ, усыпанномъ кораллами и бирюзой, казачьемъ сѣдлѣ на высокой подставкѣ. Но не прошло и пяти минутъ какъ послышался какой-то шумъ отъ паденія, и затѣмъ появившійся Г., поспѣшно уходя изъ дома, громко закричалъ своимъ хриплымъ басомъ находившемуся въ передней жандарму и лакею: «скорѣй за докторомъ, губернатору дурно!» Жандармъ и лакей бросились за докторомъ, а мы въ кабинетъ губернатора, гдѣ и нашли Кожевникова только упавшимъ на полъ и старавшимся высвободить ногу изъ стремянъ. Кожевникову мы помогли встать, но всѣ прочія предложенія нашихъ услугъ онъ отклонилъ и отпустилъ насъ домой.

Когда же стремительно уходилъ Г., то намъ показалось, что у него изъ рукава что-то выглядывало. А черезъ нѣсколько дней на балу дворянства Кожевникову пришлось выслушать далеко не любезный отвѣтъ одного изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Арефія Игнатьевича Киселева, которому губернскій предводитель Бахметьевъ, извѣстный скрипачъ и бывшій впослѣдствіи директоръ придворной капеллы, подойдя съ Кожевниковымъ, передалъ, что губернаторъ узнавъ, что Киселевъ хорошо играетъ на бильярдѣ, желалъ бы сыграть съ нимъ партію. Киселевъ, разсердившись, отвѣтилъ: «Вы забываете, Николай Ивановичъ, что бильярдъ не скрипка, а кій не смычекъ, и я концертовъ на немъ не даю и кромѣ того съ людьми незнакомыми не играю!» Сказавъ это, Киселевъ, отвернувшись, ушелъ. Такой поступокъ повлекъ за собой весьма крупныя для Киселева непріятности, такъ какъ впослѣдствіи онъ былъ почему-то заподозрѣнъ въ масонствѣ и сочиненіи разныхъ пасквилей на губернскихъ властей, за что и былъ съ двумя жандармами отвезенъ въ Вятку. Но эта административная ссылка

продолжалась весьма недолго, и послѣ нея Арефій Игнатьевичъ постоянно жилъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, пока Кожевниковъ оставался саратовскимъ губернаторомъ. Киселевъ былъ родственникомъ любимцу императора Николая Павловича, министру государственныхъ имуществъ графу Киселеву, и едва-ли даже не приходился ему роднымъ дядей.

XVI.

Вятскій губернаторъ Тюфяевъ. Полиція въ Вяткѣ въ 30-хъ г.г. XIX ст. [1]).

Вятскій губернаторъ не принялъ меня, а велѣлъ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ десять часовъ.

Въ залѣ утромъ я засталъ исправника, полицмейстера и двухъ чиновниковъ; всѣ стояли, говорили шопотомъ и съ безпокойствомъ посматривали на дверь. Дверь растворилась и взошелъ небольшого роста плечистый старикъ съ головой, посаженной на плечи какъ у бульдога, большія челюсти продолжали сходство съ собакой, къ тому же онѣ какъ-то плотоядно улыбались; старое и съ тѣмъ вмѣстѣ пріапическое выраженіе лица, небольшіе, быстрые, сѣренькіе глазки и рѣдкіе прямые волосы дѣлали невѣроятно гадкое впечатлѣніе.

Онъ сначала сильно намылилъ голову исправнику за дорогу, по которой вчера ѣхалъ. Исправникъ стоялъ съ нѣсколько опущенной, въ знакъ уваженія и покорности головою, и ко всему прибавлялъ, какъ это встарь дѣлали слуги: «Слушаю, ваше превосходительство».

Послѣ исправника онъ обратился ко мнѣ. Дерзко посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— «Вы, вѣдь, кончили курсъ въ московскомъ университетѣ?»

— Я кандидатъ.

— «Потомъ служили?»

— Въ кремлевской экспедиціи.

— «Ха, ха, ха—хорошая служба! вамъ, разумѣется, при такой службѣ былъ досугъ пировать и пѣсни пѣть. Аленицынъ!»—закричалъ онъ.

Взошелъ молодой, золотушный человѣкъ.

— «Послушай, братецъ, вотъ кандидатъ московскаго университета, онъ, вѣроятно, все знаетъ, кромѣ службы; его величеству угодно, чтобъ онъ у насъ поучился. Займи его у себя въ канцеляріи и докладывай мнѣ особо. Завтра вы явитесь въ канцелярію въ девять утромъ, а теперь можете идти. Да, позвольте, я забылъ спросить, какъ вы пишете?»

Я сразу не понялъ.—«Ну, то есть почеркъ».

— У меня ничего нѣтъ съ собой.

— «Дай бумаги и перо»,—и Аленицынъ подалъ мнѣ перо.

---

[1]) А. И. Герценъ, „Былое и думы“, соч. изд. Павленкова, т. II, 174—176, 179, 182—184, 187—188, 192—198.

Описанныя Герценомъ ниже событія относятся ко времени ссылки его въ Вятку въ 1835—37 г.г.

— Что же я буду писать?

— Что вамъ угодно,—замѣтилъ секретарь,—напишите: А по справкѣ оказалось.

— «Ну, къ государю переписывать вы не будете»,—замѣтилъ, иронически улыбаясь, губернаторъ.

Я еще въ Перми многое слышалъ о Тюфяевѣ, но онъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Что и чего не производитъ русская жизнь!

Тюфяевъ родился въ Тобольскѣ. Отецъ его чуть ли не былъ сосланъ и принадлежалъ къ бѣднѣйшимъ мѣщанамъ. Лѣтъ тринадцати молодой Тюфяевъ присталъ къ ватагѣ бродящихъ комедіантовъ, которые слоняются съ ярмарки на ярмарку, пляшутъ на канатѣ, кувыркаются колесомъ и пр. Онъ съ ними дошелъ отъ Тобольска до польскихъ губерній, потѣшая православный народъ. Тамъ его, не знаю почему, арестовали и, такъ какъ онъ былъ безъ вида, его, какъ бродягу, отправили пѣшкомъ при партіи арестантовъ въ Тобольскъ. Его мать овдовѣла и жила въ большой крайности, сынъ клалъ самъ печку, когда она развалилась; надобно было пріискать какое-нибудь ремесло; мальчику далась грамота, и онъ сталъ наниматься писцомъ въ магистратѣ. Развязный отъ природы и изощрившій свои способности многостороннимъ воспитаніемъ въ таборѣ акробатовъ и въ пересыльныхъ арестантскихъ партіяхъ, съ которыми прошелъ съ одного конца Россіи до другого, онъ сдѣлался лихимъ дѣльцомъ.

Въ началѣ царствованія Александра въ Тобольскъ пріѣзжалъ какой-то ревизоръ. Ему нужны были дѣловые писаря, кто-то рекомендовалъ ему Тюфяева. Ревизоръ до того былъ доволенъ имъ, что предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Тогда Тюфяевъ, у котораго, по собственнымъ словамъ, самолюбіе не шло дальше мѣста секретаря въ уѣздномъ судѣ, иначе оцѣнилъ себя и съ желѣзной волей рѣшился сдѣлать карьеру.

И сдѣлалъ ее. Черезъ десять лѣтъ мы уже его видимъ неутомимымъ секретаремъ Канкрина, который тогда былъ генералъ-интендантомъ. Еще годъ спустя, онъ уже завѣдуетъ одной экспедиціей въ канцеляріи Аракчеева, завѣдывавшей всею Россіей; онъ съ графомъ былъ въ Парижѣ во время занятія его союзными войсками.

Тюфяевъ все время просидѣлъ безвыходно въ походной канцеляріи и à la lettre не видалъ ни одной улицы въ Парижѣ. День и ночь сидѣлъ онъ, составляя и переписывая бумаги, съ достойнымъ товарищемъ своимъ К.

Канцелярія Аракчеева была въ родѣ тѣхъ мѣдныхъ рудниковъ, куда работниковъ посылаютъ только на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что если оставить долѣе, то они мрутъ. Усталъ, наконецъ, и Тюфяевъ на этой фабрикѣ приказовъ и указовъ, распоряженій и учрежденій и сталъ проситься на болѣе спокойное мѣсто. Аракчеевъ не могъ не полюбить такого человѣка, какъ Тюфяевъ, безъ высшихъ притязаній, безъ развлеченій, безъ мнѣній, человѣка формально честнаго, снѣдаемаго честолюбіемъ и ставящаго повиновеніе въ первую добродѣтель людскую. Аракчеевъ наградилъ Тюфяева мѣстомъ вице-губернатора. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ ему далъ пермское воеводство.

Губернія, по которой Тюфяевъ разъ прошелъ по веревкѣ и разъ на веревкѣ, лежала у его ногъ.

Власть губернатора вообще растетъ въ прямомъ отношеніи разстоянія отъ Петербурга, но она растетъ въ геометрической прогрессіи въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянства, какъ въ Перми, Вяткѣ и Сибири. Такой-то край и былъ нуженъ Тюфяеву.

Тюфяевъ былъ восточный сатрапъ, но только дѣятельный, безпокойный, во всё мѣшавшійся, вѣчно занятый. Тюфяевъ былъ бы свирѣпымъ комиссаромъ конвента въ 94 году, какимъ-нибудь Карье.

Развратный по жизни, грубый по натурѣ, не терпящій никакого возраженія, его вліяніе было чрезвычайно вредно. Онъ не бралъ взятокъ, хотя состояніе себѣ такн составилъ, какъ оказалось послѣ смерти. Онъ былъ строгъ къ подчиненнымъ; безъ пощады преслѣдовалъ тѣхъ, которые попадались, а чиновники крали больше, чѣмъ когда-нибудь. Онъ злоупотребленіе вліяній довелъ до-нельзя; напр., отправляя чиновника на слѣдствіе, разумѣется, если онъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, говорилъ ему, что, вѣроятно, откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику, если-бъ открылось что-нибудь другое.

Въ Перми все еще было полно славою Тюфяева, у него тамъ была партія приверженцевъ, враждебная новому губернатору, который, какъ разумѣется, окружилъ себя своими клевретами...

И вотъ этотъ-то почтенный ученикъ Аракчеева и достойный товарищъ К., акробатъ, бродяга, писарь, секретарь, губернаторъ... брался теперь пріучать меня къ службѣ.

Зависимость моя отъ него была велика. Стоило ему написать какой-нибудь вздоръ министру, меня отослали бы куда-нибудь въ Иркутскъ. Да и зачѣмъ писать? Онъ имѣлъ право перевести въ какой-нибудь дикій городъ Кай или Царево-Санчурскъ безъ всякихъ сообщеній, безъ всякихъ рессурсовъ. Тюфяевъ отправилъ въ Глазовъ одного молодого поляка за то, что дамы предпочитали танцовать съ нимъ мазурку, а не съ его превосходительствомъ...

Канцелярія безъ всякаго сравненія была хуже тюрьмы. Не матеріальная работа была велика, а удушающій, какъ въ собачьемъ гротѣ, воздухъ, воздухъ этой затхлой среды и страшно глупая потеря времени, вотъ что дѣлало канцелярію невыносимой. Аленицынъ меня не тѣснилъ, онъ былъ даже вѣжливѣе, чѣмъ я ожидалъ, онъ учился въ казанской гимназіи и въ силу этого имѣлъ уваженіе къ кандидату московскаго университета.

Въ канцеляріи было человѣкъ двадцать писцовъ. Большей частью люди безъ малѣйшаго образованія и безъ всякаго нравственнаго понятія, дѣти писцовъ и секретарей, съ колыбели привыкнувшіе считать службу средствомъ пріобрѣтенія, а крестьянъ почвой, приносящей доходъ; они продавали справки, брали двугривенные и четвертаки, обманывали за стаканъ вина, унижались, дѣлали всякія подлости. Мой камердинеръ пересталъ ходить въ бильярдную, говоря, что чиновники плутуютъ хуже всякаго, а проучить ихъ нельзя, потому что они о ф и ц е р ы [1]).

[1]) Т. е. имѣли гражданскій чинъ, соотвѣтствовавшій военному офицерскому.

Вотъ съ этими-то людьми, которыхъ мой слуга не билъ только за ихъ чинъ, мнѣ приходилось сидѣть ежедневно отъ 9 до 2 утра и отъ 5 до 8 часовъ вечера...

Просидѣвши день цѣлый въ этой галерѣ, я приходилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупѣніи всѣхъ способностей и бросался на диванъ, изнуренный, униженный и неспособный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельѣ [1]) съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и съ замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ волент, дѣлалъ, что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять слѣдуетъ идти и завтра опять, мною тотчасъ овладѣвало бѣшенство и отчаяніе, и я пилъ вино и водку для утѣшенія.

А тутъ еще придетъ кто-нибудь изъ сослуживцевъ посидѣть отъ скуки, погуторить, пока до узаконеннаго часа идти на службу...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, впрочемъ, канцелярія сдѣлалась нѣсколько полегче...

Министерство внутреннихъ дѣлъ было тогда въ припадкѣ статистики; оно велѣло вездѣ завести комитеты и разослало такія программы, которыя врядъ возможно ли было бы исполнить гдѣ-нибудь въ Бельгіи или Швейцаріи; при этомъ всякія вычурныя таблицы съ maximum и minimum, съ средними числами и разными выводами изъ десятилѣтнихъ сложностей (составленными по свѣдѣніямъ, которыя за годъ передъ тѣмъ не собирались!), съ нравственными отмѣтками и метеорологическими замѣчаніями.

На комитетъ и на собираніе свѣдѣній денегъ не назначалось ни копейки; все это слѣдовало дѣлать изъ любви къ статистикѣ, черезъ земскую полицію, и приводить въ порядокъ въ губернаторской канцеляріи. Канцелярія, заваленная дѣлами, земская полиція, ненавидящая всѣ мирныя и теоретическія занятія, смотрѣли на статистическій комитетъ, какъ на ненужную роскошь, какъ на министерскую шалость; однако, отчеты надобно было представить съ таблицами и выводами.

Это дѣло казалось безмѣрно труднымъ всей канцеляріи; оно было просто невозможно; но на это никто не обратилъ вниманія, хлопотали о томъ, чтобъ не было выговора. Я обѣщалъ Аленицыну приготовить введеніе и начало, очерки таблицъ, съ краснорѣчивыми отмѣтками, съ иностранными словами, съ цитатами и поразительными выводами, если онъ разрѣшитъ мнѣ этимъ тяжелымъ трудомъ заниматься дома, а не въ канцеляріи. Аленицынъ переговорилъ съ Тюфяевымъ и согласился.

Начало отчета о занятіяхъ комитета, въ которомъ я говорилъ о надеждахъ и проектахъ, потому что въ настоящемъ ничего не было, тронули Аленицына до глубины душевной. Самъ Тюфяевъ нашелъ, что мастерски написано. Тѣмъ и окончились труды по части статистики, но комитетъ дали въ мое завѣдываніе. На бар-

---

[1]) Крутицкія жандармскія казармы въ Москвѣ.

щину переписки бумагъ меня больше не гоняли, и мой пьяненькій столоначальникъ сдѣлался почти подчиненное мнѣ лицо. Аленицынъ требовалъ только, изъ какихъ-то соображеній высшаго приличія, чтобъ я на короткое время заходилъ всякій день въ канцелярію.

Для того, чтобъ показать всю мѣру невозможности серьезныхъ таблицъ, я упомяну свѣдѣнія, присланныя изъ заштатнаго города Кая. Тамъ между разными нелѣпостями было: «утопшихъ—2, причины утопленія неизвѣстны—2», и въ графѣ суммъ выставлено «четыре». Подъ рубрикой чрезвычайныхъ происшествій значится слѣдующій трагическій анекдотъ: «Мѣщанинъ такой-то, разстроивъ горячительными напитками свой умъ, повѣсился». Подъ рубрикой о нравственности городскихъ жителей было написано: «Жидовъ въ городѣ Каѣ не находилось». На вопросъ, не было ли ассигновано суммъ на постройку церкви, биржи, богадѣльни? Отвѣты шли такъ: «На постройку биржи ассигновано было—не было»...

Дружба наша (съ Тюфяевымъ) продолжалась недолго. Тюфяевъ скоро догадался, что я не гожусь въ «высшее» вятское общество.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ мною недоволенъ, черезъ нѣсколько другихъ онъ меня ненавидѣлъ, и я не только не ходилъ на его обѣды, но вовсе пересталъ къ нему ходить. Проѣздъ наслѣдника спасъ меня отъ его преслѣдованій, какъ мы увидимъ послѣ.

При томъ необходимо замѣтить, что я рѣшительно ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить сначала его вниманіе и приглашеніе, потомъ гнѣвъ и немилость. Онъ не могъ вынести во мнѣ человѣка, державшаго себя независимо, но вовсе не дерзко; я былъ съ нимъ всегда en régle, онъ требовалъ подобострастія.

Онъ ревниво любилъ свою власть, она ему досталась трудовой копейкой, и онъ искалъ не только повиновенія, но вида безпрекословной подчиненности. По несчастью, въ этомъ онъ былъ національненъ.

Помѣщикъ говоритъ слугѣ: молчать, я не потерплю, чтобъ ты мнѣ отвѣчалъ.

Начальникъ департамента замѣчаетъ, блѣднѣя, чиновнику, дѣлающему возраженіе: вы забываетесь, знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите?

У Тюфяева была живучая, затаенная ненависть ко всему аристократическому, ее онъ сохранилъ отъ горькихъ испытаній. Для Тюфяева каторжная канцелярія Аракчеева была первой гаванью, первымъ освобожденіемъ. Прежде начальники не предлагали ему стула, употребляя его на мелкія коммиссіи. Когда онъ служилъ по интендантской части, офицеры по-армейски преслѣдовали его, и одинъ полковникъ вытянулъ его на улицѣ въ Вильнѣ хлыстомъ... Все это взошло и назрѣло въ душѣ писаря; теперь, губернаторомъ, его чередъ тѣснить, не давать стула, говорить ты, поднимать голосъ больше, чѣмъ нужно, а иной разъ отдать подъ судъ столбовыхъ дворянъ.

Изъ Перми Тюфяевъ былъ переведенъ въ Тверь. Дворянство, при всей уступчивости и при всемъ раболѣпіи, не могло вынести Тюфяева. Они упросили министра Блудова удалить его. Блудовъ назначилъ его въ Вятку.

Тутъ онъ снова очутился въ своей средѣ. Чиновники и откупщики, заводчики и чиновники — раздолье, да и только. Все трепетало его, все вставало передъ нимъ, все поило его, все давало ему обѣды, все глядѣло въ глаза; на свадьбахъ и именинахъ первый тостъ предлагали «за здравіе его превосходительства!»...

Гоголь приподнялъ одну сторону занавѣсы и показалъ намъ русское чиновничество во всемъ безобразіи его; но Гоголь невольно примиряетъ смѣхомъ, его огромный комическій талантъ беретъ верхъ надъ негодованіемъ. Сверхъ того, въ колодкахъ русской цензуры онъ едва могъ касаться печальной стороны этого подземелья, въ которомъ куются судьбы бѣднаго русскаго народа...

Чиновничество царитъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Руси и въ Сибири; тутъ оно раскинулось безпрепятственно, безъ оглядки... даль страшная, всѣ участвуютъ въ выгодахъ, кража становится res publica. Самая власть царская не можетъ пробить эти подснѣжныя, болотистыя траншеи изъ топкой грязи. Всѣ мѣры правительства—ослаблены, всѣ желанія—искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано, и все съ видомъ вѣрноподданническаго раболѣпія и съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ формъ.

Сперанскій пробовалъ облегчить участь сибирскаго народа. Онъ ввелъ всюду коллегіальное начало; какъ будто дѣло зависѣло отъ того, какъ кто крадетъ— по одиночкѣ или шайками. Онъ сотнями отрѣшалъ старыхъ плутовъ и сотнями принялъ новыхъ. Сначала онъ нагналъ такой ужасъ на земскую полицію, что мужики брали деньги съ чиновниковъ, чтобы не ходить съ челобитьемъ. Года черезъ три чиновники наживались по новымъ формамъ не хуже, какъ по старымъ...

По сю сторону Уральскаго хребта дѣла дѣлаются скромнѣе, и несмотря на то, я томы могъ бы наполнить анекдотами о злоупотребленіяхъ и плутовствѣ чиновниковъ, слышанными мною въ продолженіе моей службы въ канцеляріи и столовой губернатора.

— Вотъ былъ профессоръ-съ—мой предшественникъ,—говорилъ мнѣ въ минуту задушевнаго разговора вятскій полицмейстеръ, — ну, конечно, эдакъ жить можно, только на это надобно родиться-съ, это въ своемъ родѣ, могу сказать, Сеславинъ, Фигнеръ,—и глаза хромого маіора, за рану произведеннаго въ полицмейстеры, блистали при воспоминаніи славнаго предшественника.

— Показалась шайка воровъ, недалеко отъ города; разъ, другой, доходитъ до начальства: то у купцовъ товаръ ограбленъ, то у управляющаго по откупамъ деньги взяты. Губернаторъ въ хлопотахъ, пишетъ одно предписаніе за другимъ. Ну, знаете, земская полиція трусъ; такъ какого-нибудь воришку связать да представить она умѣетъ, а тамъ шайка, да и пожалуй съ ружьями. Земскіе ничего не сдѣлали. Губернаторъ призываетъ полицмейстера и говоритъ:

— «Я, молъ, знаю, что это вовсе не ваша должность, но ваша распорядительность заставляетъ меня обратиться къ вамъ».

Полицмейстеръ прежде ужъ о дѣлѣ былъ наслышанъ.

— Генералъ, — отвѣчаетъ онъ, — я ѣду черезъ часъ. Воры должны быть тамъ-то и тамъ-то, я беру съ собой команду, найду ихъ тамъ-то и тамъ-то и черезъ два-три дня приведу ихъ въ цѣпяхъ въ губернскій острогъ. Вѣдь, это Суворовъ-съ у австрійскаго императора! Дѣйствительно: сказано, сдѣлано, — онъ ихъ такъ и накрылъ съ командой, денегъ не успѣли спрятать, полицмейстеръ все взялъ и представилъ воровъ въ городъ.

Начинается слѣдствіе, полицмейстеръ спрашиваетъ:—Гдѣ деньги?

— «Да мы ихъ тебѣ, батюшка, сами въ руки отдали»,—отвѣчаютъ двое воровъ.

— Мнѣ?—говоритъ полицмейстеръ, пораженный удивленіемъ.

— «Тебѣ,—кричатъ воры,—тебѣ».

— Вотъ дерзость-то,—говоритъ полицмейстеръ частному приставу, блѣднѣя отъ негодованія; да вы, мошенники, пожалуй, увѣрите, что я вмѣстѣ съ вами грабилъ. Такъ вотъ я вамъ покажу, каково марать мой мундиръ; я уланскій корнетъ и честь свою не дамъ въ обиду!

Онъ ихъ сѣчь,—признавайся да и только, куда деньги дѣли? Тѣ сначала свое. Только какъ онъ велѣлъ имъ закатить на двѣ трубки, такъ главный-то изъ воровъ закричалъ: «Виноваты, деньги прогуляли».

— Давно бы такъ, — говоритъ полицмейстеръ,—а то несешь вздоръ такой, меня, братъ, нескоро надуешь.

— «Ну, ужъ точно, намъ у вашего благородія надобно учиться, а не вамъ у насъ. Гдѣ намъ!» —пробормоталъ старый плутъ, съ удивленіемъ поглядывая на полицмейстера.—А, вѣдь, онъ за это дѣло получилъ Владиміра въ петлицу.

— Позвольте,—спросилъ я, перебивая похвальное слово великому полицмейстеру,—что же это значитъ: на двѣ трубки?

— Это такъ у насъ, домашнее выраженіе. Скучно, знаете, при наказаніи, ну, такъ велишь сѣчь да и куришь трубку, обыкновенно къ концу трубки и наказанію конецъ; ну, а въ экстренныхъ случаяхъ велишь иной разъ и на двѣ трубки угостить пріятеля. Полицейскіе привычны, знаютъ, примѣрно, сколько.

Объ этомъ Фигнерѣ и Сеславинѣ ходили цѣлыя легенды въ Вяткѣ. Онъ чудеса дѣлалъ. Разъ, не помню по какому поводу, пріѣзжалъ ли генералъ-адъютантъ какой или министръ, полицмейстеру хотѣлось показать, что онъ не даромъ носилъ уланскій мундиръ, и что кольнетъ шпорой не хуже другого свою лошадь. Для этого онъ адресовался съ просьбой къ одному изъ Машковцевыхъ, богатыхъ купцовъ того края, чтобъ онъ ему далъ свою сѣрую, дорогую верховую лошадь. Машковцевъ не далъ.

— Хорошо,—говоритъ Фигнеръ,—вы эдакой бездѣлицы не хотите сдѣлать по доброй волѣ, я и безъ вашего позволенія возьму лошадь.

— «Ну, это еще посмотримъ!»—сказало злато.

— Ну и увидите,—сказалъ булатъ.

Машковцевъ заперъ лошадь, приставилъ двухъ караульныхъ. На этотъ разъ полицмейстеръ ошибется.

Но въ эту ночь, какъ нарочно, загорѣлись пустые сараи, принадлежавшіе откупщикамъ и находившіеся за самымъ Машковцевымъ домомъ. Полицмейстеръ и

полицейскіе дѣйствовали отлично; чтобъ спасти домъ Машковцева, они даже разобрали стѣну конюшни и вывели, не опаливши ни гривы, ни хвоста, спорную лошадь. Черезъ два часа полицмейстеръ, парадируя на бѣломъ жеребцѣ, ѣхалъ получать благодарность особы за примѣрное потушеніе пожара. Послѣ этого никто не сомнѣвался въ томъ, что полицмейстеръ все можетъ сдѣлать.

Рядомъ съ этимъ хищнымъ чиновникомъ, я покажу вамъ и другую противоположную породу—чиновника мягкаго, сострадательнаго, ручного.

Между моими знакомыми былъ одинъ почтенный старецъ, исправникъ, отрѣшенный по сенаторской ревизіи отъ дѣлъ. Онъ занимался составленіемъ просьбъ и хожденіемъ по дѣламъ, что именно было ему запрещено. Человѣкъ этотъ, начавшій службу съ незапамятныхъ временъ, воровалъ, подскабливалъ, наводилъ ложныя справки въ трехъ губерніяхъ, два раза былъ подъ судомъ и пр. Этотъ ветеранъ земской полиціи любилъ разсказывать удивительные анекдоты о самомъ себѣ и своихъ сослуживцахъ, не скрывая своего презрѣнія къ выродившимся чиновникамъ новаго поколѣнія.

— Это такъ, вертопрахи,—говорилъ онъ;—конечно, они берутъ, безъ этого жить нельзя, но, то-есть, эдакъ ловкости или знанія закона и не спрашивайте. Я разскажу вамъ для примѣра объ одномъ пріятелѣ. Судьей былъ лѣтъ двадцать, въ прошедшемъ году помре, вотъ былъ голова! И мужики его лихомъ не поминаютъ, и своимъ хлѣба кусокъ оставилъ. Совсѣмъ особенную манеру имѣлъ. Придетъ, бывало, мужикъ съ просьбицей, судья сейчасъ пускаетъ къ себѣ, такой ласковый, веселый.

— Какъ, дискать, дядюшка, твое имя и батюшку твоего какъ звали?

Крестьянинъ кланяется. — «Ермолаемъ, [illegible]олъ, батюшка, а отца Григорьемъ прозывали».

— Ну, здравствуйте, Ермолай Григорьевичъ, изъ какихъ мѣстъ Господь несетъ?

— «А мы Дубиловскіе».

— Знаю, знаю. Мельницы-то, кажись, ваши вправо отъ дороги—отъ трахта.

— «Точно, батюшка, мельницы общинныя наши».

— Село зажиточное, землица хорошая, черноземъ.

— «На Бога не жалобимся, нешто, кормилецъ».

— Да, вѣдь, оно и нужно. Небось у тебя, Ермолай Григорьевичъ, семейка не малая?

— «Три сыночка, да дѣвки двѣ, да во дворъ къ старшей принялъ молодца, пятый годокъ пошелъ».

— Чай ужъ и внучата завелись?

— «Есть точно небольшое дѣло, ваша милость».

— И слава Богу! Плодитесь и умножайтесь... Охъ, затолковался я съ тобой. Служба, Ермолай Григорьевичъ, царская, пора въ судъ. Что у тебя дѣльцо, что-ли?

— «Точно, ваша милость, есть».

— Ну, что такое? повздорили что-нибудь? поскорѣе, дядя, разсказывай, пора ѣхать.

— «Да что, отецъ родной, бѣда подъ старость лѣтъ пришла... Вотъ въ самое-то Успленье были мы въ питейномъ, ну, и крупно поговорили съ сусѣдскимъ крестьяниномъ,—такой безобразный человѣкъ, нашъ лѣсъ крадетъ. Только поговоримши, онъ размахнулся да меня кулакомъ въ грудь. «Ты, молъ, въ чужой деревнѣ не дерись»—говорю я ему, да хотѣлъ, такъ, то-есть, примѣръ сдѣлать, тычка ему дать, да съ пьяну что-ли, или нечистая сила, прямо ему въ глазъ; ну, и попортилъ, то-есть, глазъ, а онъ со старостой церковнымъ сейчасъ къ становому,—хочу, дескать, судъ по формѣ».

Во время разсказа, судья — что ваши петербургскіе актеры! — все становится серьезнѣе, глаза эдакіе сдѣлаетъ страшные и ни слова.

Мужикъ видитъ и блѣднѣетъ, ставитъ шляпу у ногъ и вынимаетъ полотенце, чтобъ обтереть потъ. Судья все молчитъ и въ книжкѣ листочки перевертываетъ.

— «Такъ вотъ я, батюшка, къ тебѣ и пришелъ»,—говоритъ мужикъ не своимъ голосомъ.

— Чего жъ я могу сдѣлать тутъ? Экая причина! И зачѣмъ же это прямо въ глазъ?

— «Точно, батюшка, зачѣмъ,.. врагъ попуталъ».

— Жаль, очень жаль! Изъ чего домъ долженъ погибнуть! Ну, что семья безъ тебя останется? все молодежь; а внучата мелкота, да и старушку-то твою жаль.

У мужика начинаютъ ноги дрожать.—«Да что же, отецъ родной, къ чему же это я себя угодилъ?»

— Вотъ, Ермолай Григорьевичъ, читай самъ... или того, грамота-то не далась? Ну, вотъ видишь «о членовредителяхъ» статья... Наказавши плетьми, сослать въ Сибирь на поселенье.

— «Не дай разориться человѣку! Не погуби христіанина! Развѣ нельзя какъ?»...

— Экой ты какой! Развѣ супротивъ закона можно идти? Конечно, все дѣло рукъ человѣческихъ. Ну, вмѣсто тридцати ударовъ, мы назначимъ эдакъ пяточекъ.

— «Да то-есть въ Сибирь-то?»...

— Не въ нашей, братецъ ты мой, волѣ.

Тащитъ мужикъ изъ-за пазухи кошелекъ, вынимаетъ изъ кошелька бумажку, изъ бумажки два—три золотыхъ и съ низкимъ поклономъ кладетъ ихъ на столъ.

— Это что, Ермолай Григорьевичъ?

— «Спаси, батюшка».

— И полно, полно! что ты это? Я, грѣшный человѣкъ, иной разъ беру благодарность. Жалованье у меня малое, поневолѣ возьмешь; но принять, такъ было бы за что. Какъ я тебѣ помогу? Добро бы ребро или зубъ, а то прямо въ глазъ! Возьмите денежки ваши назадъ.

Мужичекъ уничтоженъ.

— Развѣ вотъ что: поговорить мнѣ съ товарищами, да и въ губернію отписать? Неравно дѣло пойдетъ въ палату, тамъ у меня есть пріятели, все сдѣлаютъ; ну, только это люди другого сорта, тутъ тремя лобанчиками не отдѣлаешься.

Мужикъ начинаетъ приходить въ себя.

— Мнѣ, пожалуй, ничего не давай, мнѣ семью жаль; ну, а тѣмъ меньше двухъ сѣренькихъ и предлагать нечего.

— «То-есть какъ передъ Богомъ, ума не приложу, гдѣ это достать такую палестину денегъ—четыреста рублевъ—время же какое?»

— Я такъ и самъ думаю, что оно трудновато... Вѣдь, и въ Сибири люди живутъ. Тебѣ же не Богъ вѣсть какъ далеко идти... Подумай, Григорьичъ, время терпитъ, пообождемъ до завтра, а мнѣ пора,—прибавляетъ судья и кладетъ въ карманъ лобанчики, отъ которыхъ отказался, говоря:—это вовсе лишнее, я беру только, чтобъ васъ не обидѣть.

На другое утро, глядь, старый жидъ тащитъ разными крестовиками да старинными рублями рублевъ триста пятьдесятъ ассигнаціями къ судьѣ.

Судья обѣщаетъ печься объ дѣлѣ; мужика судятъ, судятъ, стращаютъ, а потомъ выпустятъ съ какимъ-нибудь легкимъ наказаніемъ или съ совѣтомъ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнымъ, или съ отмѣткой: «оставить въ подозрѣніи», и мужикъ всю жизнь молитъ Бога за судью.

— Вотъ какъ дѣлали въ старь, — приговаривалъ отрѣшенный отъ дѣлъ исправникъ,—на чистоту!..

...Вятскіе мужики вообще не очень выносливы. Зато ихъ и считаютъ чиновники ябедниками и безпокойными. Настоящій кладъ для земской полиціи, это—вотяки, мордва, чуваши; народъ жалкій, робкій, бездарный. Исправники даютъ двойной окупъ губернаторамъ за назначеніе ихъ въ уѣзды, населенные финнами.

Полиція и чиновники дѣлаютъ невѣроятныя вещи съ этими бѣдняками.

Землемѣръ ли ѣдетъ съ порученіемъ черезъ вотскую деревню, онъ непремѣнно въ ней останавливается, беретъ съ телѣги астролябію, вбиваетъ шестъ, протягиваетъ цѣпь. Черезъ часъ вся деревня въ смятеніи. «Межемѣрія, межемѣрія!»—говорятъ мужики съ тѣмъ видомъ, съ которымъ въ 12-мъ году говорили: «французъ, французъ!» Является староста поклониться съ міромъ. А тотъ все мѣряетъ и записываетъ. Онъ его проситъ не обмѣрить, не обидѣть. Землемѣръ требуетъ двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собираютъ деньги — и землемѣръ ѣдетъ до слѣдующей вотской деревни *)...

---

*) И т. д. Герценъ приводитъ еще много красочныхъ примѣровъ, характеризующихъ дѣятельность вятской полиціи. Что касается судьбы губернатора Тюфяева, то онъ, во время проѣзда черезъ Вятку наслѣдника Александра Николаевича (путешествіе съ Жуковскимъ по Россіи и Сибири въ 1837 г.) сдѣлалъ оплошность. Въ своемъ усердіи, что бы все было въ порядкѣ, онъ приказалъ въ Орловѣ (уѣздн. гор. въ Вят. губ.) разобрать полы у одной вдовы, владѣлицы небольшого дома, отказавшейся починить тротуары передъ домомъ. Вдова не остановилась передъ подачей наслѣднику жалобы. Черезъ три недѣли Тюфяевъ получилъ чистую отставку, къ ликованію и злорадству нелюбившаго его вятскаго чиновничества.

XVII.

Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства [1]).

Во Владимірской губерніи есть старинный городъ—Переяславль Залѣсскій. На окраинѣ этого древняго города, на небольшомъ холмѣ, возвышающемся надъ болотистой мѣстностью, расположенъ мужской второклассный Даниловъ монастырь, окруженный съ лицевой стороны очень высокой каменной оградой. При входѣ въ этотъ монастырь, въ былое время, прежде всего бросалось въ глаза каменное, когда-то выбѣленное, но отъ времени утратившее свою бѣлизну небольшое зданіе, именуемое духовнымъ правленіемъ. Этому правленію подчинено было духовенство двухъ уѣздовъ: Переяславскаго и Александровскаго, со всѣми монастырями въ этихъ уѣздахъ находящимися—мужскими и женскими.

Около зданія означеннаго правленія во всякое время года толпились съ ранняго утра лица духовнаго званія обоего пола. Вдовы духовенства въ черныхъ платкахъ на головахъ и съ готовыми слезами на глазахъ; священники, діаконы и пономари въ присвоенномъ ихъ званію одѣяніи. Всѣ они пріѣзжали изъ своихъ деревенскихъ уголковъ, конечно, не по доброй своей волѣ, а въ силу крайней вопіющей необходимости, такъ какъ въ духовномъ правленіи сосредоточивались и вершились дѣла лицъ духовнаго сословія. Главнымъ воротилой въ дѣлахъ духовнаго правленія былъ «повытчикъ». Онъ для духовенства былъ сила великая: и прокуроръ, и адвокатъ!

Наши личныя воспоминанія о Переяславскомъ духовномъ правленіи относятся къ концу пятидесятыхъ годовъ. Въ эти годы правленскимъ повытчикомъ былъ нѣкій Иванъ Андреичъ Тихонравовъ, предсѣдателемъ или первоприсутствующимъ правленія—настоятель Переяславскаго Никитинскаго монастыря архимандритъ Нифонтъ и членами—четыре священника.

Но, несмотря на относительную многочисленность состава правленія, главной пружиной и пульсомъ его—былъ повытчикъ. Къ нему обращались всѣ просители, и голосъ его въ правленіи не только не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но имѣлъ перевѣсъ надъ всѣми голосами членовъ присутствія. Особенно доходны были для повытчика дѣла судебныя между членами причтовъ, а также и о разныхъ прегрѣшеніяхъ и погрѣшностяхъ духовныхъ лицъ, въ родѣ неправильности въ записи браковъ, ошибки въ метрикахъ и прочее. При духовномъ правленіи существовала канцелярія, наполненная приказными, положеніе которыхъ, повидимому, было самое незавидное. Самъ повытчикъ получалъ содержанія семь рублей въ мѣсяцъ, а приказные отъ 2 р. 50 к. до пяти коп. въ мѣсяцъ. Но несмотря на все это, Тихоправовъ имѣлъ собственный большой домъ, а приказные—собственныя хижинки...

Съ ранняго утра почти каждодневно у воротъ двора повытчика можно было видѣть духовенство, стоявшее безъ шапокъ, съ разными приношеніями. То были просители, которымъ онъ, заикаясь, скороговоркой говорилъ: «Ладно,

---

[1]) Н. Соловьевъ (Русск. Стар. 1898 г. августъ, 383 и сл).

ладно, разберу, ступай домой». Конечно, чрезъ день или два являлась противная сторона тоже съ посулами и поклонами. Когда приносимое съ обѣихъ сторонъ было равное, то повытчикъ давалъ слѣдующій совѣтъ: «Ну, ну, дурачье, что ругаетесь, живите въ ладу». Тѣмъ дѣло и кончалось. Въ противномъ случаѣ назначались слѣдствія, повальные опросы свидѣтелей, и изъ чистыхъ пустяковъ слагались кляузныя дѣла, составлявшія значительный доходъ повытчика.

Но болѣе капитальные, положительные и строго опредѣленные доходы у всего состава правленія, т. е. у членовъ, повытчика и у приказныхъ были въ сентябрѣ и въ январѣ каждаго года. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ духовенство сдавало въ правленіе такъ называемыя духовныя исповѣдныя росписи, а въ январѣ метрическія книги и всю церковную экономическую отчетность. Означенные мѣсяцы были праздникомъ для всего духовнаго правленія. Одновременно со сдачею отчетовъ духовенство привозило и своихъ дѣтей въ духовное училище: въ сентябрѣ, послѣ лѣтнихъ каникулъ, и въ январѣ, послѣ рождественскихъ праздниковъ. Въ это время около правленія толкотня была невообразимая, и пьянство приказныхъ весьма изрядное.

При сдачѣ отчетовъ требовалось одно непремѣнное условіе, уплатить въ пользу правленія по рублю съ каждыхъ ста душъ, въ приходѣ значившихся. Деньги эти дѣлились не только между всѣми служащими въ правленіи, но часть ихъ повытчикъ отвозилъ въ духовную консисторію, въ которую представлялась вся отчетность духовныхъ правленій. Насколько причты обременены были поборами въ пользу приказныхъ, можно видѣть изъ того, что до семидесятыхъ годовъ взималось въ консисторіи по одному рублю за каждый брачный обыскъ, что подчистки, помарки и описки въ книгахъ,—все это облагалось взятками разныхъ размѣровъ какъ въ духовныхъ правленіяхъ, такъ и въ консисторіяхъ.

Какъ только выпадалъ снѣгъ и устанавливался санный путь, котораго правленіе и консисторскіе приказные ждали, какъ манны съ неба, приказная братія, соблюдая строгую очередь, отправлялась собирать «новь». Одна очередь чиновниковъ ѣздила съ ноября до Рождества, другая—съ половины января до Благовѣщенія. Приказные, обыкновенно вдвоемъ, обзаводились лошаденкой и устраивали своеобразныя повозки, столь извѣстныя духовенству того времени.

Я, какъ сейчасъ, передъ собою вижу слѣдующую картину изъ своего ранняго дѣтства. Зимнія сумерки, мой батюшка въ сараѣ готовитъ кормъ скоту, къ крыльцу нашего дома подъѣзжаетъ рогожная повозка, изъ которой вылѣзаетъ полупьяная особа правленскаго приказнаго. Матушка спѣшитъ въ сарай оповѣстить батюшку о прибытіи гостя. Батюшка съ сердцемъ оставляетъ свое дѣло и ворча про себя спѣшитъ въ домъ. Приказный начинаетъ привѣтствіемъ, за которымъ слѣдуютъ розсказни, новости, сплетни, причемъ ублаготворяется чаемъ, водкой, закуской, а на прощанье полтиной и мѣрой ржи и овса. Этотъ заѣзжій гость, начавъ со священника, навѣщаетъ всѣхъ членовъ причта, у всѣхъ угощается, получаетъ подаяніе и отправляется въ слѣдующее село. Не успѣетъ причтъ проводить правленскаго приказнаго, наѣзжаетъ болѣе дальній гость, приказный консисторскій, который также угощается и ублаготворяется подая-

ніемъ. За приказными въ скоромъ времени появляются консисторскіе сторожа, все за тѣмъ же подаяніемъ. Сухой пріемъ правленскихъ или консисторскихъ приказныхъ для нелюбезныхъ и экономныхъ членовъ причта навлекалъ непріятности, ибо какъ ни ничтожны были господа приказные, но и они могли вредить и вредили духовенству по службѣ. Бывали случаи, что по интригамъ приказной мелюзги священники переводились съ хорошихъ на худшіе приходы, а гостепріимные—изъ плохихъ приходовъ на хорошіе. Конецъ всѣмъ этимъ безобразіямъ, если и не въ полной степени, то во всякомъ случаѣ въ достаточной, положенъ реформами Александра II, коснувшимися и нашего духовенства.

Скажемъ два-три слова о судьбѣ Тихонравова. Столь строгій къ своимъ подчиненнымъ, повытчикъ самъ соблазнился прелестями міра—возлюбилъ ромъ и игру въ трынку и дошелъ до того, что ключъ отъ присутствія оставлялъ у себя, причемъ заставлялъ не только членовъ, но и самого предсѣдателя правленія о. архимандрита Нифонта дожидать прихода его, повытчика, въ канцелярію по часу и болѣе. Все это возмутило терпѣливаго Нифонта, и онъ написалъ епископу Іустину, что повытчикъ настолько ведетъ себя непочтительно въ отношеніи предсѣдателя и членовъ правленія, что ходитъ въ присутствіе въ халатѣ и во время засѣданій садится, обратясь къ нимъ спиною. Это донесеніе принято въ уваженіе, и Тихонравовъ переведенъ былъ во Владимірскую консисторію на должность столоначальника. Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; а затѣмъ вскорѣ послѣдовало распоряженіе объ уничтоженіи духовныхъ правленій. Оставшіеся за штатомъ правленскіе приказные до конца дней своихъ ходили по своему бывшему повытью, прося на пропитаніе у сельскихъ священниковъ. Ходили эти несчастные уже не какъ власть надъ духовенствомъ имѣющіе, но какъ нищіе, не имѣющіе пропитанія.

XVIII.

Письмо опытнаго чиновника сороковыхъ годовъ младшему собрату, поступающему на службу [1]).

Милостивый государь,

Любезный другъ!

Узнавши, что вы вступили на службу государю и его сіятельству, я хотѣлъ-бы, чтобъ вы сдѣлались не только способнымъ и дѣльнымъ чиновникомъ, но заставили бы всѣхъ признавать васъ за таковаго; я хотѣлъ бы, чтобъ вы быстро пошли впередъ и скоро сдѣлались бы государственнымъ человѣкомъ.—Для того, чтобъ достигнуть этой цѣли, я вмѣняю себѣ въ обязанность, какъ опытный чиновникъ, изложить вамъ, какъ новичку, всѣ правила, по которымъ вы постоянно должны дѣйствовать на служебномъ поприщѣ.

Вотъ они:

---

[1]) А. С. Зарудный (Русск. Стар. 1899 г. декабрь, 543—546).

1) Начинайте съ азбуки: заучите хорошенько выраженія: ваше превосходительство и ваше сіятельство; съ этихъ словъ начинайте, этими словами кончайте фразу, когда вы обращаетесь къ милостивому начальству.

2) Кланяйтесь начальству вашему тѣмъ ниже, чѣмъ выше стоитъ оно въ порядкѣ чиноначалія, и давайте подчиненнымъ для пожатія тѣмъ меньшее количество пальцевъ правой руки, чѣмъ ниже стоятъ они въ порядкѣ подчиненности.

3) Не надѣйтесь столько на способности свои, сколько на протекцію. Несмотря на всѣ ваши достоинства, старайтесь укрыться подъ крылышко этой благодѣтельной волшебницы; если у васъ есть протекція,—вы геній, вы на все способны, вы скоро пойдете впередъ, но если у васъ протекціи нѣтъ:—вы дуракъ набитый, вы ровно никуда не годитесь, вы рѣшительно ничего не знаете, вы никогда не выиграете по службѣ.

4) Не думайте сдѣлаться значительнымъ лицомъ, служивши постоянно въ одномъ мѣстѣ, нѣтъ: старайтесь шнырять изъ одного мѣста въ другое, изъ канцеляріи губернатора въ Комитетъ министровъ, изъ Комитета въ Министерство; оттуда въ Сенатъ, и вѣрно скоро прыгнете въ вице-директоры.

5) Говорите всегда, что у васъ есть дѣла, но не говорите, въ чемъ состоятъ они, давайте замѣтить, что это тайна; подумаютъ, что вы постоянно заняты государственными дѣлами; просителей выслушивайте терпѣливо, но отвѣчайте имъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: дѣло ваше разсматривается, въ докладѣ, дано предложеніе, посланъ указъ, и т. п.

6) Если вы хорошо работаете, но не кричите, что у васъ бездна дѣлъ, то вы нисколько не выиграете въ общемъ мнѣніи; кричите, что вы завалены работой, между тѣмъ какъ другіе ничего не дѣлаютъ, что вы работаете день и ночь; берите всегда домой портфель, наполненный бумагами, и хотя дома вы можете заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, но говорите, что занимаетесь дѣлами.

7) Старайтесь всѣ дѣла сваливать на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кричите, что всѣ на васъ сваливаютъ дѣла, давая тѣмъ замѣтить, что всѣ считаютъ васъ за дѣльнаго, опытнаго и работающаго чиновника. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы заставите всѣхъ считать васъ за дѣльнаго чиновника; между тѣмъ какъ хваливши себя прямо, вы заставили бы всѣхъ смѣяться надъ вами... [1]).

10) Отписывая дѣла, заглушите врожденное въ васъ чувство справедливости, и пусть незнакомо для васъ будетъ состраданіе къ несчастному и потому:

а) никогда не старайтесь держать сторону истины, когда вооруженная противъ нея ложь сильнѣе и прикрыта законными формами; этимъ навлечете на себя только подозрѣніе: нѣтъ, въ такихъ случаяхъ отказывайте всегда, держите сторону сильнаго и прослывете правдивымъ чиновникомъ.

б) Не обращайте никогда столько вниманія на существо дѣла, сколько на лица, въ немъ участвующія.

---

[1]) Опускаемъ пункты 8—9.

в) Никогда не дѣлайте того, что нужно дѣлать, а дѣлайте то, что желаетъ высшее начальство.

г) Откажитесь отъ собственнаго взгляда на вещи, усвойте себѣ взглядъ начальниковъ вашихъ, не имѣйте мыслей своихъ, развивайте только мысли начальниковъ и постарайтесь все, даже почеркъ вашъ, сдѣлать сколько можно болѣе похожимъ на ихъ почеркъ.

д) Никогда не говорите опредѣлительно на основаніи такого-то закона, говорите неопредѣленно: на законномъ основаніи.

11) Не отписывайте скоро дѣлъ, пусть они полежатъ нѣсколько времени, тогда вы иногда сами можете замѣтить свою ошибку при первой отпискѣ, но всегда дадите замѣтить другимъ, что дѣла ваши затруднительны, что они требуютъ большихъ соображеній, и что вы глубоко вникаете въ нихъ; если вы скоро будете отписывать бумаги, другіе скажутъ, что ваши занятія очень легки, и что вы ни во что не входите, какъ слѣдуетъ.

12) Если въ головѣ у васъ есть предположеніе, клонящееся къ усовершенствованію закона, судопроизводства или судоустройства, къ упрощенію порядка и хода дѣлъ, не старайтесь привести мысли своей въ исполненіе,— Боже васъ сохрани! вы прослывете новаторомъ, безпокойнымъ и безтолковымъ человѣкомъ. Сохраните эту мысль на случай, если васъ спросятъ объ этомъ. Развивая новую идею людямъ, закоренѣлымъ въ пагубномъ рутинизмѣ, грубомъ застоѣ и захирѣніи, вы только затрудните ихъ, и потому мысли вашей не дадутъ хода, а послѣ вамъ нечего будетъ отвѣчать на циркулярное предписаніе, и вы прослывете дуракомъ.

13) Осторожно, предусмотрительно и соразмѣрно употребляйте выраженія: подвергаю на благоусмотрѣніе вашего сіятельства; имѣю честь донести, увѣдомить, сообщить, увѣдомляю, сообщаю, извѣщаю, поставляю въ извѣстность, объявляю, предписываю, приказываю, и старательно различайте милостиваго государя отъ его превосходительства.

14) Если по дѣлу открылось какое-нибудь упущеніе или безпорядокъ, и отъ васъ требуютъ объясненіе, никогда не сознавайтесь виновнымъ и пишите объясненіе, какъ можно длиннѣе, непонятнѣе и запутаннѣе; никто не прочтетъ его, но увидѣвъ, что вы написали много, признаютъ васъ правымъ.

15) Еще одинъ совѣтъ: читайте переписанныя бумаги по вашей части и ходите на службу всегда въ униформѣ и черныхъ панталонахъ, чтобъ не спросили васъ, какъ меня когда-то: «читаете ли вы бумаги по вашей части внимательно?» и не сказали бы, указывая на цвѣтныя панталоны: «такъ въ департаментъ нельзя приходить».

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

XIX.

Лексиконъ дореформенной полиціи [1]).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Розгословіе.

Порка—пороть—сѣчь.

Глаголы, спрягавшіеся становыми приставами:

Выпороть, отпороть, запороть. (До смерти запорю!).

Выдрать, дерку задать. (Я тебѣ такую дерку задамъ, что ты у меня на двѣнадцати языкахъ заговоришь!).

Отодрать.

Вздуть. Взодрать. Вздрючить. Вздрючка. Вздрючку задать.

Взбутетенить.
Взъерепенить. } Употреблялись становыми приставами.

Взъерихонить. (Употреблялось въ училищахъ духовнаго вѣдомства).

Выхлестать.
Отхлестать.
Похлестать. } Глаголы сельскаго начальства.

Баню задать. (Такую баню задамъ—небо съ овчинку покажется!..)

Березовой лапшой угостить. (Въ воспитательныхъ заведеніяхъ).

Брюки примѣрить. (Употреблялось въ мужскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ).

Ж... побезпокоить.
Ж... навѣстить.
Ж... потревожить.
Ж... разрумянить. } Употреблялось при наказаніи лицъ женскаго пола.

Ж... съ праздникомъ поздравить.

Память къ ж... пришить.

Жару задать. (Я тебѣ такого жару задамъ—ты у меня до новыхъ вѣниковъ не забудешь!).

Ж... росписать.

Глаголы дѣйствительные полицейскаго вѣдомства до реформы.

Отпотчивать.
Отжарить.
Отжварить.
Освѣжить.
Отштандорить.
Оттрезвонить, трезвону задать.
Отлупить.
Отлущить.
Отрапортовать.
По ж... прогуляться.
Подбодрить.
Попугать.
Поучить.
Порки спустить.
Прописать.
Разложить.

---

[1]) И. Ѳ. Горбуновъ (Русск. Стар. 1891 г. сентябрь, 645—647).

Отчехвостить. Распороть.
Отбарабанить. Растянуть.
Рѣпицу заголить (для воспитанниковъ младшаго класса).
Съ казенной части взыскать. (Употреблялось въ казармахъ).
Спрыснуть (для воспитанниковъ младшаго класса).
Шкуру содрать. } Эти глаголы примѣнялись къ дворникамъ и
Шкуру спустить. } извозчикамъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Самоуправство.

Для всѣхъ православныхъ христіанъ, не избавленныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

Морду разбить. Въ морду!
» растыкать. Въ зубы!
» расквасить. Въ гробъ заколочу!
» починить. Изобью!
Зубы вышибить. Съѣмъ!
» раздробить. Въ бараній рогъ согну!
По зубамъ съѣздить.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Брадоиздраніе и власоисхищеніе.

Я тебѣ бороду по волосику выщипаю!
Вся борода твоя у меня въ рукахъ останется!
Береги свою бороду!
Всѣ волосы въ бородѣ твоей сосчитаю!
Я тебѣ виски выдеру!
Я тебя за волосы оттаскаю!
А ты его за волостное правленіе, да въ нижній земскій судъ! (т. е. возьми за волосы и пригни долу).

XX.

Колыбельная пѣсня.

Стих. Некрасова [1]).

Спи, пострѣлъ, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки—

---

[1]) „Колыбельная пѣсня“ была напечатана впервые въ „С.-Петербургскомъ Сборникѣ“ въ 1846 г. Шефъ жандармовъ, гр. Орловъ находилъ, что это стихотвореніе предосудительнаго содержанія, и что цензура не должна была его пропускать. Оказалось, что грозный попечитель Петерб. округа, Мусинъ-Пушкинъ, самъ пропустилъ стихи, находя, что въ нихъ осмѣивается порокъ, „распространяющійся, къ несчастію, въ Россіи, и на искорененіе котораго нѣтъ другого средства, какъ нравственный бичъ“. (Лемке, Николаевскіе жандармы, 105—107).

Правду пропою,
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный кликъ:
Твой отецъ подъ судъ попался—
Явныхъ тьма уликъ.
Но отецъ твой—плутъ извѣстный—
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю.
Подрастешь—и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамѣренъ,
За добро стою!»
Спи—твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю.
Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выйду—
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострѣлъ, пока невинный!
Баюшки-баю.
Тихъ и кротокъ, какъ овечка,
И крѣпонекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ—
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.
Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ
И вдругъ станешь баринъ важный,
Русскій дворянинъ.
Заживешь и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновникъ мой прекрасный!
Баюшки-баю.

XXI.

Опись градоначальникамъ г. Глупова (1731—1826 г.) [1]).

1) *Клементій,* Амадей Мануиловичъ. Вывезенъ изъ Италіи Бирономъ, герцогомъ Курляндскимъ, за искусную стряпню макаронъ; потомъ, будучи внезапно произведенъ въ надлежащій чинъ, присланъ градоначальникомъ. Прибывъ въ Глуповъ, не только не оставилъ занятія макаронами, но даже многихъ усиленно къ тому принуждалъ, чѣмъ себя и воспрославилъ. За измѣну битъ въ 1734 году кнутомъ и, по вырваніи поздрей, сосланъ въ Березовъ.

2) *Ѳерапонтовъ,* Ѳотій Петровичъ, бригадиръ. Бывшій брадобрей онаго же герцога Курляндскаго. Многократно дѣлалъ походы противъ недоимщиковъ и столь былъ охочь до зрѣлищъ, что никому безъ себя сѣчь не довѣрялъ. Въ 1738 г. бывъ въ лѣсу, растерзанъ собаками.

3) *Великановъ,* Иванъ Матвѣевичъ. Обложилъ въ свою пользу жителей данью по три копѣйки съ души, предварительно утопивъ въ рѣкѣ экономіи директора. Перебилъ въ кровь многихъ капитанъ-исправниковъ. Въ 1740 году, въ царствованіи кроткія Елисаветъ, бывъ уличенъ въ любовной связи съ Авдотьей Лопухиной, битъ кнутомъ и, по урѣзаніи языка, сосланъ въ заточеніе въ чердынскій острогъ.

4) *Урусъ-Кугушъ-Кильдибаевъ,* Манылъ Самыловичъ, капитанъ-поручикъ изъ лейбъ-компанцевъ. Отличался безумной отвагой и даже бралъ однажды приступомъ городъ Глуповъ. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія, похвалы не получилъ и въ 1745 году уволенъ съ распубликованіемъ.

5) *Ламврокакисъ,* бѣглый грекъ, безъ имени и отчества, и даже безъ чина, пойманный графомъ Кирилою Разумовскимъ въ Нѣжинѣ, на базарѣ. Торговалъ греческимъ мыломъ, губкою и орѣхами; сверхъ того, былъ сторонникомъ классическаго образованія. Въ 1756 году былъ найденъ въ постели, заѣденный клопами.

6) *Бакланъ,* Иванъ Матвѣевичъ, бригадиръ. Былъ роста трехъ аршинъ и трехъ вершковъ и кичился тѣмъ, что происходитъ по прямой линіи отъ Ивана-великаго (извѣстная въ Москвѣ колокольня). Переломленъ пополамъ во время бури, свирѣпствовавшей въ 1761 году.

7) *Пфейферъ,* Богданъ Богдановичъ, гвардіи сержантъ, гольштинскій выходецъ. Ничего не совершилъ, смѣненъ въ 1762 году за невѣжество.

8) *Брудастый,* Дементій Варламовичъ. Назначенъ былъ впопыхахъ и имѣлъ въ головѣ нѣкоторое особливое устройство, за что и прозванъ былъ «Органчикомъ». Это не мѣшало ему, впрочемъ, привести въ порядокъ недоимки, запущенныя его предмѣстникомъ. Во время сего правленія произошло пагубное безначаліе, продолжавшееся семь дней, какъ о томъ будетъ повѣствуемо ниже.

9) *Двоеруковъ,* Семенъ Константиновичъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ. Вымостилъ Большую и Дворянскую улицы, завелъ пивовареніе и медовареніе,

---

[1]) Салтыковъ-Щедринъ. Собр. сочин. т. II, 484—487.

ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ, собралъ недоимки, покровительствовалъ наукамъ и ходатайствовалъ о заведеніи въ Глуповѣ академіи. Написалъ сочиненіе: «Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ обезьянъ»... Супруга сго Лукерья Терентьевна, тоже была весьма снисходительна и тѣмъ много способствовала блеску сего правленія. Умеръ въ 1770 году своею смертью.

10) *Маркизъ-де-Санглотъ,* Антонъ Протасовичъ, французскій выходецъ и другъ Дидерота. Отличался легкомысліемъ и любилъ пѣть непристойныя пѣсни. Леталъ по воздуху въ городскомъ саду и чуть было не улетѣлъ совсѣмъ, какъ зацѣпился фалдами за шпицъ и оттуда съ превеликимъ трудомъ снятъ. За эту затѣю уволенъ въ 1772 году, а въ слѣдующемъ же году, не унывъ духомъ, давалъ представленія у Излера на минеральныхъ водахъ.

11) *Ѳердыщенко,* Петръ Петровичъ, бригадиръ. Бывшій денщикъ князя Потемкина. При не весьма обширномъ умѣ, былъ косноязыченъ. Недоимки запустилъ: любилъ ѣсть буженину и гуся съ капустой. Во время его градоначальствованія городъ подвергся голоду и пожару. Умеръ въ 1779 году отъ объяденія.

12) *Бородавкинъ,* Василискъ Семеновичъ. Градоначальничество сіе было самое продолжительное и самое блестящее. Предводительствовалъ въ компаніи противъ недоимщиковъ, причемъ спалилъ тридцать три деревни и съ помощью сихъ мѣръ взыскалъ недоимокъ два рубля съ полтиною. Ввелъ въ употребленіе игру ламушъ и прованское масло; замостилъ базарную площадь и засадилъ березками улицу, ведшую къ присутственнымъ мѣстамъ; вновь ходатайствовалъ о заведеніи въ Глуповѣ академіи, но, получивъ отказъ, построилъ съѣзжій домъ. Умеръ въ 1798 году, на экзекуціи, напутствуемый капитанъ-исправникомъ.

13) *Негодяевъ,* Онуѳрій Ивановичъ, бывшій гатчинскій испотникъ. Размостилъ вымощенныя предмѣстниками его улицы и изъ добытаго камня настроилъ монументовъ. Смѣненъ въ 1802 году за несогласіе съ Новосильцевымъ, Чарторыйскимъ и Строгоновымъ (знаменитый въ свое время тріумвиратъ) насчетъ конституціи, въ чемъ его и оправдали впослѣдствіи.

14) *Макаладзе,* князь Ксаверій Георгіевичъ, черкашенинъ, потомокъ сластрастной княгини Тамары. Имѣлъ обольстительную наружность и былъ столь охочь до женскаго пола, что увеличилъ глуповское народонаселеніе почти вдвое. Оставилъ полезное по сему предмету руководство. Умеръ въ 1814 году отъ истощенія силъ.

15) *Беневоленскій,* Ѳеоѳилактъ Принарховичъ, статскій совѣтникъ, товарищъ Сперанскаго по семинаріи. Былъ мудръ и оказывалъ склонность къ книгоиздательству. Предсказалъ гласные суды и земство. Имѣлъ любовную связь съ купчихою Распоповою, у которой, по субботамъ, ѣдалъ пироги съ начинкой. Въ свободное отъ занятій время сочинялъ для городскихъ поповъ проповѣди и переводилъ съ латинскаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго. Вновь ввелъ въ употребленіе, яко полезные, горчицу, лавровый листъ и прованское масло. Первый обложилъ данью откупъ, отъ коего и получалъ три тысячи рублей въ годъ. Въ 1811 году, за потворство Бонапарту, былъ призванъ къ отвѣту и сосланъ въ заточеніе.

16) *Прыщъ,* маіоръ Иванъ Пантелеичъ. Оказался съ фаршированной головой, въ чемъ и уличенъ мѣстнымъ предводителемъ дворянства.

17) *Ивановъ,* статскій совѣтникъ, Никодимъ Осиповичъ. Былъ столь малаго роста, что не могъ вмѣщать пространныхъ законовъ. Умеръ въ 1819 году отъ натуги, усилпваясь постичь нѣкоторый сенатскій указъ.

18) *Дю-Шаріо,* виконтъ, Аггелъ Дороѳеевичъ, французскій выходецъ. Любилъ рядиться въ женское платье и лакомился лягушками. По разсмотрѣніи, оказался дѣвицею. Высланъ въ 1821 году за границу.

19) *Грустиловъ,* Эрастъ Андреевичъ, статскій совѣтникъ. Другъ Карамзина. Отличался нѣжностью и чувствительностью сердца, любилъ пить чай въ городской рощѣ и не могъ безъ слезъ видѣть, какъ токуютъ тетерева. Оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій идиллическаго содержанія и умеръ отъ меланхоліи въ 1825 году. Дань съ откупа возвысилъ до пяти тысячъ рублей въ годъ.

20) *Угрюмъ-Бурчеевъ,* бывшій прохвостъ. Разрушилъ старый городъ и построилъ другой на новомъ мѣстѣ.

21) *Перехватъ-Залихватскій,* Архистратигъ Стратилатовичъ, маіоръ. О семъ умолчу. Въѣхалъ въ Глуповъ на бѣломъ конѣ, сжегъ гимназію и упразднилъ науки.

XXII.

Разсказъ Подьячаго [1]).

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“...

«...Нѣтъ, нынче не то, что было въ прежнее время; въ прежнее время народъ какъ-то проще, любовнѣе былъ. Служилъ я, теперича, въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, триста рублей бумажками получалъ, семействомъ угнетенъ былъ, а не хуже людей жилъ. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-ѣсть надо, ну, и мѣсто давали такъ, чтобъ прокормиться было чѣмъ... А отчего? оттого, что простота во всемъ была, начальственное снисхожденіе было—вотъ что.

«Много было у меня въ жизни случаевъ, доложу я вамъ, случаевъ истинно любопытнѣйшихъ. Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ, ну, и жили мы тутъ какъ у Христа за пазушкой; съѣздишь, бывало, въ годъ разъ въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь. Этого и не было, чтобъ подъ судъ попасть, или ревизія тамъ какія-нибудь, какъ нынче,—все шло себѣ какъ по маслу. А вотъ вы, молодые люди, поди-ка, чай, думаете, что нынче лучше: народъ, дескать, меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все это напрасно-съ; чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они и про экономію-то, и

---

[1]) Салтыковъ-Щедринъ, собр. сочин. т. III, Губернскіе очерки (1856—57), стр. 13—20, 23—24.

про благо-то общее начнутъ толковать,—ишда злость подъ сердце подступаетъ.

«Брали мы, правда, что брали—кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! да вѣдь и то сказать, лучше, что ли, денегъ-то не брать, да и дѣла не дѣлать? Какъ возьмешь, оно и работать какъ то сподручнѣе, поощрительнѣе. А нынче, посмотрю я, все разговоромъ занимаются, и все больше насчетъ этого безкорыстія, а дѣла не видно.

«Жили мы въ тѣ поры, чиновники, всѣ промежъ себя очень дружно. Не то чтобъ зависть или чернота какая-нибудь, а всякій другъ другу совѣтъ и помощь даетъ. Пропграешь, бывало, въ картишки цѣлую ночь, все до-чиста спустишь—какъ быть? Ну, и идешь къ исправнику.—Батюшка, Демьянъ Иванычъ, такъ и такъ, помоги!—Выслушаетъ Демьянъ Иванычъ, посмѣется начальнически: «вы, молъ, такіе-сякіе, приказные, и деньгу-то сколотить не умѣете, все въ кабакъ, да въ карты!» А потомъ и скажетъ: «ну, ужъ нечего дѣлать, ступай въ Шарковскую волость подать сбирать». Вотъ и поѣдешь; подати-то не соберешь, а ребятишкамъ на молочишко будетъ.

«И вѣдь какъ это все просто дѣлалось! Не то чтобъ истязаніе или вымогательство какое-нибудь, а пріѣдешь этакъ, соберешь сходъ.—Ну, молъ, ребятушки, выручайте, царю-батюшкѣ деньги надобны; давайте подати!

«А самъ идешь-себѣ въ избу да изъ окошечка посматриваешь: стоятъ ребятушки да затылки почесываютъ. А потомъ и пойдетъ у нихъ смятеніе; вдругъ всѣ заговорятъ и руками замахаютъ,—да вѣдь съ часъ времени этакъ-то прохлаждаются. А ты себѣ сидишь, натурально, въ избѣ, да посмѣиваешься, а часомъ и сотскаго къ нимъ вышлешь: «будетъ, молъ, вамъ разговаривать—баринъ сердится». Ну, тутъ пойдетъ у нихъ суматоха пуще прежняго, начнутъ жребій кидать. Это, значитъ, дѣло идетъ на ладъ, порѣшили идти къ засѣдателю, не будетъ ли Божеская милость обождать до заработковъ.

«— Э-э-эхъ, ребятушки, да какъ же съ батюшкой-царемъ-то быть? вѣдь ему деньги надобны; вы хошь бы насъ, своихъ начальниковъ, пожалѣли!

«И все это ласковымъ словомъ, не то чтобъ по зубамъ да за волосы: я, дескать, взятокъ не беру, такъ вы у меня знай, каковъ я есть окружной!—нѣтъ, этакъ лаской да жалѣньемъ, чтобъ насквозь его, сударь, прошибло!

«— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать!

«Ну, натурально, въ ноги.

«— Обождать-то для-че не обождать, это все въ нашихъ рукахъ, да на что-жъ я передъ начальствомъ въ отвѣтъ попаду?—судите сами.

«Пойдутъ ребята опять на сходъ, потолкуютъ-потолкуютъ, да и разойдутся по домамъ, а часика черезъ два, смотришь, сотскій и несетъ тебѣ за подожданье по гривнѣ съ души; а какъ въ волости-то душъ тысячи четыре, такъ и выйдетъ рублей четыреста, а гдѣ и больше... Ну, и ѣдешь домой веселѣе.

«А то вотъ у насъ еще фортель какой былъ—это обыскъ повальный. Эти дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать: мало одной волости, такъ и другую прихватишь—всѣхъ тащи. Сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый—какъ

есть на всѣ руки. Сгонитъ человѣкъ триста, ну, и лежатъ они на солнышкѣ. Лежатъ день, лежатъ другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ, а ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видятъ, что время уходитъ—полевая работа не ждетъ,—ну, и начнутъ засылать сотскаго: «нельзя ли, дескать, явить милость, спросить, въ чемъ слѣдуетъ?» Тутъ и смекнешь: коли ребята сговорчивые, отчего-жъ, имъ удовольствіе не сдѣлать; а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ-другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ—шалишь!—по три пятака, дешевле не моги и думать. Покончивши это, и переспросивъ ихъ всѣхъ скопомъ:

«— Каковъ, молъ, такой-то Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?»

«— Мошенникъ, батюшка, что и говорить—мошенникъ.

«— А вѣдь онъ лошадь-то у Мокея укралъ? онъ, ребята?

«— Онъ, батюшка, онъ должно.

«— А грамотные изъ васъ есть?

«— Нѣтъ, батюшка, какая грамота!

«Это говорятъ мужички уже повеселѣе: знаютъ, что, значитъ, отпускъ сейчасъ имъ будетъ.

— «Ну, ступайте съ Богомъ, да впредь будьте умнѣе.

«И отпустишь черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпишь; сутки двое-трое сложа руки сидишь, кислый хлѣбъ жуешь... Другой бы и жизнь-то всю проклялъ, ну, ничего такимъ манеромъ и не добудетъ.

«Всему у насъ этому дѣлу учитель и заводчикъ былъ уѣздный нашъ лѣкарь. Этотъ человѣкъ былъ подлинно, доложу вамъ, необыкновенный и на всѣ дѣла преостроумнѣйшій! Министромъ ему быть настоящее мѣсто по уму; одинъ грѣхъ былъ: къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, такъ—какое-то остервенѣніе. Увидитъ, бывало, графинъ съ водкой, такъ и задрожитъ весь. Конечно, и всѣ мы этого придерживались, да все же въ мѣру; сидишь себѣ да благодушествуешь, и много-много что въ подпитіи; ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣры не зналъ, напивался даже до безобразія лица.

«— Я еще какъ ребенкомъ былъ,—говоритъ, бывало:—такъ мамка съ ложечки водкой поила, чтобы не ревѣлъ, а семи лѣтъ такъ ужъ и родитель по стаканчику на день отпущать сталъ.

«Такъ вотъ этакой-то пройда и наставлялъ насъ всему.

«— Мое, говоритъ, братцы, слово будетъ такое, что никакого дѣла, будь оно самой Святой Пасхи святѣе, не слѣдуетъ дѣлать даромъ: хоть гривенникъ, а слупи, руки не порти.

«И ужъ выкидывалъ же онъ колѣна—утѣшенье вспомнить! Утонулъ ли кто въ рѣкѣ, съ колокольни ли упалъ и расшибся—все это ему рука. Да и времена были тогда другія: нынче объ такихъ случаяхъ и дѣлъ заводить не велѣно,

а въ тѣ поры всякое мертвое тѣло есть мертвое тѣло. И какъ бы вы думали: ну, утонулъ человѣкъ, расшибся; кажется, какая тутъ корысть, чѣмъ тутъ попользоваться. А Иванъ Петровичъ зналъ чѣмъ. Пріѣдетъ въ деревню, да и начнетъ утопленника-то пластать; натурально, понятые тутъ, и фельдшеръ тоже, собака такая, что хуже самого Ивана Петровича.

«— А ну-ка ты, Гришуха, держи-ка покойника-то за носъ, чтобъ мнѣ тутъ ловчѣе рѣзать было.

«А Гришуха (изъ понятыхъ) смерть покойника боится, на пять сажень и подойти-то къ нему не смѣетъ.

«— Ослобони, батюшка Иванъ Петровичъ, смерть не могу, нутро изнираетъ.

«Ну, и освобождаютъ, разумѣется, за посильное приношеніе. А то другого заставляетъ внутренности держать; сами разсудите, кому весело мертвечину ослизлую въ рукѣ имѣть,—ну, и откупаются полегоньку: анъ, глядишь, и наколотитъ Иванъ Петровичъ рубликовъ десятокъ; и дѣло-то все пустяковое.

«Однако, и страхъ Божій тоже имѣлъ, убійцу или душегуба не покроетъ.

«— Вы, братцы, этого грѣха и на душу не берите,—говоритъ, бывало:—за этакія дѣла и подъ судъ попасть можно. А вы мошенника-то откройте, да и себя не забывайте.

«— Да какъ же, молъ, это такъ, Иванъ Петровичъ?—спрашиваемъ мы.

«— А вотъ какъ. Убійца-то одинъ, да знакомыхъ да сватовей у него чуть не цѣлый уѣздъ; ты вотъ и поди перебирать всѣхъ этихъ знакомыхъ, да и преступника-то подмасли, чтобъ онъ побольше народу оговаривалъ: былъ, молъ, въ такомъ-то часу у такого-то крестьянина? не пошелъ ли отъ него къ такому-то? а часы выбирай тѣ, которые нужно... ну, и привлекай, и привлекай. Если уменъ, да дѣло знаешь, такъ много тутъ Божьяго народу спутать можно; а потомъ и начинай распутывать. Разумѣется, всѣ эти оговоры—вздоръ и кончаются пустяками, да ты-то дѣло свое сдѣлалъ; и мужика отъ напраслины очистилъ, и самъ сердечную благодарность получилъ, и преступника уличилъ.

«А то была у насъ и такая манера: заведешь, бывало, слѣдствіе, примѣрно хоть по конокрадству, облупишь мошенника, да и пустишь на волю. Смотришь, черезъ мѣсяцъ опять попался—опять слупишь и опять выпустишь. До тѣхъ, сударь, поръ этакъ дѣйствуешь, покуда на голубчикѣ, что называется, лягушечьяго пуха не останется. Ну, тогда ужъ шалишь, любезный, ступай въ острогъ и взаправду. Оно, вы скажете, скверно преступника покрывать, а я вамъ доложу, что не покрывать, а примѣрно, значитъ, пользоваться обстоятельствами дѣла. Вѣдь мы знаемъ; что онъ нашихъ рукъ не минуетъ; такъ отчего-жъ и не потѣшить его?

«Жилъ у насъ въ уѣздѣ купчина-милліонщикъ, фабрику имѣлъ кумачную, большія дѣла велъ. Ну, хоть что хочешь, нѣтъ намъ отъ него прибыли да и только! такъ держитъ ухо востро, что на-поди. Развѣ только иногда чайкомъ попотчуетъ да бутылочку холодненькаго разопьетъ съ нами—вотъ и вся корысть. Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло

натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже злость взяла. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

«Что же бы вы думали? Ѣдемъ однажды съ Иваномъ Петровичемъ на слѣдствіе: мертвое тѣло нашли неподалеку отъ фабрики. Ѣдемъ мы, это, мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ подлецъ, дескать, ни на какую штуку не лѣзетъ. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ задумался, и какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ и думаю: выдумаетъ онъ что-нибудь, право, выдумаетъ. Ну, и выдумалъ. На другой день сидимъ мы, это, утромъ и опохмѣляемся.

«— А что, говоритъ, дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалитъ?

«— Да что ты, Иванъ Петровичъ, въ умѣ ли? двѣ тысячи?

«— А вотъ увидишь; садись и пиши:

«Свиногорскому первой гильдіи купцу Платону Степанову Троекурову. Вѣдѣніе. По показаніямъ такихъ-то и такихъ-то поселянъ (валяй больше), вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильственномъ убитіи съ таковыми же признаками безчеловѣчныхъ побоевъ, и притомъ рукою нѣкоего злодѣя, въ предшедшую предъ симъ ночь, скрылось въ фабричномъ вашемъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить».

«— Да помилуй, Иванъ Петровичъ, вѣдь тѣло-то въ шалашѣ на дорогѣ лежитъ!

«— Ужъ дѣлай что говорятъ.

«Да только засвисталъ свою любимую: «При дороженькѣ стояла», а какъ былъ чувствителенъ и не могъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и прослезился немного. Послѣ я узналъ, что онъ и впрямь велѣлъ сотскимъ тѣло-то на время въ оврагъ куда-то спрятать.

«Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ на дворъ. Встрѣчаетъ насъ, блѣдный весь.

«— Не угодно ли, молъ, чаю откушать?

«— Какой, братъ, тутъ чай!—говоритъ Иванъ Петровичъ:—тутъ не до чаю, а ты прудъ спущать вели.

«— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите?

«— Какъ разорять! видишь, слѣдствіе пріѣхали дѣлать, указъ есть.

«— Слово за словомъ, купецъ видитъ, что штуки тутъ плохія, хоть и впрямь прудъ спущай; заплатилъ три тысячи,—ну, и дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючьями въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только, я вамъ скажу, на угощеньи, когда уже были мы всѣ выпивши, и разскажи Иванъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было: вѣриге ли, такъ обозлилась борода, что даже закоченѣлъ весь!

«Чудовый этотъ человѣкъ, нечего и говорить. За что не возьмется, все у него такъ выходитъ, что любо-дорого смотрѣть. Кажется, пустая вещь оспопрививаніе, а онъ и тутъ сумѣлъ найтись. Пріѣдетъ, бывало, въ расправу и разложитъ всѣ эти аппараты: токарный станокъ, пилы разныя, подпилки, сверла, нако-

вальни, ножи такіе страшнѣйшіе, что хоть быка ими рѣзать; какъ соберутъ на другой день бабъ съ ребятами—и пошла вся эта фабрика въ дѣйствіе: ножи точатъ, станокъ гремитъ, ребята ревутъ, бабы стонутъ, хоть святыхъ вонъ выноси. А онъ себѣ важно этакъ похаживаетъ, трубочку покуриваетъ, къ рюмочкѣ прикладывается, да на фельдшеровъ покрикиваетъ: «точи, дескать, вострѣе». Смотрятъ глупыя бабы, да пуще воютъ.

«— Смотри, тетка, вѣдь совсѣмъ ребенка-то изведетъ ножищемъ-то. Да и самъ-то вишь пьяный какой.

«Повоютъ, повоютъ, да и начнутъ шептаться; а черезъ полчаса, смотришь, и выйдетъ всѣмъ одно рѣшенье: дастъ кто цѣлковый—ступай домой, а не дастъ, такъ всю руку на—прочь.

«И вѣдь не то чтобъ эти дѣла до начальства не доходили: доходили, сударь, и изволить-то старались, да не на того напали—такія штуки отмачивалъ подъ носомъ у самого начальства, что только помираешь со смѣху. Былъ у насъ это рекрутскій наборъ объявленъ; ну, и Иванъ Петровичъ, само собою, живѣйшее тутъ участіе принималъ. Такіе случаи, доложу вамъ, самые были для него выгодные, и онъ, смѣючись, наборъ своимъ сѣнокосомъ звалъ. На ту пору былъ начальникомъ губерніи такой звѣрь, что у!!! (И въ старину такіе скареды прорывались). Вотъ и вздумалъ онъ поймать Ивана Петровича, и научи же онъ мѣщанинишку: «поди, молъ, ты къ лѣкарю, объясни, что вотъ, такъ и такъ, состою на рекрутской очереди, не по сущей справедливости, семейство большое: не будетъ ли отеческой милости?» И прилагательнымъ снабдили, да такимъ знаете, все полуимперьялами, такъ, чтобъ у лѣкаря путро разгорѣлось, а за оградой и свидѣтели, и все какъ слѣдуетъ устроено: погибъ Иванъ Петровичъ, да и все тутъ. Только узналъ онъ объ этой напасти загодя, отъ нѣкотораго милостивца, и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ну, и подлинно приходитъ, это, мѣщанинишка, излагаетъ все обстоятельство и прилагательное на столъ кладетъ. Какъ онъ все это разсказалъ, какъ взбеленится мой Иванъ Петровичъ, да на него:

«— Ка-акъ! ты подкупать меня! да развѣ я фальшивую присягу то принялъ! душѣ, что-ли, я своей ворогъ, царствія небеснаго не хочу!

«Да какъ хватитъ кулакомъ по столу—золотушки-то и покатились по полу, а самъ еще пуще кричитъ:

— «Вонъ съ моихъ глазъ, анаѳема, гони его, вотъ такъ, въ шею его, кулаками-то въ загорбокъ!

«Мѣщанинишку выгнали, да на другой день, не смотря, и забрили въ присутствіи. А имперьяльчики-то съ полу подняли! Ужъ что смѣху у насъ было!

— Какъ же вы-то попались, Прокофій Николаевичъ, если въ ваше время все такъ счастливо сходило?

«— Охъ, ужъ и не говорите! на такомъ дѣлѣ попался, что совѣстно сказать—на мертвомъ тѣлѣ. Эта у насъ музыка-то по нотамъ разыгрывалась, а меня на ней-то и попуталъ лукавый. Дѣло было зимнее; мертвое-то тѣло надо

было оттаять; вотъ и повезли мы его въ что ни-на-есть большую деревню,—ну и начали, какъ водится, по домамъ возить да отсталаго собирать. Возили-возили, покуда осталась одна только изба; солдатка-вдова тамъ жила; той и заплатить-то нечего было,—ну, тамъ мы и оставили тѣло. Собрали на другой день попятыхъ,—ну, и тутъ, разумѣется, покорыстоваться желалось: такъ чтобъ не разошлись они по домамъ, мы и отобрали у нихъ шапки, да въ избу и заперли. Только не совсѣмъ осторожно это дѣло состроили; больно многіе это запримѣтили. А на ту пору у насъ губернаторъ такая ли собака былъ, и теперь еще его помню, чтобъ ему пусто было. Сейчасъ это отрѣшили отъ должности, и пошла писать. Уличить-то меня доподлинно не уличили, а обпакостили всего да суду предали. И вѣрите ли, вѣдь знаю я, что меня учинятъ отъ дѣла свободнымъ, потому что уликъ прямыхъ нѣтъ, такъ нѣтъ же, злодѣи, истомили меня. Лѣтъ десять все волочатъ: то справки забираютъ, то слѣдствіе дополняютъ. А я вотъ сиди безъ хлѣба да жди у моря погоды».

XXIII.

„Дѣло“ *).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

...Нелькинъ [1]) читаетъ письмо Кречинскаго къ П. К. Муромскому:

«Милостивый Государь, Петръ Константиновичъ!—Самая крайняя нужда заставляетъ меня писать къ вамъ. Нужда эта не моя, а ваша—и потому я пишу. Съ васъ хотятъ взять взятку—дайте; послѣдствія вашего отказа мо-

---

*) „Дѣло“ входитъ въ составъ извѣстной трилогіи Сухово Кобылина (Свадьба Кречинскаго, Дѣло и Смерть Тарелкина). „Дѣло“, написанное въ 1862 г., отражаетъ въ себѣ всѣ ужасы дореформеннаго суда. Драма эта, какъ говоритъ самъ авторъ, „есть въ полной дѣйствительности сущее и изъ самой реальнѣйшей жизни съ кровью вырванное дѣло“. Мы приводимъ здѣсь двѣ наиболѣе характерныя сцены: одну (изъ I-го дѣйствія), обрисовывающую, какъ изъ ничего хищные судейскіе создаютъ громадное дѣло и топятъ въ немъ безъ вины виноватыхъ, предварительно выжавъ изъ нихъ всѣ соки; другую—сцену (изъ II-го дѣйствія) дѣлового засѣданія въ судѣ, гдѣ предсѣдатель Варравинъ съ чиновникомъ Тарелкинымъ обдумываетъ сложную махинацію относительно Муромскаго. Пьеса далѣе содержитъ еще рядъ мрачныхъ сценъ: объясненіе Муромскаго съ Варравинымъ, тщетную попытку Муромскаго найти правду и защиту у „князя“, мошенническую продѣлку Варравина, который обобралъ Муромскаго, а затѣмъ—заявилъ, что онъ не бралъ у него денегъ. Муромскій въ припадкѣ умираетъ, а Варравинъ захватываетъ всю добычу себѣ, отказавшись подѣлиться съ главнымъ пособникомъ—Тарелкинымъ.

---

[1]) Только что вернувшійся изъ-за границы; ранѣе онъ неудачно сватался къ Лидочкѣ Муромской, увлекшейся мотомъ и игрокомъ Кречинскимъ.

гутъ быть жестоки. Вы хорошо не знаете ни этой взятки, ни какъ ее берутъ; такъ позвольте, я это вамъ поясню. Взятка взяткѣ розь: есть *сельская*, такъ сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведеніями природы и по стольку-то съ рыла;—это еще не взятка. Бываетъ *промышленная* взятка; берется она съ барыша, подряда, наслѣдства, словомъ пріобрѣтенія, основана она на аксіомѣ—возлюби ближняго твоего, какъ и самого себя; пріобрѣлъ—такъ подѣлись.—Ну и это еще не взятка. Но бываетъ *уголовная* или *капканная* взятка;—она берется до истощенія, до-гола! Производится она по началамъ и теоріи Степьки Разина и Соловья Разбойника; совершается она подъ сѣнію и тѣнію дремучаго лѣса законовъ, помощію и средствомъ капкановъ, волчьихъ ямъ и удилищъ правосудія, разставляемыхъ по полю дѣятельности человѣческой, и въ эти-то ямы попадаютъ безъ различія пола, возраста и званія, ума и неразумія, старый и малый, богатый и спрый... Такую капканную взятку хотятъ теперь взять съ васъ; въ такую волчью яму судопроизводства загоняютъ теперь вашу дочь. Откупитесь! Ради Бога откупитесь!.. Съ васъ ихъ будутъ драть—давайте!.. Дѣло, возродившееся по рапорту квартальнаго надзирателя о моемъ будто сопротивленіи, о угрозѣ убить его на мѣстѣ и о подлогѣ по закладу мною вашего солитера, принимаетъ для васъ громовой оборотъ. Вчера раскрылась передо мною вся эта каверза; вчера сдѣлано мнѣ предложеніе учинить нѣкоторыя показанія касательно чести вашей дочери. Вы удивитесь;—но представьте себѣ, что я не согласился! Я отвѣчалъ, что можетъ и случилось мнѣ обыграть проматывающагося купчика или блудно-расточающаго родовое имѣніе дворянина, но дѣтей я не трогалъ, сонныхъ не рѣзалъ и дѣвочекъ на удилище судопроизводства не ловилъ. Что дѣлать? У всякаго своя логика; своей я не защищаю; но есть, какъ видите, и хуже. Примите и проч.

Михаилъ Кречинскій».

Атуева. И что-жъ вы полагаете, Петръ-то Константиновичъ послушался?

Нелькинъ (отдавая письмо). Естественно не повѣрилъ.

Атуева (запираетъ письмо въ бюро). Именно. Эге, говоритъ, это новая штука; тѣхъ же щей, да погуще влей,—ну и не повѣрилъ: правые, говоритъ, не даютъ, виноватые даютъ. Я было къ нему пристала; такъ онъ знаете какъ: а вы, говоритъ, за одно съ Кречинскимъ-то, что-ли? Ну, что ей могутъ сдѣлать? Я тутъ, говоритъ, отецъ, такъ мой голосъ первый; а вышелъ-то его голосъ послѣдній; потому, говорятъ, онъ свое дѣтище обвинять не станетъ.

Нелькинъ. Такъ все же я понять не могу, какимъ образомъ это развилось.

Атуева. Очень просто: какъ только Кречинскій на эту штуку не пошелъ, они Расплюева подвели; этотъ какъ имъ надо, такъ и показалъ.

Нелькинъ. Что же Расплюевъ показалъ?

Атуева. А, видите, что была, говоритъ, любовная интрига; что шла она черезъ него; что онъ возилъ и записочки и даже закутанную женщину къ Кречинскому привозилъ, но какую женщину, онъ не знаетъ. Только, видите, по началу все это тихо было; мы уѣхали въ деревню и ровно ничего объ этомъ не знали; сперва одного изъ нашихъ людей вытребовали, потомъ другого; смотримъ,

и весь домъ забрали; разспрашивали, допрашивали—ну, можете себѣ представить, какая тутъ путаница вышла.

Нелькинъ. Да еще какъ путать-то хотѣли.

Атуева. Стало быть и пошло ужъ слѣдствіе объ Лидочкѣ,—а не о Кречинскомъ, потому на немъ только одна рубашка осталась. Однако отъ людей нашихъ ничего особеннаго не добились, а выбрался одинъ злодѣй, поваръ Петрушка, негодяй такой; его Петръ Константиновичъ два раза въ солдаты возилъ—этотъ видите и показалъ; я, говоритъ, свидѣтель! Смотримъ, и Лидочку вытребовали,—а зачѣмъ, мы еще не знаемъ; а онъ все упрямится, да такъ-таки упрямится да и только; твердитъ одно: пускай ее спросятъ, она дурнаго не сдѣлала.

Нелькинъ Что-жъ, конечно.

Атуева. Ну, дѣлать нечего, пріѣхали и мы изъ деревни. Да какъ узналъ онъ, что ей очныя ставки хотятъ дать; да очныя ставки съ Петрушкой, да съ Расплюевымъ, да съ Кречинскимъ; да какъ узналъ онъ, о чемъ очныя-то ставки,—такъ тутъ первый ударъ ему и сдѣлался. Тутъ только увидѣлъ, что правду ему Кречинскій писалъ. Вотъ онъ, батюшка мой, туда—сюда. Взялъ стряпчаго, далъ денегъ—ну, уладили... Только я вамъ скажу, какъ далъ онъ денегъ, тутъ и пошло; кажется и хуже стало, за одно даетъ, а другое нарождается. Тутъ ужъ и все пошло: дастъ денегъ, а они говорятъ, мы не получали; онъ къ стряпчему, а стряпчій говоритъ, я отдалъ; вы имъ не вѣрьте—они воры; а стряпчій-то себѣ половину. Тутъ и дальше, няню-то, и ту спрашивали; и что спрашивали? Не хаживалъ ли Кречинскій къ барышнѣ ночью; да не было ли у барышни ребенка...

Нелькинъ (всплеснувъ руками). Ахъ Боже мой?!!

Атуева. Такъ она—старуха плюнула имъ въ глаза, да антихристами и выругала. Да ужъ было!.. Я вамъ говорю, что было, такъ и сказать нельзя. Слѣдствіе это одно тянули они восемь мѣсяцевъ—это, восемь мѣсяцевъ такихъ мученій, что словами этого и не скажешь.

Нелькинъ. Что-жъ вы ни къ кому не обратились—ну, просили бы...

Атуева. Какъ ужъ тутъ не обратиться—только вотъ бѣда то наша: по городу, можете себѣ представить, такіе пошли толки, суды, да пересуды, что и сказать не могу: что Лидочка и въ связи-то съ нимъ была, и бѣжать-то съ нимъ хотѣла, и отца обобрать—это всѣ ужъ говорили; такъ что и глаза показать ни къ кому не возможно было. Потомъ въ судъ пошло, потомъ и дальше; ужъ что и какъ, я и не знаю; дѣло накопилось вотъ, говорятъ, какое (показываетъ рукою); изъ присутствія въ присутствіе на ломовомъ возятъ—да вотъ пять лѣтъ и идетъ.

Нелькинъ. Какое бѣдствіе—это... ночной пожаръ!

Атуева. Именно пожаръ. А теперь что?—разорили совсѣмъ, дѣвочку запутали, истерзали, да вотъ сюда на новое мученіе и спустили. Вотъ пять мѣсяцевъ здѣсь живемъ, послѣднее проживаемъ. Головково продали.

Нелькинъ. Головково продали?!

Атуева. Стрѣшнево заложили.

Нелькинъ. (Съ ужасомъ). Такъ что-жъ это будетъ?

Атуева. А что будетъ, и сама не знаю.

Нелькинъ. Ну что-жъ теперь дѣло?

Атуева. А что дѣло?.. Лежитъ.

Нелькинъ. Какъ лежитъ?

Атуева. Лежитъ, какъ камень—и кончено! А мы что? Сидимъ здѣсь какъ въ ямѣ; никого не знаемъ: темнота да сумленіе.—Разобрать путемъ не можемъ, кого намъ просить, къ кому обратиться. Вотъ намедни приходитъ къ нему одинъ умнѣйшій человѣкъ: Петръ, говоритъ, Константинычъ, вѣдь ваше дѣло лежитъ. Да, лежитъ.—А ему надо итти. Да... надо, говоритъ, итти. Ну, стало—ждутъ.

Нелькинъ. Чего же ждутъ?

Атуева. Обыкновенно чего (показывая пальцами)... денегъ.

Нелькинъ. Аааа!

Атуева. А онъ все жмется: да какъ-нибудь такъ, да какъ-нибудь этакъ. Этотъ человѣкъ говоритъ ему: Петръ Константинычъ, я честенъ! Я только для чести и живу: дайте мнѣ 20 тысячъ серебра—и я вамъ дѣло кончу! Такъ какъ вспрыгнетъ старикъ; часмъ себя обварилъ; что вы, говоритъ, двадцать тысячъ? да двадцать тысячъ что? да и пошелъ считать;—а тотъ пожалъ плечами, поклонился да и вонъ... Приходилъ этто сводчикъ одинъ, нѣмецъ, въ очкахъ и бойкій такой;—я, говоритъ, вамъ дѣло кончу—только мнѣ за это три тысячи серебромъ; а знаете, такъ толково говоритъ: я, говоритъ, вашихъ денегъ не хочу, отдайте, когда все кончится, а теперь только задатку триста рублей серебромъ. Есть, говоритъ, одно важное лицо—и это лицо точно есть—и у этого лица любовница—и она что хотите, то и сдѣлаетъ; я васъ, говоритъ, сведу,—и ей много, много, коли браслетку какую. Тутъ Лидочка поднялась; знаете фанаберія этакая: какъ, дескать, мой отецъ да пойдетъ срамить свою сѣдую голову,—ну да и старикъ-то уперся; этакъ, говоритъ, всякій съ улицы у меня по триста рублей серебромъ брать станетъ;—ну и не сладилось.

Нелькинъ. Чему тутъ сладиться?

Атуева. Вотъ теперь отличный человѣкъ ходитъ—ну и этотъ не нравится; а какой человѣкъ—совершенный комъ-иль-фо, ну состоянія кажется пѣтъ; и онъ хочетъ очень многимъ людямъ объ насъ говорить—и говоритъ: вотъ вы увидите.

Нелькинъ. Да это Тарелкинъ, который вчера вечеромъ у васъ сидѣлъ, какъ я пріѣхалъ.

Атуева. Ну, да.

Нелькинъ. Да онъ за Лидіей Петровной ухаживаетъ?

Атуева. Можетъ быть; что-жъ, я тутъ худаго не вижу. Онъ... хорошо... служитъ и всю знать на пальцахъ знаетъ. Даже вотъ у окна сидитъ, такъ знаетъ кто проѣхалъ: это вотъ, говоритъ, тотъ.—а это тотъ: что-жъ я тутъ худаго не вижу. А то еще одинъ маркеръ приходитъ.

Нелькинъ. Какъ маркеръ?!

Атуева. А вотъ что на бильярдѣ играетъ.

Нелькинъ. Что-же тутъ маркеръ можетъ сдѣлать?

Атуева. А вотъ что: этотъ маркеръ, мой батюшка, такой игрокъ на бильярдѣ, что, можетъ, первый по всему городу.

Нелькинъ. Все же я не впжу...

Атуева. Постойте... и играетъ онъ съ однимъ важнымъ, очень важнымъ лицомъ,—а съ кѣмъ не сказалъ. Только Тарелкинъ-то сказалъ—это говоритъ такъ. А играетъ это важное лицо, потому что доктора велѣли:—страдаетъ онъ, видите гемороемъ... желудокъ въ неисправности—понимаете.

Нелькинъ. Понимаю.

Атуева. Этотъ маркеръ во время игры-то всякія ему турусы на колесахъ да исторійки и подпускаетъ, да вдругъ—и объ дѣлѣ какомъ ввернетъ,—и видите, многія лица черезъ этого маркера успѣли.

Нелькинъ. Ну нѣтъ, Анна Антоновна,—это что-то нехорошо пахнетъ.

Атуева. Да вы вотъ вчера пріѣхали изъ-за границы,—такъ вамъ и кажется, что оно нехорошо пахнетъ;—а поживете, такъ всякую дрянь обнюхивать станете.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Максимъ Кузьмичъ Варравинъ съ бумагами показывается изъ боковыхъ дверей на-право. По канцеляріи водворяется тишина; всѣ садятся и принимаются за дѣло. Максимъ Кузьмичъ подходитъ къ столамъ, отдаетъ бумаги, дѣлаетъ замѣчанія и, наконецъ, достигаетъ стола Тарелкина.

Тарелкинъ (встаетъ). Ваше превосходительство—дѣло есть. (Максимъ Кузьмичъ садится на его мѣсто, раскрываетъ дѣло и листуетъ;—Тарелкинъ ему указываетъ, разговоръ идетъ вполголоса).

Варравинъ. Ну, что?

Тарелкинъ (тихо). Отъ Муромскихъ гонецъ... Готово!..

Варравинъ. Какъ медленно... (листуетъ дѣло).

Тарелкинъ (докладывая тихо). Что дѣлать! Истинное мученіе: и дочь-то любитъ и деньги-то любитъ; и хочется и колется...

Варравинъ. Надо черезъ третьи руки.

Тарелкинъ. Ни, ни. Самъ, говоритъ, или ничего.

Варравинъ. Вотъ какъ!

Тарелкинъ. Третьяго лица, говоритъ, не хочу. Украдетъ.

Варравинъ. Такъ онъ эту азбуку знаетъ?

Тарелкинъ. Знаетъ. Онъ всѣ мытарства прошелъ. Какъ поразсказалъ мнѣ его управляющій,—Боже мой, чего съ нимъ не дѣлали: давалъ онъ черезъ третье лицо; третье лицо хватило его на полъ-куша. Сталъ самъ давать—хуже. Кому дастъ—тотъ боленъ; на его мѣсто новый мнѣніе пишетъ. А тутъ еще какой случай вышелъ...

Варравинъ. Укажите!

Тарелкинъ (спохватясь). Ахъ-да! (листуетъ дѣло, указываетъ и продолжаетъ тихо)... изволите видѣть: по вопросу о незаконной связи дочери съ Кречинскимъ выпскался одинъ артистъ да и отмочалилъ (говоритъ громко) мнѣніе: принимая говоритъ во вниманіе то и то, а съ другой стороны обращая вниманіе на то и то, мнѣніемъ полагаю, (тихо) пригласить Врачебную Управу для медицинскаго, говоритъ, освидѣтельствованія... хи, хи, хи...

Варравинъ. Кого?

Тарелкинъ (въ духѣ). Да ее!

Варравинъ. Дочь!—ха, ха, ха—ну?—(оба тихо смѣются).

Тарелкинъ. Ну, и взяли что хотѣли.

Варравинъ. Вздоръ!.. какъ можно!..

Тарелкинъ. Да почему же? Вѣдь это мнѣніе. За мнѣніе никто не отвѣчаетъ. Помилуйте! И за рѣшеніе—и за то взыску нѣтъ!

Варравинъ. Этого въ дѣлѣ нѣтъ.

Тарелкинъ. Я знаю, что нѣтъ. Съ него, чтобъ не согласиться, взяли разъ, а чтобъ и въ дѣлѣ не было,—взяли два.

Варравинъ. Ну?

Тарелкинъ. Ну и раздѣли! на полъ-состоянія хватили.

Варравинъ (качая головой). Тссссъ...

Тарелкинъ. Помилуйте! и то умѣренно!.. онъ бы все отдалъ.

Варравинъ. Такъ сколько же теперь?..

Тарелкинъ. Особенной массы нельзя! Взяли... (думаетъ). Десять...

Варравинъ. По такому дѣлу? Одна дочь! Вся жизнь. Тридцать!

Тарелкинъ. Нѣту!

Варравинъ. Достанетъ.

Тарелкинъ. Гдѣ достать?

Варравинъ. Дочери лишится.

Тарелкинъ. Хоть кожу сдерите.

Варравинъ. Имѣніе заложитъ.

Тарелкинъ. Заложено.

Варравинъ. Ну продастъ.

Тарелкинъ. Продано.

Варравинъ (съ безпокойствомъ). Неужели?

Тарелкинъ. Вѣрно.

Варравинъ. Такъ что-жъ они это дѣлаютъ?!

Тарелкинъ. Вамъ извѣстно каковы люди: лишь бы сила хватила—не спустятъ!

Варравинъ (сѣтуетъ). Какъ же онъ теперь?

Тарелкинъ. Добавочныя взялъ, имѣніе продалъ—ну, тысченокъ двадцать пять у него надо быть.

Варравинъ. Ну, дѣлать нечего—двадцать пять.

Тарелкинъ. Ему тоже жить надо, долги есть.

Варравинъ. Долги подождутъ.

Тарелкинъ. Ждутъ ваше превосходительство, да не долги. Вотъ я, видите. въ мундирѣ здѣсь снжу (показываетъ на столъ), а вонъ тамъ (указываетъ на прихожую) ужъ навѣдываются. А частный человѣкъ что?—Частный человѣкъ нуль! ха!

Варравинъ. Меньше двадцати тысячъ дѣло не кончится... Только скорѣе (встаетъ).

Тарелкинъ. Все готово.—Дожидаются.

Варравинъ. Такъ вотъ что: князь сейчасъ ѣдетъ въ Комитетъ, чиновниковъ я распущу по случаю праздничнаго дня; слѣдовательно, черезъ часъ и его приму (встаетъ).

Тарелкинъ (громко). Слушаю, ваше превосходительство!

Варравинъ (громко). Вы сей-часъ и извѣстите. (Идетъ въ кабинетъ. Въ эту минуту двери кабинета размахиваются настежь; показывается князь; Парамоновъ ему предшествуетъ; по канцеляріи пробѣгаетъ дуновеніе бурно; вся масса чиновниковъ снимается со своихъ мѣстъ и, по мѣрѣ движенія князя черезъ залу, волнообразно преклоняется. Максимъ Кузьмичъ мелкими шагами спѣшитъ сзади и нѣсколько бочитъ, такъ что косиною своего хода изображаетъ повиновеніе, а быстротою ногъ—преданность. У выхода онъ кланяется князю прямо въ спину, затворяетъ за нимъ двери и снова принимаетъ осанку и шагъ начальника. Чиновники садятся).

Варравинъ (остановясь посреди залы и посмотрѣвъ на часы). Господа! Нынче праздникъ—можете кончить. До завтра! (кланяется и уходитъ въ кабинетъ).

744/68

Книгоиздательство Типо-Литографіи «Энергія».
С.-Петербургъ, Загородный пр., 17.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ

Учебнаго Отдѣла О-ва Распространенія Техническихъ Знаній.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ издательство выпускаетъ рядъ книгъ по исторіи русской культуры, общественной жизни и литературы.

Каждая книга содержитъ руководящую статью составителя, наиболѣе характерный и цѣнный документальный матеріалъ (хрестоматію) по разсматриваемому составителемъ вопросу и примѣчанія къ матеріаламъ.

Настоящая библіотека должна служить, какъ ЦѢЛЯМЪ САМООБРАЗОВАНІЯ, такъ и ПОСОБІЕМЪ для студентовъ, учениковъ старш. кл. ср.-уч. зав. и вообще всѣхъ, изучающихъ исторію культурнаго развитія Россіи.

Въ первую серію вошли слѣдующія названія:

БОГОЛЮБОВЪ, В. А. Екатерина II.

БОЧКАРЕВЪ, В. Н. Московское государство XV—XVII вв. по сказаніямъ иностранцевъ-современниковъ. Ц. 90 к.

БРОДСКІЙ, Н. Л. Литературные кружки 30—40 гг.

КАТАЕВЪ, И. М. Русская бюрократія дореформеннаго времени въ запискахъ, мемуарахъ и литературѣ. Ц. 1 р. 10 к.

КОВАЛЕНСКІЙ, М. Н. Московская политическая литература XVI в. Ц. 85 к.

КОЗЛОВСКІЙ, Л. С. Герценъ—публицистъ. Ц. 90 к.

МОДЕСТОВЪ, А. Е. О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX вѣка. Вып. I. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, А. К. Толстой. Ц. 60 к. к.—Вып. II. Некрасовъ, Успенскій, Салтыковъ-Щедринъ, Чеховъ, Горькій. Ц. 70 к.

ПИЧЕТА, В. И. Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. Ц. 90 к.

ПОРТУГАЛОВЪ, М. В. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1826—1876 гг.). Ц. 1 р.

РОЗАНОВЪ, С. С. Утопіи въ русской литературѣ и общественной мысли.

СОЛОВЬЕВЪ, И. М. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вып. I. Университеты до 60-ыхъ гг. Ц. 1 р. 25 к.

СИВКОВЪ, К. В. Путешествія русск. людей за границу въ XVIII в. Ц. 85 к.

СИДОРОВЪ, Н. П. Цензура по правительственнымъ распоряженіямъ и воспоминаніямъ современниковъ.

СИНЕГУБЪ, Е. С. Дореформенный городъ.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ СЕРІИ.

Всѣ серіи вмѣстѣ составятъ цѣнное СОБРАНІЕ ПРИВЕДЕННЫХЪ въ СИСТЕМУ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ и РОСТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ съ начала зарожденія Руси до настоящаго времени.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ

о вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ

Учебнаго Отдѣла О-ва Распространенія Техническихъ Знаній.

Работы посвящены . . . облегченію для учащейся молодежи и для лицъ, занимающихся самообразованіемъ, пользованія первоисточниками по русской исторіи. Цѣль эта въ высшей степени симпатична, ибо несомнѣнно, что лишь непосредственное знакомство съ первоисточниками даетъ серьезную основу занятіямъ исторіей и пріучаетъ мысль болѣе или менѣе самостоятельно разбираться въ научныхъ контроверзахъ. . . . . **В. Н. Бочкаревъ** даетъ обильный систематизированный подборъ отрывковъ изъ записокъ иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ XV — XVII вв. И въ этомъ изданіи чувствуется компетентная рука составителя. . . . . **Работа В. И. Пичеты** представляетъ систематическій подборъ отрывковъ изъ сочиненія Юрія Крижанича „Политичны Думы". По отношенію къ Крижаничу такого рода изданіе имѣетъ несомнѣнно raison d'être. Чтеніе „Политичныхъ Думъ" полностью крайне затруднительно въ виду языка, которымъ онѣ написаны. Между тѣмъ это — одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ для изученія исторіи Московскаго Государства второй половины XVII ст. В. И. Пичета даетъ своего рода vademecum по этому памятнику, систематизируя наиболѣе важныя мѣста, выражающія политическія и экономическія воззрѣнія Крижанича. Отборъ произведенъ, конечно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. . . .

А. Кизеветтеръ.—Русск. Вѣдомости, 13/XI. 13. № 262.

. . . Въ небольшомъ очеркѣ, предшествующемъ сказаніямъ иностранцевъ, г. **Бочкаревъ** даетъ краткую критическую оцѣнку ихъ произведеній, характеристику личности каждаго автора, а также устанавливаетъ степень компетентности его въ трактуемомъ предметѣ. Вообще, книга эта является цѣннымъ общедоступнымъ пособіемъ для ознакомленія съ нравами и обычаями Московской Руси и тѣми историческими условіями, подъ вліяніемъ которыхъ они слагались.

Е. Ган.—Вѣстникъ Европы. Мартъ, 1914 г.

. . . Число русскихъ источниковъ, по которымъ можно было бы возсоздать картину домашняго и общественнаго строя древней Руси, очень ограничено. . . Пользованіе этими источниками не всякому доступно, вслѣдствіе рѣдкости нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также потому, что большое число сказаній иностранцевъ напечатано только въ спеціальныхъ историческихъ изданіяхъ, имѣющихся лишь въ столичныхъ библіотекахъ. Отсюда становятся понятными значительность и полезность работы, произведенной **В. Н. Бочкаревымъ**. Его книга излагаетъ содержаніе 27 важнѣйшихъ источниковъ. Она раздѣлена на одиннадцать отдѣловъ (территорія, населеніе, экономическій, сословный, государственный строй, домашній и общественный бытъ, религія и др.). Каждый отдѣлъ, въ свою очередь, имѣетъ детальныя подраздѣленія. Къ каждому подраздѣленію подобраны соотвѣтственныя извле-

ченія изъ источниковъ. Такимъ образомъ въ небольшой, убористо напечатанной книжкѣ г. Бочкарева сконцентрировано все наиболѣе существенное изъ „сказаній“ иностранцевъ-современниковъ. Она будетъ полезна всякому, занимающемуся серьезно изученіемъ русской исторіи. Издана книга опрятно и недорого.

В. Г-нъ.—День, 10/XI. 13. № 306.

Сборникъ, **составленный г. И. Соловьевымъ,** нельзя не встрѣтить привѣтствіемъ особенно въ настоящую минуту, когда судьба нашихъ университетовъ снова является однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ общественныхъ вопросовъ . . . Документы первой части сборника,—памятники законодательства и акты управленія, — до сихъ поръ не могли быть извѣстны широкимъ кругамъ публики иначе, какъ по пересказу. Рѣдко кому представляется возможность справляться самому въ тѣхъ громоздкихъ оффиціальныхъ изданіяхъ, откуда они извлечены . . . Не только рядовой читатель, но даже любой знатокъ литературы русскихъ мемуаровъ не преминетъ сказать спасибо г. И. Соловьеву за то, что онъ предсталвилъ въ такомъ удобномъ для обозрѣнія видѣ эти отрывки, разбросанные главнѣйшимъ образомъ по множеству томовъ общихъ и спеціально-историческихъ журналовъ. Изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые были разсѣяны на такомъ широкомъ полѣ, прилежный составитель сборника связалъ букетъ, и, какъ всегда бываетъ, въ немъ краски заиграли съ особеннымъ эффектомъ.

Н. Сперанскій.—Русскія Вѣдомости, 16/XI. 13. № 265.

. . . Въ частности задача названной книги **(М. Португаловъ. Женщина** въ русск. худож. литер. 19—20 вѣка) заключается въ томъ, чтобы избранными отрывками нашей художественной литературы показать наиболѣе яркіе женскіе образы XIX в., какъ дореформеннаго періода, такъ и послѣ обновленія русской жизни въ 60-хъ годахъ. Передъ нами проходятъ вѣчные образы Татьяны, Ольги, Вѣры, Наташи, Лизы, Вѣры Павловны и мн. др. женщинъ яркими подтвержденіями тѣхъ мыслей, думъ и страданій, которыми жила и мучилась женщина еще столь недавняго прошлаго.

Какъ сжатая и яркая картина изъ русской исторіи XIX в. книга г. Португалова должна заинтересовать всѣхъ любителей историческаго чтенія и вполнѣ достигаетъ намѣченной цѣли.

А. Б.—Современникъ. Январь, 1914 г.

. . . Книги эти **(М. Н. Коваленскій.** Московская политическая литература XVI в. и **Л. С. Козловскій.** Герценъ—публицистъ) и въ популярно-изложенныхъ предисловіяхъ, и въ подборѣ соотвѣтствующаго матеріала служатъ незамѣнимымъ пособіемъ для тѣхъ, кто хочетъ поподробнѣе знать прошлое своей родины . . . . Сюда (т. е. въ книгу **М. Коваленскаго**—Московская политическая литература) вошли и оффиціальныя грамоты, и соборные отвѣты, и нравоучительныя слова, которыя, собранныя вмѣстѣ, даютъ возможность прослѣдить, какъ въ XVI вѣкѣ вырабатывались не только опредѣленные взгляды на власть и на организацію государства, но и какъ создавались тѣ политическія программы, которыя дали душу этой организаціи, опредѣлили весь характеръ ея жизненной дѣятельности . . . . . Матеріалъ въ ней (въ книгѣ **Л. Козловскаго**. Герценъ—публицистъ) подобранъ продуманно и систематично.

В. М. Л.—Голосъ Москвы. 5/IV. 14. № 79.

Сборники „ЭНЕРГІЯ“

подъ редакціей АЛЕКСАНДРА АМФИТЕАТРОВА.

Изящная словесность. — Критика. — Публицистика. — Научныя популяризаціи. — Мемуары. — Сатира. — Фельетонъ.

Содержаніе Перваго Сборника. **В. Сѣрошевскій**. Дары Сѣвернаго Вѣтра. Повѣсть. **Иванъ Свистовъ.** Лѣсная Темь. Стихотв. **А. Амфитеатровъ.** Юность одной пѣвицы. (Человѣч. докум.) **Четыре письма А. П. Чехова** съ замѣтк. и примѣч. **А. Амфитеатрова. Борисъ Тимоѳеевъ.** Сухіе сучки. Повѣсть. **А. Амфитеатровъ.** Времена и нравы. Ц. **1** р. **50** коп.

Содержаніе Второго Сборника. **I. Д. Айзманъ**. Свѣтлый Богъ. **II. Тэффи, С. Астровъ.** Стихи. **III. Н. А. Римскій-Корсаковъ.** Письмо съ замѣтк. и примѣч. А. Амфитеатрова. **IV. Молодое растетъ**. Разсказы о дѣтяхъ. **1. Н. Никандровъ**. Искусство. **2. Владиміръ Кадашевъ**. Огонь. **3. Кириллъ Волгинъ**. Атишка. **V. Неволя**. Разсказы объ узникахъ. **1. Иванъ Вольновъ**. Осенью. **2. Конст. Лигскій.** Via Dolorosa. **VI. А. Амфитеатровъ**. Сестра Елена. (Изъ записокъ одной пѣвицы). **VII. М. Новорусскій.** Предѣлы науки. **VIII. А. Петрищевъ**. Побѣдоносное пораженіе. Ц. **1** р. **50** к.

Содержаніе Третьяго Сборника. **I.** СТИХИ. **А. Черный, Тэффи, Н. Зубовскій. II.** ГОЛОСА ЛЮБВИ. **К.** и **О. Ковальскіе.** Когда цвѣтетъ земля. **Н. Ашешовъ.** Голова Олоферна. **В. Кадашевъ**. Золотая осень **З. Пѣшковъ**. Мимолетное. **III.** НЕВОЛЯ. **Андрей Соболь** (А. Неждановъ). Мендель-Иванъ. **IV.** MEMENTO. **Лазаревъ-Грузинскій.** Пропавшіе романы и пьесы Чехова. **А. Амфитеатровъ.** Разгонъ. Повѣсть **V.** ARS. **Гр. Тимофеевъ.** Листъ и русская музыка. **VI.** ВРЕМЕНА и НРАВЫ. **Карелинъ**. Сила и капиталъ. **VII.** САТИРА. **А. Черный, В. Князевъ, Кириллъ Волгинъ, И. С. Григорьевъ.**

Обложка, иллюстраціи и заставки отпечатаны съ оригинальн. ксилографій итальянскаго художника ЭМИЛІО МАНТЕЛЛИ.

В. Евгеньевъ.

ПИСАТЕЛИ-БОРЦЫ СЪ КРѢПОСТНОЙ НЕВОЛЕЙ.

Очеркъ изъ исторіи русской художеств. литературы XVIII и XIX вв. Цѣна 75 к.

Ю. Айхенвальдъ.

Посмертныя сочиненія Л. Н. ТОЛСТОГО.

Съ портр. Толстого (съ послѣдн. снимка).

Цѣна 45 к.

Александръ Амфитеатровъ.

„АУ!“

Сатиры, шутки, риомы и пр. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Александръ Амфитеатровъ.

НА ВСЯКІЙ ЗВУКЪ

Цѣна 1 р. 25 к.

Александръ Амфитеатровъ.

И ЧЕРТИ, И ЦВѢТЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

НАШИ ЖЕНЩИНЫ.

Разсказы. **Книга I** (Второе изданіе) съ портретомъ автора, **Книга II, Книга III** по **1 р. 50 к.** каждая — продаются отдѣльно.

Вас. Ив Немировичъ-Данченко

РАЗЖАЛОВАННЫЙ

Историческій романъ въ двухъ томахъ.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

М. Туганъ-Барановскій.

КЪ ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ.

I. Этика и обществ. жизнь. II. Кооперація. III. Экономич. жизнь. **Ц. 1 р. 50 к.**

А. Волынскій.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Съ портретомъ Достоевскаго **Цѣна 3 р.**

Каталоги и проспекты съ отзывами печати и указаніемъ содержанія по первому требов. безплатно. Книги высылаются наложен. платежомъ.

Пересылка книгъ на сумму не менѣе 2 руб. **безплатно;** за наложен. плат. 10 коп.

Книгоизд. Типо-Литографіи „ЭНЕРГІЯ“. Спб., Загородный пр., 17.

Сборники „ЭНЕРГІЯ“

подъ редакціей АЛЕКСАНДРА АМФИТЕАТРОВА.

Изящная словесность. — Критика. — Публицистика. — Научныя популяризаціи. — Мемуары. — Сатира. — Фельетонъ.

Содержаніе Перваго Сборника. **В. Сѣрошевскій.** Дары Сѣвернаго Вѣтра. Повѣсть. **Иванъ Свистовъ.** Лѣсная Темь. Стихотв. **А. Амфитеатровъ.** Юность одной пѣвицы. (Человѣч. докум.) **Четыре письма А. П. Чехова** съ замѣтк. и примѣч. **А. Амфитеатрова. Борисъ Тимоѳеевъ.** Сухіе сучки. Повѣсть. **А. Амфитеатровъ.** Времена и нравы. **Ц. 1 р. 50 коп.**

Содержаніе Второго Сборника. **I. Д. Айзманъ.** Свѣтлый Богъ. **II. Тэффи, С. Астровъ.** Стихи. **III. Н. А. Римскій-Корсаковъ.** Письмо съ замѣтк. и примѣч. А. Амфитеатрова. **IV. Молодое растетъ.** Разсказы о дѣтяхъ. **1. Н. Никандровъ.** Искусство. 2. **Владиміръ Кадашевъ.** Огонь. 3. **Кириллъ Волгинъ.** Атипка. **V. Неволя.** Разсказы объ узникахъ. **1. Иванъ Вольновъ.** Осенью. 2. **Конст. Лигскій.** Via Dolorosa. **VI. А. Амфитеатровъ.** Сестра Елена. (Изъ записокъ одной пѣвицы). **VII. М. Новорусскій.** Предѣлы науки. **VIII. А. Петрищевъ.** Побѣдоносное пораженіе. **Ц. 1 р. 50 к.**

Содержаніе Третьяго Сборника. **I.** СТИХИ. **А. Черный, Тэффи, Н. Зубовскій. II.** ГОЛОСА ЛЮБВИ. **К.** и **О. Ковальскіе.** Когда цвѣтетъ земля. **Н. Ашешовъ.** Голова Олоферна. **В. Кадашевъ.** Золотая осень. **З. Пѣшковъ.** Мимолетное. **III.** НЕВОЛЯ. **Андрей Соболь** (А. Неждановъ). Мендель-Иванъ. **IV.** MEMENTO. **Лазаревъ-Грузинскій.** Пропавшіе романы и пьесы Чехова. **А. Амфитеатровъ.** Разгонъ. Повѣсть **V.** ARS. **Гр. Тимофеевъ.** Листъ и русская музыка. **VI.** ВРЕМЕНА и НРАВЫ. **Карелинъ** Сила и капиталъ. **VII.** САТИРА. **А. Черный, В. Князевъ, Кириллъ Волгинъ, И. С. Григорьевъ.**

Обложка, иллюстраціи и заставки отпечатаны съ оригинальн. ксилографій итальянскаго художника ЭМИЛІО МАНТЕЛЛИ.

В. Евгеньевъ.

ПИСАТЕЛИ-БОРЦЫ СЪ КРѢПОСТНОЙ НЕВОЛЕЙ.

Очеркъ изъ исторіи русской художеств. литературы XVIII и XIX вв. Цѣна 75 к.

Ю. Айхенвальдъ.

Посмертныя сочиненія Л. Н. ТОЛСТОГО.

Съ портр. Толстого (съ послѣдн. снимка).

Цѣна 45 к.

Александръ Амфитеатровъ.

„АУ!“

Сатиры, шутки, риѳмы и пр. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Александръ Амфитеатровъ.

НА ВСЯКІЙ ЗВУКЪ

Цѣна 1 р. 25 к.

Александръ Амфитеатровъ.

И ЧЕРТИ, И ЦВѢТЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

НАШИ ЖЕНЩИНЫ.

Разсказы. **Книга I** (Второе изданіе) съ портретомъ автора, **Книга II, Книга III** по **1 р. 50 к.** каждая — продаются отдѣльно.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

РАЗЖАЛОВАННЫЙ

Историческій романъ въ двухъ томахъ.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

М. Туганъ-Барановскій.

КЪ ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ.

I. Этика и обществ. жизнь. II. Кооперація. III. Экономич. жизнь. **Ц. 1 р. 50 к.**

А. Волынскій.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Съ портретомъ Достоевскаго. **Цѣна 3 р.**

Каталоги и проспекты съ отзывами печати и указаніемъ содержанія по первому требов. безплатно. Книги высылаются наложен. платежомъ.

Пересылка книгъ на сумму не менѣе 2 руб. **безплатно;** за наложен. плат. 10 коп.

Книгоизд. Типо-Литографіи „ЭНЕРГІЯ“. Спб., Загородный пр., 17.